

группы. Можно было бы вслед за Л.Троцким и некоторыми современными публицистами утверждать, что существовал еще один класс — бюрократия. Суть не в том. Не умаляя негативного значения партократически-бюрократической прослойки, не производившей ничего, кроме самой себя, скажем лишь, что от этого сущность утонченно-издевательской формы эксплуатации не изменялась.

И опять-таки, если исходить из примата практики, то именно такая практика (рабская эксплуатация "ненаемного" труда) рождала деформации как политической теории, так и методологии социально-политических преобразований.

Конечно же, проблема деформации теории, вернее — методологии политических преобразований, осмысление сущности и стереотипов в ней, как уже было подчеркнуто, чрезвычайно обширная тема. Нам представляется, что конкретизацией этого вопроса, как это ни парадоксально, может служить не менее широкая (и "широко известная"), но не изученная до сих пор достаточно проблема человека.

И это не случайно. Становление новых социальных структур, укрепление суверенитета Республики Узбекистан выдвигает также настоятельную необходимость переосмысления роли, места и назначения человека, выступающего не только субъектом исторического процесса, но и творцом его, личностью, индивидуальностью в самом прямом смысле этого слова. Человек всегда есть некий ансамбль общественных отношений. И вместе с тем, человек — неповторимый индивид и эту индивидуальность человеческого существования невозможно ни убить, ни игнорировать. Понимание человеческого фактора в самом общем, абстрактном смысле этого слова, неучет потребностей и интересов конкретной личности, имевшие место в предшествовавшие годы, вели к метафизическому отрицанию индивидуальности человека.

Этому способствовал и господствовавший в течение десятилетий аналитический подход к проблеме человека, рассматривавший ЛИЧНОСТЬ вне связи с историческими, материальными, географическими условиями, индивидуальными, психологическими особенностями его жизнедеятельности.

Аналитический подход и повлек за собой односторонность в практической политике — "уравниловку", выравнивание интересов и т.д. С точки зрения сторонников такого подхода, человек — это всего лишь составная (причем весьма абстрактная) часть общества (элемент системы). Рассмотрение и изучение ценностей, интересов, потребностей конкретного человека, его традиций, обычаев, психологии, языка на фоне таких "глобальных" проблем, как "единая социальная общность", "революционный класс", "развитое общество", оставались в тени.

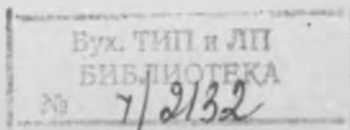
Такой подход реализовывался далее в официальной политике, в частности, в самой политике "активизации человеческого фактора" (о необходимости его хотя и много говорили в конце недавних семидесятых-восемидесятых, но все оставалось лишь декларацией). Более того, еще сам К.Маркс предостерегал от оперирования в процессе познания социальных феноменов только обобщенными категориями, относящимися к человеку. "Быть может, — писал он в замечаниях на книгу Вагнера, — мы попали в затруднение вследствие того, что рассматривали лиц только как персонифицированные категории, а не индивидуально".¹ Эту же мысль можно встретить в критике абстрактного гуманизма Прудона Марксом и Энгельсом², в работах В.И.Ленина³, она хорошо известна, хотя не всегда из нее делали должные выводы, которые и в сфере функционирования политической системы особенно значимы с точки зрения ориентации всей социальной системы на человека. Вся становящаяся политическая система суверенного Узбекистана, все ее компоненты должны быть ориентированы на личность, ее потребности и интересы, и критерием их эффективности должны быть результаты именно в этой сфере.

Сейчас уже очевидно, что и в самой философии сплошь и рядом в результате упомянутой ранее политики осуществлялась деформация диалектики, когда общие, абстрактные категории переводились в сферу конкретной политики.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.23.—С.172.

² См.: Там же. Т.3.—С.25, 44, 479.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч.—Т.1.—С.415, 427.

66
Ж-88

18

Р.З.ЖУМАЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

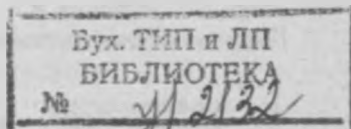
66

№-88

АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Р. З. ЖУМАЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ФАН" АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

1996

Жумаев Рустам Зиятович

Политическая система Республики Узбекистан: становление и развитие

Монография посвящена наиболее животрепещущим проблемам становления, укрепления и развития политической системы независимого Узбекистана. В работе нашли отражение вопросы политологического, социологического, философско-политического анализа становления системы власти, особенности ее взаимосвязи с укреплением гражданского общества, проблемы развития многопартийности, роли институтов политического опосредования в укреплении гражданского мира, стабильности и согласия в узбекском обществе.

Для слушателей высших курсов, аспирантов, докторантов философских наук, политологических и юридических специальностей, а также всех читателей, интересующихся проблемами становления национальной государственности в Республике Узбекистан.

Утверждено к печати решением научного Совета Академии государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан.

ИБ № 6703

Ответственный редактор
Рецензенты

доктор юридических наук А. А. Азизходжаев
доктор политологических наук И. Э. Эргашев
доктор философских наук Т. А. Джурасв

Редактор
Технический редактор
Корректор

Р. Б. Якубович
Н. Латыпова
З. Наджатова

Книга подготовлена к изданию фирмой "Мухаррир".
Ташкент, Чиланзар, Ц-4-7. Тел.: 77-09-93.

Подписано к печати 20.05.96 г. Формат 84х108/32. Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 13,25.
Тираж 4000 экз. Заказ 31. Цена договорная.

Отпечатано в типографии института "Кибернетика" АН УзР. 700143, г. Ташкент, ул. Ф. Ходжаева, 34.

Издательство "Фан" АНРУз: 700047, г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Ж 0301040200 — з 3596 — ред. 96
М 355(04) — 96

ISBN 5 — 648 — 02389 — 8

© Издательство "Фан" АНРУз, 1996 г.

ВВЕДЕНИЕ

XX век характеризуется наибольшим обострением и динамизмом политических событий, их насыщенностью и многовариантностью. Мировые войны, смена политических и экономических систем, революции, падение последних бастионов расизма и колониализма, национально-освободительные движения, крах тоталитаризма во многих странах мира и, наконец, все более явственно проявляющийся путь человечества к свободе и демократии повлекли за собой переориентацию во всех сферах человеческой деятельности, но особенно в системе ценностей, культуре, нравственности, науке. Если кратко охарактеризовать XX век, то его можно назвать веком интенсивной смены политических систем, а, следовательно, политических идеологий и политических теорий.

На этом фоне возникновение в конце XX века политологии как самостоятельной науки —объективный феномен. Зачастую политологию определяют как науку о политической системе. С такой трактовкой политологии трудно согласиться. Вне поля зрения остаются многие, хотя и связанные с политической системой, но вполне самостоятельные социальные феномены, например, деятельность самих субъектов политики, их интересы, потребности, цели, психология и т.д., их "проявленность" в качестве объектов политического воздействия, взаимодействие, взаимосвязь субъектов и объектов политических процессов и т.п.

Такой подход существенно обедняет политическую науку, хотя в нем и отражен тот реально существующий факт, что предмет политологии может быть раскрыт с достаточной

полнотой лишь при рассмотрении политической системы. Главное при этом — не ограничиваться односторонним рассмотрением только политической системы, а развивать и обогащать комплексные социально-философские, социологические, социально-психологические, правоведческие, политико-экономические исследования сущности политической системы, ее взаимосвязи, взаимного функционирования, взаимообусловленности и взаимодетерминации со всеми компонентами социальной системы.

Первые шаги в этом направлении уже делаются. Созданный по Указу Президента Республики Узбекистан И.А.Каримов Институт стратегических и межрегиональных исследований, Университет мировой экономики и дипломатии, кафедры политических наук учебных заведений, научные центры имеют существенные научно-теоретические наработки по исследованию становления политической системы независимого Узбекистана, особенностей ее функционирования, прогнозированию ее развития.

Неоценима в этом отношении практическая деятельность руководства республики, делающего все необходимое для становления и укрепления той политической системы, которая бы соответствовала независимому пути развития нашего государства.

Республика Узбекистан находится на самом начальном этапе своего обновления и прогресса. "Сейчас настало время осмыслить и определить: какое государство мы строим? Каким оно должно быть? Какова его роль в формировании нового демократического общества?"¹ Политологическое, социально-философское осмысление формирующейся политической системы Узбекистана — задача не только теоретическая, но и практическая. И в этом смысле она выдвигается в число первоочередных проблем, которые ждут своего научного толкования и анализа. Это вызвано и тем, что сферы общественной жизни, захватываемые политическими процессами, существенно расширяются. Характерным отличием XX века является то, что в любой политической системе государство все более утрачивает положение единственного инструмента политики. На политическую арену все более

¹Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана. — Т.: Узбекистан, 1995. — С.7.

радикально выходит Человек. Человек, ранее отчужденный от государства, от политики, Человек, который все более и более превращается в истинного творца исторического процесса. Его место в политической системе, его взаимосвязь с ней, взаимная направленность этих субъектов в политических и вообще социальных процессах — актуальнейшая политическая проблема, которая до сих пор ждет своего политологического и социально-философского осмысления.

Особенностью нынешней эпохи является и то, что государство все более и более оказывается опутанным сложнейшей системой институциональных взаимоотношений, которые соединяют его с гражданским обществом и обеспечивают все более растущую демократизацию официальной власти. Это обуславливает необходимость всестороннего социально-философского исследования как сущности самой власти, так и ее взаимосвязей с гражданским обществом, политическими партиями и движениями, со всеми институтами, обеспечивающими в обществе гражданское согласие и стабильность. Существовавшие "теоретические" наработки по исследованию сущности власти утратили свою актуальность и значимость в основном хотя бы в силу того, что они насильно пронизаны старой парадигмой. Идеологическая доминанта не позволяет выстроить стройную систему научного знания о политической системе.

Естественно, что в нынешних условиях такой подход абсолютно неприемлем, тем более, что за годы независимости в Узбекистане сформировалась новая структура власти, возникли совершенно новые компоненты политической системы.

Исследование политической системы — тема, никогда не теряющая свою актуальность, ибо сам исследуемый феномен постоянно изменяется, модернизируется, обрстая новыми качествами и структурными компонентами. Так, широкая подготовительная кампания и проведение выборов в Олий Мажлис на многопартийной основе — лишь верхняя часть айсберга политической жизни современного Узбекистана. Многопартийность, активизация деятельности общественных

организаций и движений, национальных центров, всех других институтов гражданского согласия, взаимодействующих во имя стабильности, мира, процветания, и, в конечном итоге, укрепления независимости Республики Узбекистан — все это в совокупности требует как своего осмысления, так и прогнозирования тенденций их развития.

Осмысливать события по прошествию определенного времени — наименее безошибочный и наиболее продуктивный путь в социальном познании. Но наиболее актуальным все же, на наш взгляд, является анализ социальных феноменов не в статике, а в динамике, в движении, в развитии. Тогда наиболее очевидными становятся взаимосвязи и отношения, эффективность уже устоявшихся и перспективность и многовариантность моделируемых элементов рассматриваемой системы.

В этом отношении проблемы укрепления такого феномена независимости Республики Узбекистан, как развитая политическая система, динамика формирования и укрепления ее правового фундамента, ее важнейших основ легитимности — демократизации всех сфер жизнедеятельности общества, социальной ориентированности создаваемой рыночной экономики, идеологии национальной независимости и т.д. — являются наиболее актуальными как в политическом, так и в социально-философском аспектах.

ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

II КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ "ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА"

Для нынешнего периода развития суверенного Узбекистана характерны глубокие качественные перемены. Они целенаправленно вытекают из сформулированных Президентом И.А.Каримовым принципиальных методов, на которых основывается свой, применительно к нашей республике, путь обновления и прогресса. Принципы приоритета экономики над политической конъюнктурой, сильной социальной политики, верховенства закона во всех делах общества, последовательность и поэтапность реформ, главным проводником, рычагом которых является государство, — все это лежит в основе создаваемой идеологии национальной независимости.

Но эти принципы, как и любые другие, без их направленности на наши (граждан Узбекистана) конкретные потребности, интересы, цели, без творческой и активной поддержки населением процесса политического и экономического реформирования способны превратиться лишь в политическую декларацию. Поэтому не случайно в своей книге "Узбекистан: свой путь обновления и прогресса" Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов неоднократно подчер-

кивает, что политическое и государственное устройство должно быть направлено на человека, исходить от него, "гарантировать человеку свободный выбор форм его политического, экономического и социального бытия"¹. Конечно, решить эту многосложную задачу, исходя из сложившихся объективных условий — наследия тоталитаризма, развала всех и всяческих структур бывшего Союза и пр., довольно трудно, но вполне возможно.

И необходимо отметить, что уже сейчас намечаются пути решения этой задачи. Одним из них является кардинальное обновление политической системы общества, структур государственных органов, разграничение полномочий и функций республиканской и местной власти и т.д.² И, естественно, без теоретико-методологического осмысления самой сути становящейся новой политической системы невозможно сделать ни единого практического шага по ее обновлению, а значит — и улучшению социальной жизни.

Сразу же необходимо, на наш взгляд, отметить следующее: каких-либо общепринятых, устоявшихся подходов к пониманию политической системы ни в зарубежной, ни в отечественной литературе не существует. Подходов в последние годы появилось немало, но они отличаются либо загруженностью определенной идеологической парадигмой, либо нежеланием выйти за рамки политологии и, как следствие, мы имеем сужение рамок категории "политическая система". По этой причине о политической системе бытуют представления как об "инструменте, механизме принуждения, власти по-разному понимаемых социально значимых целях: интеграции, адаптации общества и т.п."³ При таком подходе категория "политическая система" оказывается подмененной понятием "государство". Имеет ли это достаточные логические основания?

Американский политолог Д. Истон определяет политическую систему как механизм преобразования идущих от общества

¹ Каримов И.А. Узбекистан: свой путь обновления и прогресса. — Т.: Узбекистан, 1992. — С.15.

² Там же.

³ См.: Шабров О.Ф. Политическая система: структура, типология, устойчивость. — М.: Луч, 1993. — С.3.

социальных импульсов в политические решения и действия¹. Отдавая должное попытке подхода к политической системе с позиций политолога-демократа, мы все же вправе спросить: как различить, где сама политическая система, а где механизм и окружающая его социальная среда? Почему тогда данный феномен автор называет не политическим механизмом, а именно политической системой?

Зачастую можно натолкнуться на вольную или невольную подмену определения политической системы перечислением составляющих ее компонентов². Вообще, в литературе советского периода больше внимания уделяется не категориальному, а сравнительному анализу политических систем "социалистического" и "эксплуататорского" общества³, который в силу этого чрезвычайно страдает от претенциозности и идеологической загруженности.

Примеров неадекватного толкования понятия "политическая система" можно привести сколько угодно, и главная их отличительная особенность заключается в том, что они не раскрывают ее сути. Это вызывает необходимость обратиться к основам понятия "политическая система"—этимологическим, формально-логическим и теоретико-методологическим, дабы адекватно воспроизвести сущность, значение и место данной категории в системе научных понятий. Ключевым при этом является строгое определение составляющего данную категорию понятия "политика".

Не ограничиваясь наиболее известными дефинициями типа "политика есть самое концентрированное выражение экономики", "устройство государственной власти", "участие в делах государства, направление государства" и т.п.,⁴ с самого начала отметим, что политика представляет собой особую форму общественного взаимодействия по поводу

¹ См. в кн.: Паран П. Сравнительная политология / Пер. с англ. в 2-х частях.—М.: Прогресс, 1992.—С.14.

² См.: Политическая система // Советский энциклопедический словарь.—М.: Советская энциклопедия, 1981.—С.1041.

³ См., например: Чехарин Е.М. Политическая система общества // Философский энциклопедический словарь.—М.: Советская энциклопедия, 1989.—С.492 и др. работы.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч.—Т.23.—С.239; Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.33.—С.340; Т.1.—С.360 и др.

реализации (желательно—наиболее полной) потребностей, интересов, целей определенных социальных групп, партий и государств. Создание оптимальных условий для реализации этих потребностей, интересов и целей, стремление к этому и сама реализация и составляют суть понятия "политическое". То есть любые политические отношения есть прежде всего отношения социальные, отношения деятельности различных людей — представителей определенных слоев общества, наций, социальных групп. Сама же политика выступает как специфичная форма общественной деятельности. Сущность политики как деятельности мы рассмотрим в следующем разделе, пока же отметим, что исходить необходимо из понимания сути человеческой деятельности как целостной системы, где ее взаимосвязанными, нерасторжимыми сторонами выступают две подсистемы — материальное и духовное. Эти два наиболее общих, неразрывно связанных и одновременно противоположных типа деятельности свою конкретизацию получают в различных формах, в частности, в политике, которую, в свою очередь, трудно представить вне диалектического единства практических отношений и идеологии.

Конкретизация, выявление специфических сущностных характеристик политической деятельности проявляются хотя бы в том, что не всякие практические отношения есть политика, что не всякое познание отражается понятием "политика". Как справедливо отмечает А.Е.Бовин, "политическая теория, давая общую ориентировку политической деятельности, не может охватить всего многообразия событий, очертить всю совокупность возможных следствий из данной совокупности. Поэтому политика, даже научная политика — столь же искусство, сколь и наука. Тем более, что политика подвержена влиянию личных качеств политических деятелей. Диапазон отклонений, вызванных действиями субъективных факторов, объективно ограничен. Но он вполне достаточен, чтобы привести к неоднозначности политических действий"¹. По мнению данного автора, субъективный фактор — основная составляющая политической деятельности. Видимо, поэтому политику зачастую отождест-

¹ Бовин А.Е. Политика //Философский энциклопедический словарь. С.491.

вляют с управлением. Но необходимо подчеркнуть, что о политике можно говорить лишь в том случае, когда объектом воздействия становится человек. В этом случае совокупность функций, через которые управляющий воздействует на управляемого, то есть однонаправленную связь (подчинение), принято называть властью. Поэтому сама политика зачастую выступает как воздействие, отношения принуждения (а зачастую и насилия). То есть ставится знак равенства между политикой и властью. Налицо явное упрощение проблемы.

Если быть корректным в терминах и если на основании этого рассматривать политику с позиций управления, то очевидно, последнее следует рассматривать не только как воздействие субъекта на объект. Управление скорее предстает как взаимодействие субъекта управления и управляемого объекта, как совокупность сложных взаимодетерминирующих, взаимообусловленных, прямых и обратных связей между ними. Действительно, между субъектом и объектом управления возникает сложнейшая система взаимоотношений, в которой трудно определить, кто же на кого воздействует, кто в чем и в каких пропорциях от кого зависит.

На определенном этапе становится возможной организация политических институтов, позволяющих добиться такого доминирования (хотя бы в перспективе). Отсюда естественным образом возникает понимание политики как реализации государственной власти. Поэтому не случайно и возникновение вечного вопроса: "Может ли существовать политическая система, не основывающаяся на принуждении, на доминировании одних над другими?". Если будем исходить из названного подхода, то ответ будет отрицательным.

Наиболее отвечающим особенностям конца XX-го и начала XXI века — века намечающегося пути человечества к демократии и той свободе, о которой оно мечтало тысячами и которую так многообразно отразили выдающиеся утописты прошедших эпох, должно явиться понятие "взаимодействие".

Рассмотрение человека, социальных групп, партий, движений, государственных и других политических институтов во взаимодействии, выявление их места и роли, характера взаимной детерминации, взаимной обусловленности и взаимного функционирования каждого из них в отдельности и с остальным

миром в совокупности как раз и выражают специфику социально-философского анализа политической системы. При таком подходе мы можем дополнить понимание сути данного феномена, представленного ранее как система реализации государственной власти, рассмотрением ее как системы возникающих отношений по поводу этой власти. Именно эти отношения порождают связующее системное качество различных людей и политических институтов, объединенных в политическую систему. Существенно, что они не только отделяют данную совокупность от остального мира, но и "помечают" собой каждый из принадлежащих системе элементов.

Последнее обстоятельство представляется чрезвычайно важным, так как позволяет выявить адекватную структуру данной системы и отделить то, что к ней не относится. Между тем, и в этом вопросе единого мнения не существует. В одних случаях в качестве структуры политической системы понимают закрепленную правом совокупность социальных институтов, причастных к реализации власти (Конституция СССР, 1977 г.), в других сюда относят общественные группы, классы, имеющие свои специфические интересы¹. Индийский политолог П.Шаран в качестве компонентов политической системы рассматривает экономическую и даже... географическую среду. Нужно ли относить к структуре все то, что так или иначе влияет на нее?²

Думается, адекватный подход к выявлению сущности политической системы, ее функционирования и структуре возможен не по пути наибольшего абстрагирования, а при рассмотрении диалектики развития конкретной политической системы во всем многообразии ее проявлений. Метод восхождения от единичного к общему позволит выявить не только наиболее общие качества данной системы, но и, во-первых, способствует моделированию ее структурных компонентов во взаимосвязи, в процессе динамики и развития, во-вторых, прогнозировать тенденцию развития данной системы,

¹ См.: Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление.— М.: Политиздат, 1981.—С.432.

² См.: Шаран П. Сравнительная политология. Ч.1. С.:11-200.

в-третьих, выработать практические рекомендации по оптимизации ее функционирования.

Наработки по теории государственности существовали всегда, и в определенной степени были плодотворными в смысле наращивания и экспликации представлений о политической практике, однако очевидно, что социальная философия, как и любая другая наука, должна была идти не только по пути наращивания знаний, но, прежде всего, по пути диалектических скачков, являющихся непременным условием развития науки. Наращивание — необходимый, но не самый важный этап данного развития.

Таким образом, процесс развития общественных наук без соответствующего переосмысления старых гипотез и смены их новыми, не мог не привести к факторам, тормозящим это развитие. Мы имеем в виду процесс рождения стереотипов, от которых, кстати, не оказалась свободной и экспликация представлений о политике, политической системе, о государстве в целом. Вообще процесс рождения стереотипов в науке, их взаимосвязь с практикой и их влияние на последнюю — обширнейшая тема, нуждающаяся в особом исследовании.

Сейчас же попытаемся понять, как появились и почему до сих пор существуют эти стереотипы в методологическом осмыслении политики. Откуда, несмотря на, казалось бы, "правильное", "научное" понимание политической проблематики, берется то, что мы называем порочной практикой, те нежелательные и неожиданные результаты, которые давала сама практическая деятельность советских людей?!

Конечно, для ответа на этот вопрос необходимо изучить комплекс наших правовых, экономических, политических, психологических, нравственных знаний и представлений.

Возьмем лишь один аспект — теоретико-методологический. Как нам представляется, одной из основных причин является существование догматического мышления. Решая основной вопрос философии, мы говорим о примате природы над духом, а в понимании человека и его деятельности пришли к необоснованному выводу о примате непосредственно-практического (материальных практических преобразований) над духовным (научным, мировоззренческим, нравственным).

Одна из сторон диалектики единой системы материального и духовного в деятельности человека была оторвана, превращена в абсолют. Теория, которая лишь декларировалась в ее связи с практикой, на деле превратилась в служанку практики. Не подкрепленная никакими научными данными, практика превращалась в своего рода Молох, безжалостно уничтожающий всякую теорию, которая не только не защищалась сама, но и не подвергала ее даже робкой критике.

Теория политизированная, идеологизированная, теория, лишенная объективности рассмотрения (прежде всего социальных процессов) и не могла претендовать на роль путеводной звезды в практических и, в первую очередь, политических преобразованиях. Получался порочный круг — порожденная такой практикой, теория возвращалась к ней, "обогащенная" новыми схоластическими измышлениями, и рождала свое генетически порочно-запрограммированное дитя—очередную "теорийку", или даже целое направление типа "лысенковщины". И те же, с чьего ведома и указания этот процесс "деторождения" осуществлялся, обвиняли теорию в схоластике, догматизме, начетничестве и т.д. (См.: Материалы XXIV, XXV, XXVI съездов КПСС).

Конечно же, практика опережала теорию, и обвиняющие теорию в вышеназванных грехах не могли не видеть методологические основы, вернее было бы сказать—причины стагнации. А смысл как раз заключался в таком опережении практикой теории.

Осознавая деформацию и самой теории, и самой практики, некоторыми философами причины такой деформации трактовались слишком вольно. Подвергались сомнению и материалистическое решение основного вопроса, и субординационные связи между материальной и духовной деятельностью. Можно эти трактовки причин суммировать высказыванием И.Золотусского о том, что XX век опроверг эти положения, и что идеи господствуют над материальным.

Конечно, можно было бы ограничиться указанием на то, что сознание не участвует в создании базисных структур, оно не является их первопричиной. Но этого явно недостаточно. Ведь XX век — век сознательного выбора типа экономики. Следовательно, речь должна идти о взаимодействии, взаимообусловленности и взаимном

функционировании теории и практики, политики и идеологии.

А каковы "практические" основы деформации политической теории, рождения стереотипов в науке, в политике и практике?

Как известно, самый нерентабельный труд — рабский. Но, думается, негативное значение рабского труда еще не совсем адекватно оценено. Специфическая особенность этой исторической формы деятельности человека, на наш взгляд, заключается в том, что в отличие от труда производительного (рабский труд — труд непроизводительный), он — труд, истощающий не только себя, но и те производственные отношения, из которых он рожден как конкретная форма. Здесь необходимо уточнить, что производственные отношения — продукт социальной политики, а форма труда, в том числе рабский труд — продукт производственных отношений. Рабский труд как конкретно-историческая форма проявления труда вообще изживает не только себя, но и перспективы дальнейшего развития всех сфер жизни общества, в котором он культивируется. Продуктом этого труда является то, что мы бы назвали безвременьем (конечно, есть и другие термины — стагнация, застой и т.д.).

Есть основание утверждать, что рабский труд в условиях массового отчуждения (отчуждения дехканина от земли, рабочего от производства, человека от "единой социальной общности — советского народа") принял более утонченную, изощренно-издевательскую форму. Основанием для такого утверждения являются хотя бы названные формы отчуждения.

Если же придерживаться терминологии, что коль существует рабский труд, то должно быть и лицо, пользующееся материальными результатами этого труда. Зачастую называется в качестве такого гипотетического монстра-эксплуататора само социалистическое государство. Но социалистическое государство, будучи надстроечным явлением, есть прежде всего аппарат, выражающий волю того или иного класса, подавляющий другие классы или управляющий "группами классами".

В условиях социалистического отчуждения (государства от народа, от конкретного человека в том числе) этот аппарат все же не может не выражать волю той или иной социальной

Но, как нам представляется, политика, являясь средством реализации практики, вместе с тем (как ее форма) реализует лишь те возможности социального организма, которые общество осознало.

А что делать с такими, о которых мы пока ничего не знаем или зная — замалчиваем? Думается, что наиболее близка к истине в плане адекватной практической реализации подлинно демократической гуманной политики методология, рассматривающая общество как высокоорганизованную систему. Если общество как система высокоорганизовано, то все его элементы (нации, народности, конкретные люди со всем спектром их культур, традиций) взаимосвязаны и каждый из них может изменить свое состояние, лишь отражая или вызывая изменения любого другого элемента или системы (общества) в целом.

Продуктивность такого подхода к политической системе (не только в теоретико-методологическом, но и в практическом плане) заключается в понимании того, что ни одно общество, ни одна нация, ни одна народность, ни один человек не смогут развиваться свободно, если эти субъекты исторического процесса пренебрегают интересами другого, его культурой, языком, психологией, традициями, привычками, укладом жизни. Осознание этой важнейшей методологической проблемы построения подлинно гуманного, демократического общества — необходимый момент в практическом (не на словах, а на деле) понимании роли человека в этом мире.

Формирующаяся политическая система суверенного Узбекистана — новая становящаяся система отношений, действий, идей, институтов, продуцированных реализацией власти и управления в республике, и прежде всего государственной власти и государственного управления. Характерным для этой новой системы является то, что в ней наряду с подсистемой непосредственной власти (органы управления), вносящей в политику реализации и укрепления суверенитета республики организующее начало, конкретизирующей эту политику суверенитета и обеспечивающей ее оптимальное функционирование, все более значимую роль начинает играть подсистема генераторов политики, которая включает в себя и возможность прямых политических действий

(конкретные практические действия масс), и общественные движения, и политические партии, и конкретных людей. Далее мы более подробно рассмотрим эти две подсистемы, но сейчас считаем необходимым отметить следующее.

Основным системообразующим фактором политической системы, которая относится к типу социальных систем и характеризуется однопорядковостью, целесообразностью, упорядоченностью, взаимообусловленностью, взаимодействием составляющих систему компонентов, является политическая деятельность. Но политическая деятельность в данной системе — не цель (целью является прежде всего ЛИЧНОСТЬ), а направленность к этой цели, ее "стержневая ось", которая вместе с тем характеризуется гибкостью и динамизмом. Таким подходом к политической деятельности преодолевается еще один стереотип, заключающийся в понимании целей политической деятельности как реализации политической власти.

Когда главный вопрос всякой политической деятельности — это вопрос о власти, возникает угроза перерастания этой усвоенной (присвоенной) власти во власть самодовлеющую, во власть ради власти. Этот стереотип порожден "Манифестом Коммунистической партии", в котором говорится, что "политическая власть в собственном смысле — это организованное насилие одного класса для подавления другого"¹. Следовательно, (и этот вывод, полученный Марксом еще в 1848 г., применялся повсеместно) организованное насилие, составляющее основу политической власти, должен реализовать класс, осуществляющий власть, по отношению к классу, эту власть не имеющему. Поэтому и тезис Сталина о нарастании классовой борьбы с развитием социализма не случаен, он формально-логически правилен, если исходить из марксовой предпосылки (не следует путать формально-логическую правильность и истинность суждения).

Очевидно, что выводы из такого определения в "Манифесте" не только не отвечают реалиям сегодняшней политической практики, но и сужают сферу действия политической власти. Видимо, избегая такого сужения, рядом философов

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.4.—С.447.

в 70-80-х годах (Г.Л.Смирновым, Е.Вятром и др.) делались попытки смещения акцентов на содержательную направленность политической власти, выяснению ее природы, ее психологических компонентов, ее коммуникативных, регулятивных и других функций. Несмотря на определенную плодотворность таких попыток для наращивания знаний о политической власти, нельзя не отметить, что все же "уши" названного определения в них просматриваются довольно явно. Примером может служить "Философский энциклопедический словарь", где наряду со способностью и возможностью осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства — авторитета, права, насилия(!), политическая власть прямо определяется как социальное господство того или иного класса¹. Но, очевидно, что политическая власть не столь однозначна, даже если ее рассматривать исключительно в рамках сферы отношений социальных страт в тех же капиталистических странах, для которых, как утверждалось ранее, были "характерны чудовищная эксплуатация, насилие и т.п."

И уж если смещать акценты от господства и насилия в другую, более гуманную сторону, не ориентирующую в отношениях реализации власти на меры исключительно силового давления и характеризующуюся, вместе с тем, большей научной универсальностью, то в понимании политической власти важна ее экспликация как влияния, оказываемого на других — влияния политического, экономического, социального, духовного, психологического характера, предполагающего и ставящего во главу угла соблюдение прав и свобод конкретной личности.

Понимание системы политической власти как влияния, оказываемого на других, вскрывает такие субстанциональные черты данной системы, как ее открытость, динамизм, полифункциональность и взаимообусловленность. Последнее проявляется в тесной связи различного рода властей, к примеру, политической и экономической. Именно тесно переплетаясь, но не теряя своей специфики, различного рода

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. — М.: Энциклопедия. 1989. — С.92.

власти воздействуют на тот или иной объект. Это является и определенным показателем динамизма такой системы.

Зачастую политическая власть, как видно из прежде сказанного, понималась как воздействие на деятельность и поведение людей с помощью авторитета. Как нам представляется, рассматривать авторитет в качестве средства власти, а тем более абсолютизировать это — не совсем правомерно. Ведь общеизвестно, что авторитет может обладать зачастую большей властью, чем власть, скажем, официальная, и хотя авторитет не имеет материальной силы в виде органов принуждения, воздействие его может быть более сильным, чем прямое подчинение власти. Власть обладает авторитетом, но зачастую бывает так, что для сохранения этого авторитета, а то и самой власти, применение существующих властных методов становится нецелесообразным и приходится прибегать к компромиссам или к власти другого авторитета. Существующие властные компоненты (как материальные, так и духовные) в этом случае, конечно же, влияют на достижение поставленной цели, хотя реально и не применяются.

Для продуктивного научного исследования любой новой становящейся системы, в том числе и новой политической системы суверенного Узбекистана, в методологическом плане необходимо исследовать не только ее структурные компоненты, но и характер функционирования составляющих ее компонентов. И если фактором образования данной системы выступает политическая деятельность конкретных личностей, а целью ее — сама личность, то не меньшую роль играют основные составляющие этой деятельности. "Цель сама по себе без средства ничто" (Гегель), но цель со средством без деятельности, конкретных потребностей и интересов не есть реализация этой цели.

Поэтому не менее важен следующий вопрос: в чьих интересах функционирует данная система, то есть осуществляется политическая власть? Утверждать только, что "в интересах народа" — это по крайней мере недостаточно. Необходимо выявить в самой системе интересов как фундаментальные, основополагающие, прежде всего, интересы личности, а уж затем интересы различных социальных групп,

максимально дифференцировать систему интересов по различным основаниям, определить степень очередности в их удовлетворении. В гражданском обществе это и должно составлять (и составляет) приоритет в системе интересов политической власти.

Можно утверждать и то, что, несмотря на различные завуалированные и прямые попытки препятствовать, нынешнее руководство Узбекистана осуществляет сильную (не значит силовую) политику. Сильная политика — не стремление к диктату, это не силовые методы и не силовое давление. Сильная политика — последовательная политика, исходящая из знания потребностей и интересов различных социальных сил, конкретных людей, опирающихся на эти общественные силы и немыслимая без учета интересов народов Узбекистана в целом. Возьмем ли ряд последних законов, Указы Президента республики, — все это свидетельствует о том, что нынешнее руководство преобразует жизнь народов республики в соответствии с их потребностями и интересами. Максимальная дифференциация и баланс интересов конкретных людей, общества, социальных групп и исполнительного аппарата, в отношении которого сильная власть должна быть также сильной — вот ориентиры политической власти в Узбекистане, если она желает быть сильной.

Итак, как бы не развивались политические процессы в суверенном Узбекистане — это всегда будут процессы диалектически противоречивого функционирования всей политической системы и входящих в нее подсистем. Поэтому знание теоретико-методологических особенностей диалектики развития политических процессов — одно из главных условий оптимального функционирования как самой политической системы, так и составляющих ее политических институтов, ее нормативной базы.

Это позволит нам при дальнейшем анализе исходить из понимания политической системы как совокупности социальных институтов и конкретных граждан, соединенных отношениями, порождающими государственную власть и приобщающими каждый из этих институтов, каждого человека к реализации власти. Это понимание политической системы логичным образом вытекает из диалектического анализа

сути человеческих взаимосвязей и взаимодействия в условиях становления гражданского общества и правового демократического государства в Республике Узбекистан.

1.2. Политическая деятельность как фактор образования политической системы

Определяя цели и задачи построения независимого национального демократического государства, Президент И.А.Кари-мов подчеркивал, что главной опорой в достижении Узбекистаном великого будущего является личность, вобравшая в себя лучшие образцы культурного и исторического наследия, гуманистические традиции народа. Именно личность со всем спектром ее потребностей и интересов, со всей сложной системой ее деятельности выдвигается на первый план политических и экономических реформ. Именно на эту личность направлено реформирование социально-политического и экономического пространства республики.

Чем вызвана такая практическая переориентация политических процессов? Каковы социально-философские, методологические основы функционирования политической системы? Что выступает движущими факторами формирования политической системы?

На наш взгляд, исследования политической системы, где системообразующим фактором выступает политическая деятельность людей как объектов и субъектов власти, могут быть плодотворными лишь при условии учета всесторонности взаимодействия различных аспектов определения сущности политической деятельности. Речь идет о комплексном подходе к политической деятельности. Содержание данного подхода должно составлять рассмотрение ее как социального феномена (процесса) в диалектическом единстве внутренних стимулов ее развития и внешнего функционирования с выделением определяющих и образующих данную систему факторов. Необходимо отметить, что системный анализ, сводимый к структурно-функциональному подходу, не в состоянии вскрыть диалектически противоречивый характер той или иной системы. Более того, системный анализ, понимаемый только в структурно-функциональном смысле и именно в этом

смысле применяемый для практических преобразований, чреват превращением в методологию консерватизма и застоя.

Так, на определенном этапе в результате извлеченных из такого подхода выводов и рекомендаций для управления обществом и его сознательного регулирования объективные факторы развития и механизмы саморегулирования (производственное и общественное самоуправление, саморегулирование производства и потребления, технического прогресса, качества продукции и т.п.) перестали работать. Это, в свою очередь, сказалось и на других сферах социальной жизни. Особенно наглядно игнорирование задач комплексного, динамичного развития производства и общества сказалось на нашем регионе — Узбекистане, в частности — в области хлопководства и природопользования, которые на протяжении ряда лет рассматривались в отрыве друг от друга.

Незамедлительное решение возникших в результате такого подхода проблем использования водных и природных ресурсов, охраны окружающей среды (в частности — проблем сохранения Аральского моря и вытекающих из этого задач) невозможно вне комплексного исследования, имеющего не только теоретико-методологическое, но и практическое значение.

Таким образом, комплексный анализ политической деятельности нельзя сводить либо к структурному, либо к функциональному, либо к историческому, либо к прогностическому подходам. Лишь рассмотрение системности в широком смысле, то есть не только как организационной полноты и целостности, но и полноты охвата всех аспектов явления, анализа противоречий, выявления их порядка, взаимных связей позволит наиболее адекватно воспроизводить представления о политике и политической деятельности как сложной системе, и, что самое главное, системно (комплексно) реформировать социальную жизнь нашей республики.

При таком понимании комплексности предпринимаемый подход включает в себя деятельностный, структурно-функциональный, историко-генетический и другие аспекты, а сам объект исследования — политическая деятельность — не должен отрываться от исследования всех сфер социальной жизни.

Анализ историко-философских предпосылок понимания политической деятельности и существующие подходы к ее определению свидетельствуют о том, что в проводимых исследованиях признается необходимость комплексного подхода к раскрытию природы политической деятельности. Однако такой подход последовательно не проводится. Основное внимание сосредоточено на раскрытии многообразия факторов, детерминирующих политическую деятельность, и значительно меньше — на координационные и субординационные связи, внутреннюю детерминацию и противоречивость этих факторов.

Между тем, если попытаться последовательно провести указанный подход и субординировать наиболее существенные аспекты, определяющие содержание политической деятельности, то в самом общем плане она может быть определена как процесс активного, целенаправленного преобразования и отражения окружающей социальной, прежде всего политической действительности в соответствии с потребностями, интересами, ценностями, установками и идеалами человека. Исходя из такого понимания, политическую деятельность можно определить как особую форму человеческой деятельности, направленную на целесообразное преобразование общественных отношений. Такое понимание политической деятельности является наиболее общим и, как показывает опыт¹, требует своей дальнейшей конкретизации.

Если вкратце проанализировать основные существующие в философской литературе варианты интерпретации политической деятельности, в том числе в целом удачные, то видно, что они далеко не всегда предваряются хотя бы кратким анализом и классификацией исходных понятий.

Нередко высказывалось мнение, что политическая деятельность проявляется в двух формах — непосредственно политической (преобразование в объективном мире) и идеологической (преобразование в сознании). Соответственно этому идеологическая деятельность тоже является

¹ См.: Философские проблемы деятельности (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. — 1985. — № 5. — С. 94-96.

политической, поскольку и она, якобы, преобразует мир, но только не материально, а идеально¹.

Такие толкования сущности политической деятельности, как нам представляется, не совсем правомерны. Политическая (т.е. материально-предметная) деятельность гносеологически не есть полная и абсолютная противоположность идеологической, духовной деятельности, она — основное звено общей цепи процесса материального и духовного преобразования действительности. В реальной действительности политическая и идеологическая деятельность не изолированы друг от друга, а образуют диалектическое единство, которое, впрочем, не исключает их различия, известной противоположности. Вне такого единства нет действительно человеческой преобразующей, активной, целенаправленной деятельности.

Рассмотрение такого единства тем более необходимо, что "самая важная для нас проблема,—как подчеркивает Президент И.А.Каримов, — это создание национальной независимой идеологии и практическое применение ее в жизни"². Наряду с основными задачами обновления и преобразования, эта задача, как видно из данного высказывания, ставится вровень с осуществлением программы поэтапного вхождения Узбекистана в рыночную экономику, и не как нечто сопутствующее последнему, а в качестве самостоятельного катализатора социально-экономического процесса, как фактора, стимулирующего повышение уровня культуры и духовности нации и народа.

Признавая в качестве ведущего звена политической деятельности практические преобразования, всегда необходимо помнить, что она опосредствуется, коррелируется сознанием, идеальными планами, целями, установками. Но органичное единство — это и обратное влияние политического на идеологическое. Речь должна идти не о жесткой односторонней детерминации одного другим, а о взаимной детерминированности политики и идеологии, в ходе которых каждый из

¹ См.: Сафонов Ю.Ф. Социальная практика развитого социализма. — М.: Знание, 1980.—С.8-10

² Каримов И.А. Узбекистан: Национальная независимость, экономика, политика, идеология //Правда Востока.—1993.—8 мая.

данных феноменов не только раскрывает свои специфические особенности, но и происходит "обмен" и "взаимообогащение" качеств, присущих политике и идеологии. Именно непонимание этой особенности функционального единства политической и идеологической деятельности и является, на наш взгляд, причиной неправильного истолкования сущности деполитизации и деидеологизации.

Между тем, о наличии универсальных качеств, присущих и политической, и идеологической деятельности, не приходится сомневаться. Это подчеркивают многие авторы, хотя диалектика качественных и количественных изменений в конкретных видах деятельности ими осознается не всегда адекватно. Так, зачастую имеет место сведение категории "политическая деятельность" к понятию "политическая активность", отождествление свойства активности с самой деятельностью¹. Не дискутируя по этому поводу, подчеркнем лишь, что понятие "активность" шире по объему и содержанию, чем понятие "деятельность". Активность есть универсальное атрибутивное свойство материальных систем и характеризуется как: а) особый процесс взаимодействия на неорганических уровнях материи (элементарная активность); б) как биологическая жизнедеятельность (биологическая активность); в) на социальном уровне — как способность к деятельности, как свойство деятельности, как ее сущность. Сама же деятельность выступает "специфически человеческой формой активного отношения к миру, содержание которого составляет его целесообразное изменение и преобразование"².

Но при этом не следует упускать из виду, что активность человека — не наследственное видовое качество, обеспечивающее приспособление к среде, как это имеет место у животных, а социальное, приобретаемое в процессе преобразования действительности. Человеческие сущностные силы формируются и проявляются во всесторонней деятельности субъектов в процессе предметно-практического освое-

¹Об этом свидетельствует дискуссия, проведенная на стр. журнала "Вопросы философии". См.: Философские проблемы деятельности // Вопросы философии.—1985.—№ 2.—С.29-47; № 3.—С.29-38; № 5.—С.78-99.

²Деятельность // Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983.—С.151.

ния и преобразования мира, и потому активность как форма сознательной жизнедеятельности человека является его видовым социальным свойством. В этом смысле понятия "активность" и "деятельность" совпадают, ибо деятельность человека активна, а активность деятельна, и у человека нет другой активности, чем деятельность, направленная на преобразование объективной реальности.

Деятельность человека аккумулирует в себе в снятом виде активность всех предшествующих форм материи. Благодаря активности, человек наследует от прошлых поколений культуру, "багаж" знаний, категориальный строй мышления. Можно сказать, что активность характеризует универсальность человеческого бытия и благодаря ей человек овладевает всеобщими формами деятельности. Поэтому активность на социальном уровне есть не только способность к деятельности и ее свойство, но она также выражает сам характер деятельности, ее сущность, выступая как качественная определенность, избирательность, направленность и т.д.

Но, рассматривая диалектическую связь и единство активности и деятельности, необходимо помнить и об относительной самостоятельности активности, в силу чего активность не есть деятельность и наоборот. Как общественное качество человека активность обусловлена социально-экономическим уровнем развития общества и содержит в себе в снятом виде интересы и потребности определенного общества, класса, партии. Источником и побудительным мотивом активности являются практические потребности человека, лежащие в основе его жизнедеятельности. Выступая внутренним источником деятельности, активность становится мотивом деятельности, выражает ее продуктивный характер и избирательность, свободу проявления и т.д.

Активность выражает и количественный момент деятельности. Она является мерой деятельности, характеризует последнюю со стороны ее интенсивности и напряженности. Обнаруживается это в том, что степень активности бывает различна (например, активность в общественной жизни). При этом степень активности субъекта в реализации определенной деятельности возрастает при совпадении с интересами, целями, желаниями личности, или, наоборот, снижается, если выступает внешней необходимостью к субъекту деятельности.

Только в активном отношении к миру можно изменить его, переделать, в этом находит свое выражение универсальный характер человеческой деятельности. Эта универсальность реализуется в том, что человек осваивает мир разнообразными способами, но всегда активно и целесообразно¹. Именно в этом универсальность, выступая результирующим свойством деятельности, не является качеством одного какого-либо вида деятельности, она применима ко всей человеческой деятельности.

Что касается других признаков политической деятельности (предметность, социальность, продуктивность, преобразующий и целеполагающий характер), то они, как и универсальность, достаточно обстоятельно проанализированы в современной философской литературе.

Конечно, политическое и идеологическое преобразования отличаются как по операциям, так и по результату: в политическом преобразовании получают политическую систему, политические институты, отношения, а в идеологическом — понятия, нормы, категории и т.д. Различие и характер этих двух основных форм зависит и от субъекта, его воли, потребностей, целей. Но несмотря на это, преобразование здесь налицо. Характер деятельности определяет не предмет, на который она направлена, а "продукт, создание которого составляет ее цель"².

Таким образом, говоря о признаках политической деятельности, ни один из них нельзя субстанциализировать, ибо в каждом конкретном виде они проявляются в разнообразных оттенках и их сочетание носит специфический характер.

Политическая деятельность представляет собой также единство объективного и субъективного. Но это не значит, что ее следует рассматривать только в рамках гносеологической проблематики субъект-объектного отношения, которая связана, в первую очередь, с познавательным и практическим отношением между субъектом и объектом. Назрела

¹ См.: Ярошевский Т.М. Размышления о практике. (По поводу интерпретации философии К.Маркса). — М.: Прогресс, 1976. С.134-144.

² Губинштейн Л.С. Бытие и сознание. — М.: Изд-во АП СССР, 1957. — С.256.

острая необходимость перехода к пониманию субъектно-объектного отношения как системы, где наряду с политическими отношениями, занимают место и активно влияют на другие отношения ценностные, коммуникативные.

Таким образом, сразу встает вопрос о составе элементов такой системы, о ее структуре, функционировании и развитии, то есть о ее организационно-структурном, функциональном и историческом аспектах. Такой подход к анализу политической деятельности целиком отвечает тем требованиям комплексности, которые были уже изложены нами.

При нахождении новых типов отношения субъекта и объекта для реализации принципа их отбора в систему необходимо выполнение двух условий: а) инвариантность структуры "субъект-объект" (ее сохранение) и б) рассмотрение этой структуры как результата многоаспектного функционирования разнообразных социальных отношений. С этой точки зрения, по мнению Б.В.Орлова, простое отыскание субъекта и объекта мало что дает для нахождения новых типов отношения субъекта и объекта; очевидно, здесь наблюдается и встречный процесс—выяснение влияния новых структур субъектно-объектного отношения, конкретизирующих и дополняющих основную, инвариантную¹.

При этом не следует забывать, что в данной системе все ее компоненты— и субъект, и их взаимоотношения — носят также системный характер, что ее природа многоаспектна.

В философской литературе такой подход уже существует и его сторонники утверждают, что неправомерно было бы единственным интегральным способом признавать активность субъекта, тем самым сводить системность лишь к фундаментальному способу существования, каковой эта деятельность является. И они правы, ибо в последнем случае мы могли бы иметь дело с редукцией системности отношений субъекта и объекта. Полное теоретическое обоснование идеи системности отношений субъекта и объекта должно быть столь же многоаспектно, как и сама система отношений.

Как уже говорилось, активность присуща всей материи вообще и выражает способность последней к изменениям в

¹ См.: Орлов Б.В. Системность отношений субъекта и объекта (Методологические аспекты): Автореф. дис. — канд. филос. наук. — Свердловск, 1980. — С.10.

самых разных формах, зависящих от уровня организации материи. Каким же образом активность связана с системностью и вообще с системами в целом? Многие авторы (А.Е.Фурман, В.Г.Прохоренко, А.Н.Аверьянов) систему определяют как форму существования материи и считают, что материя вообще проявляется в форме систем, а системность является атрибутивным свойством материи¹.

Принимая данное положение, нам хотелось бы добавить, что способность материи к изменениям в самых разных формах (активность)—универсальное качество всех систем (форм существования материи), она вскрывает их с содержательной стороны и наряду с системностью является атрибутивным свойством материи. Естественно, если системность принять за атрибутивное свойство материи, а систему — как форму существования материи, то можно утверждать, что активность и есть один из всеобщих системообразующих факторов, объясняющих как образуются, функционируют, развиваются системы, как они сохраняют свою целостность, форму, ту особенность, которая позволяет отличать одну систему от другой, свою выделенность из среды². Это полностью относится и к политической системе в целом.

Формулировка активности как системообразующего фактора обладает большой продуктивностью и не противоречит пониманию самих системообразующих факторов как всех явлений, сил, вещей, связей и отношений, которые приводят к образованию системы. Мы подчеркнули слово "отношений" не случайно. В данном случае именно активность объекта в ее полном отношении к активности субъекта и к системе многообразных отношений и структур субъекта и объекта, опосредствующих эту взаимоактивность, является конкретным системообразующим фактором. Поэтому тезис об активности объекта самого по себе в корне неверен, ибо он приводит к отождествлению субъекта и объекта, а также к потере содержательности данных категорий познания и действия.

¹ См., напр.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира.—М.: Политиздат, 1985. — С.10-11.

² См., напр.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира. — М.: Политиздат, 1985. — С. 10-11.

Исходя из этого, мы считаем, что неправы те авторы, которые употребляют понятия "субъект" и "объект" для характеристики взаимодействия любых материальных систем (В.А.Василенко, В.Н.Типухин) или систем живой природы (К.А.Абульханова-Славская, А.Я.Пономарев, В.Ф.Сержантов).

Некоторые авторы, занимающиеся проблемой субъекта и объекта (К.А.Абишев, М.С.Каган, К.Н.Любутин и многие другие), считают атрибутом субъекта его активность, тогда как атрибутом объекта пассивность. С такой точкой зрения можно согласиться, ибо активности объекта самой по себе быть не может, так как нет и объекта самого по себе (это не значит, что активность присуща лишь субъекту и субъект может существовать сам по себе). Субъект и объект существуют лишь во взаимоотношении как противоположности, они — парные, соотнесенные категории. Только с этих позиций можно принять формулировку: "Без субъекта нет объекта, без объекта нет субъекта". Но в онтологическом плане формула "Без субъекта нет объекта..." выглядит слабой, она верна только в том случае, как отмечает К.Н.Любутин¹, если под субъектом понимать общество, причем находящееся к объекту (природе) в практическом отношении, в иных случаях формула неверна, так как оборачивается различными вариантами идеологической теории "принципиальной координации" субъекта и объекта.

Поэтому объект — это не только то, на что направлена деятельность, он, как и субъект, обладает более сложными характеристиками и большой противоречивостью. Это проявляется, например, в том, что субъект и объект могут меняться местами (в области общественных, и в особенности — политических отношений), что свидетельствует о соответствующей противоречивости их активности. Противоречивость активности субъекта и объекта проявляется и в том, что в состав объекта могут входить как материальные, так и идеальные объекты.

Материальный объект ничто иное, как часть объективной реальности, которая находится в отношении к субъекту, он

¹ См.: Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. — Свердловск, 1973. — С.13.

также внутренне противоречив, а, следовательно, противоречиво и его отношение к активности субъекта. Здесь наличие существования противоположностей части и целого, которые невозможно отделить друг от друга и это отношение части и целого в объекте требует более сложного понимания самого объекта и его активности. Объект, интерпретируемый через системность, выступает и как элемент, и как система. Как элемент он существует в отношениях к многообразным формам проявления материи, среди них — как к необходимым — к объективным закономерным материальным отношениям, и к субъекту как материальной системе. Как система объект включает в себя ряд подсистем. Эти подсистемы выявляют себя не только в отношениях к разнообразным субъектам, но и в силу особенного в самих объективных процессах и их результатах.

Выявление подсистем в системе объекта в результатах — это выявление их в отношениях, вещах, через все то многообразие субстратного и атрибутивного (в том числе и социального), что фиксируется на уровне общего в системе философских категорий. Активность сложного объекта, проявляясь через его системность, предполагает ряд взаимосвязанных аспектов.

Во-первых, под активностью подсистемы объекта следует понимать его объективную способность влиять на характер деятельности субъекта. Эта способность зависит от проявленности в объекте закономерных отношений объектов (как предметов) друг к другу. Закономерная составляющая активность объекта в отношении к субъекту проявляется через противодействие объекта субъекту, вызывающее как бы "обратную реакцию субъекта" через единение с объектом (то есть активность субъекта, верно выявляющая закономерное в проявлениях объекта, строит на основе этого выявления свою оптимальную программу деятельности).

Во-вторых, активность системы объекта есть следствие развития материи и его самодвижения. Это проявляется в многообразии возможностей реализации объектного бытия процессов и вещей, в том числе и в их отношении к субъекту.

С субъективной стороны это проявляется в поисковой характеристике активности субъекта. Изменяя в практике формы вещества природы и создавая по существу новые,

специализированные предметы, социальный субъект тем самым реализует и возможности материи становиться разнообразными объектами не только в зависимости от своей воли и цели, но и в зависимости от способности материи к самодвижению.

И, в-третьих, активность подсистемы объекта выступает проявлением его социальных качеств (как функциональных, так и системных) в их относительной самостоятельности, очень активно влияющих, например, на общественное поведение субъекта как на особое проявление его деятельности, на социальные отношения. Активность такого рода в целом связана с социальным системным функционированием объектов как результатов и условий социальной деятельности, с многообразием их социального обращения, что проявляется в закреплении за ними многообразных социальных функций. Активность такого рода существует в социально-коммуникативной, социально-институциональной и ценностной формах¹.

Итак, активность объекта в вышеуказанном смысле влияет и на форму проявления активности субъекта, а взаимоотношение субъекта и объекта—на сложность, многоструктурность той системы отношений, которая складывается в результате. Саму систему политической деятельности можно представить как диалектически противоположное, взаимосвязанное единство подсистем субъекта и объекта по политическому преобразованию социальной действительности. Фактором образования данной системы является активность подсистемы субъекта и подсистемы объекта, а фактором функционирования (или условием) выступают отношения между ними.

Таким образом, активность объекта и различие отношений подсистем субъекта и объекта в целом дают ключ к адекватному пониманию проявления активности в политической деятельности.

Активность в политической деятельности проявляется в выделении внешних и внутренних связей объекта, необходимых для создания предметов, удовлетворяющих политические потребности субъекта. Политическая активность обусловлена объективными закономерностями и наличным

¹ См.: Орлов Б.В. Системность отношений субъекта и объекта. — С.78.

уровнем знания, используемым субъектом в своей деятельности. Поскольку политическая деятельность осуществляется не как одновременное преобразование всех многообразных изменений действительности, а реализуется в конкретных условиях, при определенных обстоятельствах и соответствующей форме, то активность политической деятельности носит относительный характер. К тому же субъект сам не в состоянии охватить и воспроизвести весь процесс социального изменения мира. Однако эта кажущаяся ограниченность человека на самом деле оказывается неограниченной способностью в политическом изменении социальной действительности. Политика — единственный способ изменения ее, и в этом смысле активность политической деятельности носит абсолютный характер.

Поэтому она может быть рассмотрена и как характеристика способа существования и развития политического субъекта, выражение его активности в политических процессах. Понятие политической деятельности в данном случае фиксирует момент взаимодействия между человеком и социумом, "чистую активность" субъекта действия.

От характеристик субъекта — его подготовленности к действиям, понимания условий деятельности, знания и познания не только природы объекта, на которую эта деятельность направлена, но и его отношений с самим субъектом, уровня сознания общественных и личных потребностей и целей, разумности и своевременности принятого решения, степени активности и целеустремленности в его реализации зависят темп, характер и уровень общественного развития.

Таким образом, исследование политической деятельности как социального феномена с необходимостью должно носить системный (комплексный) характер. Такой подход предполагает учет всех сторон взаимодействия различных аспектов определения сущности политической деятельности, анализ противоречий, возникающих в процессе политических преобразований, выявление их порядка и взаимных связей различных структурных элементов политической системы. Это позволит, в свою очередь, определить содержательный объем политической деятельности как целостной системы.

Итак, именно человек, его деятельность определит в конечном счете возникновение и функционирование любой социальной, политической системы. Преобразующая политическая деятельность человека формирует политическую систему, через эту же деятельность, посредством этой деятельности люди участвуют в реализации возможностей взаимосвязи политической деятельности и политической системы, где первая выступает важнейшим системообразующим фактором для второй.

Следующим существенным моментом является и то, что политическая система не функционирует без гражданского общества, основу которой составляет "живая деятельность" конкретных людей. В силу этого сами люди вносят в политическую систему элементы своей культуры, традиций, психологии, нравственности. Это накладывает отпечаток на особенности функционирования политической системы, ее типы, формы социальных и политических взаимоотношений.

(Именно этими факторами можно объяснить сущность феномена "восточной демократии", объективное существование которого зачастую пытаются отрицать некоторые западные ориенталисты).

Вышесказанное отнюдь не означает, что человек является "первокирпичиком" политической системы. Нет человека, который жил бы одной только политикой. Будучи вовлеченным в сложную систему социальных взаимосвязей, он лишь определенным образом включается в отношения по поводу власти. И если даже этот человек — профессиональный политик, "чистой политикой", вне всех прочих сфер жизни общества, как бы он этого не хотел, заниматься не в состоянии, ибо политическая деятельность — деятельность прежде всего — социальная.

Поэтому выявить чистую, рафинированную политическую деятельность в качестве компонента, элементарной частицы политической системы было бы не совсем верно. Политическая деятельность людей хотя и является фактором образования любой политической системы, но не есть основная единица, также, как таковой в этой системе не является и человек. (Кстати, именно непонимание этого и явилось "методологической" основой рассмотрения человека как "винтика" государственного механизма). Не человек в целом является структурным компонентом политической системы, а полити-

ческая роль, которую этот человек играет (официальные роли — депутат, спикер, судья, прокурор, член партии, избиратель и т.д., неофициальные — агитатор, абсентеист, демонстрант и т.п.). Человек для нас важен не как первичный элемент политической системы (в этом случае все опять осталось бы на уровне общих абстракций), а как субъект и объект активной политической деятельности, которая формирует, образует (преобразует) политическую систему, и, следовательно, самого человека. Именно через свою деятельность, в которой аккумулированы его потребности, интересы и цели, он вовлекается в орбиту взаимосвязанных политических ролей, совокупность которых и составляет политические отношения и политические институты.

Оказавшись фактически вовлеченным в эту орбиту (ибо нет гражданина, которому полностью удалось бы оттородиться от политики), человек, в зависимости от сознания своих потребностей, формулируемых целей, возможностей, начинает определять свое место в политической системе. Именно эти детерминанты и обуславливают то, какой политической ролью — официальной (описываемой законом, правилами, инструкциями) или неофициальной, будет довольствоваться человек. Человек, если он живет в политически организованном обществе, так или иначе своей деятельностью всегда вовлечен в политику. Лозунги о деполитизации, характерные для "эпохи перестройки", были ничем иным, как средством для устранения тех или иных политических оппонентов.

Завершая данный раздел, еще раз подчеркнем, что процессы обновления, которые неуклонно ширятся в Узбекистане, в конечном итоге, зависят от Человека, выступающего и как субъект, и как объект политической власти. И если политическая система республики исходит от человека, ориентирована на человека, служит человеку, она стабильна, у нее блестящие перспективы развития.

1.3. ВЛАСТЬ КАК ОСНОВНОЙ АТТРИБУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Историческое развитие общества, в какие бы идеологические или мировоззренческие одежды его не облекали, в конечном итоге, ведет к преобразованию властных отношений, выступающих, в свою очередь, и как цель, и как

условие социальных изменений. Но что есть власть? Какова ее природа и механизмы осуществления? Существуют ли единые "для всех времен и народов" признаки власти?

Необходимо признать, что академические научно-исследовательские центры мало что внесли в разработку определения сущности властных отношений в обществе, в частности, в поиске ответов на поставленные вопросы. То, что в "Философской энциклопедии"¹ отсутствуют материалы о понятии "власть", "властные отношения", свидетельствует не только о принижении значимости и необходимости философского осмысления данных феноменов, но и вольном или невольном сдерживании системы знаний в политической науке.

Не очень обстоятельно, вернее — достаточно аморфно и ортодоксально понятие "власть" показано и в Большой Советской Энциклопедии, где под властью понимается "авторитет, обладающий возможностью подчинять своей воле, управлять или распоряжаться действиями других людей"². Вряд ли такая трактовка понятия "власть" работала на разъяснение и формирование мировоззрения у населения. Даже относительно понимания сущности "социалистического самоуправления".

Но, тем не менее, некое единодушие в определении власти в политической и социально-философской литературе все же можно найти. Определений, вообще говоря, существует много, но доминирующая идея в них одна: подчинение объекта субъекту. Суть этой идеи можно выразить известной формулой американского политолога Г.Саймона: "А" имеет власть над "Б", если "А" обуславливает поведение "В". Рассмотрим это подробнее.

Еще древнегреческий историк Фукидид писал, что доминирующим началом, определяющим поступки индивида, является власть или, точнее, "воля к власти". С античных времен принято считать, что личности, предрасположенные к властвованию, обладают неким неуловимым качеством, ставящим их над остальными людьми. Одни

¹ См.: Философская энциклопедия /Под ред. В.В.Константинова. В 5-ти томах.—М.: Советская энциклопедия, 1960.

² Большая Советская энциклопедия. —М. Советская Энциклопедия, 1971. — Т.2 — С.151.

называют это "харизмой", другие — "фактором икс", эспидетельствуя при этом, что число потенциальных лидеров составляет порядка пяти процентов любого общества.

Вообще в политологической литературе бытует мнение, что человеку с рождения свойственно стремление подчинять себе окружающих. Согласно другой точке зрения люди делятся на рожденных повелевать и на рожденных подчиняться. И в первом, и во втором случае, как видим, природа власти носит, по существу, биологический характер, сам же феномен власти объясняется как результат внутривидовой борьбы. Но так ли это?

Действительно, стремление лидера подчинить себе всех и вся всегда оставалось бы нереализованным, если бы не нашлось тех, кто желает подчиняться. Это чисто психологическая потребность, но в основе ее лежат глубокие социальные причины. Почти все социологические опросы (в том числе и проведенные нами) показывают, что большинство населения любого государства хотело бы иметь в качестве руководителя страны "сильного и энергичного человека". Таким образом, сила, ведущая индивида вверх, к вершинам власти, лишь наполовину состоит из личных стремлений и желаний лидера. Другая же половина — из желания людей, которые хотят иметь над собой правителя. Казалось бы, все этим объяснено, в том числе и феномен "жажды власти", который нам до боли знаком по нашему почти семидесятипятилетнему социальному опыту.

Но все не так просто. Во-первых, вряд ли к естественным потребностям человека можно отнести потребность в принуждении. Принуждение всегда выступает лишь средством для реализации той или иной потребности. Именно при помощи присуждения человек способен получить большее, по сравнению с другими средствами распределения материальных благ и ценностей. Но это лишь одна сторона монеты, она восходит к упомянутой формуле: "активный субъект воздействует на пассивный объект".

Между тем, уже в предыдущем разделе мы уяснили, что властные отношения представляют собой сложную систему субъектно-объектных и субъектно-субъектных взаимосвязей, где каждая подсистема обладает определенной степенью активности. Поэтому эффективность принуждения зачастую

сводится на нет противодействием принуждаемого, если даже это активное или глубокое противодействие (реакция) носит неосознанный характер. Поэтому рассматривать природу властных отношений только с биологической или психологической сторон было бы не только недостаточно, но и неверно.

Мы исходим из того, что власть, властные и, прежде всего, государственные отношения формируются и развиваются по поводу механизма функционирования различных форм собственности, на основе которых складывается экономический базис с соответствующей системой социальных интересов (неотъемлемым компонентом которой выступают частные, индивидуальные), распределительными отношениями и сложившейся структурой политических сил.

Политическая же власть формирует мировоззренческую, идеологическую систему становления, защиты и развития государственного строя, системы управления и самоуправления. Именно в силу этого политическая власть становится несущей конструкцией, скелетом всей социально-политической системы управления. Даже один, отдельно взятый фактор — распределительные отношения, в которые вступают люди в социальном процессе и которые становятся просто невозможными без определенного управления—опровергает тезисы о мистической, иррациональной или сугубо биологической (психологической) природе власти. То есть исходной посылкой нашего анализа властных отношений должно быть, прежде всего, уяснение социальной природы власти.

Это означает, что понятие власти, ее сущностные и функциональные характеристики не могут быть рассмотрены с точки зрения одной лишь психологии, так же, как и политики или экономики, права или морали. Необходим не узкоспециализированный, а, как мы уже говорили, широкий, комплексный подход, в основе которого лежит глубокий социально-философский и политологический анализ. Только в этом случае мы сможем отойти от абсолютизации какой-то одной лишь стороны проявления власти, не раскрывающей всей ее сущности, в частности, понимания власти как принуждения.

Последнее может выступать как один из источников власти,

зачастую проявляющийся в виде силы. Принуждение, конечно же, составляет основу физической власти, но политической властью он становится лишь в том случае, когда этого метод (метод прямого насилия) используют институциональные структуры, само государство. Здесь необходим, опять же, анализ власти как неотъемлемого атрибутивного свойства всей системы социальных отношений. Данное свойство на уровне государства выступает не только в качестве грубой силы, но и как способность действовать (воздействовать), принимать решения и реализовывать их. Отсюда — выход не только к самому пониманию сущности власти, но и к осмыслению сущности политики, экономики, права, их взаимосвязи, ограниченности любой частичной интерпретации и, следовательно, раскрытию всего богатства властных отношений в обществе.

Почему же столь часто в социально-философской и политологической литературе мы встречаемся с отождествлением власти с насилием, принуждением, есть ли этому основания? Анализ опыта различных политических систем показывает, что то общество, которое зиждется на приоритете и всемерной защите определенных узкогрупповых интересов, а не дифференциации и сочетании всей системы интересов, всегда страдает чрезмерной концентрацией власти в одних руках. Последняя характеризуется все большим ограничением свобод и прав граждан, злоупотреблениями властью, манипулированием принципами демократии, разгулом неконтролируемого насилия и т.д., что в конце концов приводит к узурпации власти.

Естественно, что такая власть не может быть долговечной. В этом плане нам понятна причина возникновения другой крайности — анархические призывы к уничтожению любой системы власти. Действительно, когда под властными отношениями понимается все более растущее принуждение, насилие, то весь пафос демократической энергии общества бывает направлен на упразднение насилия как наибольшего зла, стоящего на пути подлинно свободного развития человека. Но зачастую энергия направляется не на само зло, а на носителя зла. Здесь возникает необходимость заострить внимание на следующем.

Во-первых, есть ли основание для уверенности в том, что другая, пришедшая на смену предыдущей, система власти не

будет применять те же методы?! Во-вторых, означает ли ликвидация принуждения ликвидацию властных отношений и возможностей злоупотребления властью?

Думается, на оба вопроса возможен только отрицательный ответ. Дело в том, что насилие—эта не причина, а следствие определенного типа власти. Без изменения глубинных властных отношений, а, следовательно, всей системы общественных отношений, без преобразования всей системы экономических, политико-правовых, идеологических, нравственно-духовных и т.д. устоев, подпитывающих власть, использующих насилие, устранение принуждения невозможно. Оно всегда будет возникать в той или иной форме.

Не случайной поэтому была постановка данного вопроса К.Марксом, которого сама логика развития его теории подводила к тому или иному решению. Выход, как известно, К.Маркс видел в совмещении демократии и социализма, которое, по его мнению, и означало подлинную свободу человека. Посылки этого мнения нам известны — ликвидация структурного неравенства, построение социалистической экономической системы, отрицание капитализма. Отсюда вывод Маркса о том, что государство при капитализме является лишь "исполнительным комитетом эксплуатирующих классов", а "буржуазная" демократия — фикция.

Однако упрощать мысль К.Маркса не следует. Маркс никогда не утверждал, что общество, пришедшее на смену капитализму, будет демократическим. Посткапиталистическое общество, утверждал он, полно противоречий, требующих разрешения. Творцом демократических перемен, естественно, такое государство выступить не могло, такую функцию должна была взять на себя "революционная диктатура пролетариата", которая обладала бы не имеющей прецедента властью над народом.

Но какой класс, какая группа, какая личность, получив безраздельную власть, добровольно откажется от нее? Ответа на вопрос, каким образом диктатура пролетариата превратится в демократию, Маркс не дал. В дальнейшем именно в силу этого диктатура пролетариата была переименована в "народную демократию" и через примерно равные промежутки времени декларировалось о переходе к

следующему этапу — "развитому", "совершенствованию развития".

Незавершенность мысли Маркса об этапах перехода к подлинной демократии, на наш взгляд, показывает, что он сам не верил в то, что эта фиктивная "народная демократия" и есть его идеальная демократия. Но в любом случае, хотел этого Маркс или нет, его теоретические размышления, в конечном итоге, узаконили именно диктатуру, а не далеко идущую социалистическую трансформацию. Произошедший распад социалистической системы поэтому оказался необходимым следствием марксовской теории социальной трансформации, ибо диктатура пролетариата, перевоплотившаяся в дальнейшем в однопартийную систему, оказалась явно несовместимой с демократией.

Как и любая социальная система, власть представляет собой определенную целостность. В нее включается ряд взаимосвязанных подсистем, отражающих сферы реальной человеческой деятельности — политической, экономической, военной, духовной, правовой, административно-управленческой, воспитательно-образовательной и т.д. Основные их системные качества проявляются не только в том, что они тесно переплетены, но и в том, что, в свою очередь, образуют довольно сложные самостоятельные структуры. Динамичность как самих этих подсистем, так и составляющих их структур проявляется в форме различного рода горизонтальных и вертикальных взаимосвязанных отношений, которые обусловлены особенностями управления в той или иной сфере жизни. Возвращаясь к сказанному, подчеркнем еще раз, что в основании различных срезов пирамид власти лежат взаимосвязанные, но не тождественные специфические базисные условия — уровень развития производительных сил и производственных отношений, отношения распределения и обмена, система интересов и т.д. Эти-то условия и обеспечивают самую возможность существования многочисленных проявлений власти, а также ее реализации.

В современном, постоянно усложняющемся мире, все большую роль начинает играть деятельность конкретного человека, его интеллект, его психология и нравственные установки, его знания, умение управлять и организовывать,

его информированность о происходящем и т.п. Поэтому, если уже заниматься поиском оснований для типологии властных отношений, то следует опираться именно на многогранную жизнедеятельность человека. В зависимости от этого, можно выделить власть интеллектуальную (знания, интеллект дают порой больше фактического влияния, нежели официальные звания и должности), психологическую (кстати, вызывающую наибольшую противоречивость в толковании), моральную (нравственное превосходство, апелляция к благородным нравственным принципам несет в себе большой заряд для оказания влияния на других).

Но человек не только лишь взаимодействует с подобными себе, он вовлекается в сложную орбиту социальных отношений, которые существуют, на первый взгляд, независимо от него. Системы производства и распределения, организации и управления, информационного обмена и т.д., тесно переплетаясь, взаимно влияют друг на друга, обуславливают функционирование экономической, организационной, информационной властей. И лишь при задействовании всех этих источников власти сложнейшими системами — государством и социальными институтами, мы можем говорить о политической власти.

Основным способом существования политической власти является ее проявление в различных динамичных формах зависимости, независимости и взаимозависимости между субъектами и объектами политических процессов. Данные формы отношений мы в первом разделе обобщили категорией "взаимодействие". Объясним теперь несколько подробнее.

В самом широком смысле власть всегда есть какое-либо отношение: человека к человеку, к самому себе, к группе, к классу, к обществу, отношение между социальными группами, между государствами. Реализуется это отношение, как мы уже отмечали выше, в той или иной сфере человеческой деятельности, которая и является основным фактором образования любой политической системы. И чем больше условий для развития деятельности (самодеятельности) человека, свободного труда, расцвета способностей и талантов, чем выше забота о человеке, тем сильнее система власти. Сила власти не в опоре на силу, это есть проявление

ее слабости, а в опоре на взаимодействие членов общества. И наоборот, обесценивание человека есть причина инфляции всей системы социальных отношений — нравственных, эстетических, правовых, экономических, политических и т.д.

Основным критерием жизнестойкости народа, уровня развития его духовно-культурного и материального потенциала является активная, продуктивная деятельность. Игнорирование же этой деятельности является основным условием возникновения и разгула произвола, сопровождающегося чувствами усиливающегося социального страха, страха за свою жизнь и жизнь близких, страха за будущее, страха перед каждым наступающим днем. Страх сковывает деятельность, сковывает человеческую активность, общество. Общество, скованное аномальной односторонней зависимостью, впадает в состояние стагнации, а затем начинает деградировать. Власть в таком обществе не может функционировать иначе, как в формах принуждения и слежения, насилия и наказания.

Иначе обстоит дело в обществе с развитыми горизонтальными межличностными связями. Именно последние, приобретая форму сочетающихся зависимостей, независимости, взаимозависимости, стабилизируют и развивают не только само гражданское общество, но и взаимосвязанные с ним институциональные взаимоотношения (страны с развитой демократией — пример тому). Но это ни в коей мере не ведет к умалению роли государства, выступающего основным элементом политической системы, главным источником и олицетворением власти.

Конкретные социальные, геополитические, природные, этнические, исторические и т.п. условия накладывают свой определенный отпечаток на тип той или иной политической системы. Поэтому даже тщательная разработка типологии политических систем, поиск ее наиболее общих принципов всегда грешит определенной несовершенностью, ибо возникновение и развитие систем политической власти — процесс настолько динамичный и многообразный, что даже самое комплексное философское исследование не может охватить всех оттенков и граней их развития в различных регионах планеты.

Для чего необходима типология политических систем? На наш взгляд, если в идеологическом и политическом плане

типология систем власти всегда существовала для выяснения и выражения практического отношения к тому или иному режиму (и под это подводились соответствующие "теоретические" конструкции), то в целях научного анализа классификация политических систем необходима для уяснения не только сущности, но и структуры, функционирования и перспектив их развития, сравнительного анализа различных систем взаимоотношений как самих этих режимов, так и внутри них.

Вопрос о типологии политических систем представлял и представляет и чисто познавательный интерес: "В каком все-таки обществе мы живем?". Главное при этом—не абсолютизировать одну какую-либо из сторон осуществляемой типологии и на этой основе выстраивать практические отношения. Слабость западной политологической науки заключается как раз в подобном универсализме. Так, вплоть до 90-х годов отношения многих политических кругов Запада к политическим процессам в азиатском регионе (да и не только) реализовывались, исходя из стереотипов американской, английской, французской, т.е. западной демократии.

В частности, демократия вплоть до наших дней увязывается с системой свободных выборов. Не отрицая огромную роль последних, отметим, что в реальной жизни демократия означает гораздо больше. Если на выборах борьба является единственным условием для реализации демократии, то всех победивших на них следует считать демократами. Между тем, это не так.

Исламские фундаменталисты из Фронта спасения ислама победили на всенародных выборах в Алжире, после чего военные аннулировали результаты выборов. Можно представить себе, к каким результатам привела бы деятельность сформированного этим Фронтом правительства, которое тоже, кстати, должно было придти к власти самым что ни на есть "демократическим" путем.

Также не выдерживает критики принцип увязки оказания экономической помощи развивающимся странам со степенью развитости демократических институтов, хотя он вплоть до наших дней использовался западными политиками. Председатель Сената Франции Рене Монори согласен с тем, что

демократия и развитие должны идти вместе. Но для демократии, считает он, нужен длительный путь развития: "Демократизация не должна быть непременным условием. Без экономической помощи установить демократию невозможно"¹.

Думается, на такие изменения ориентиров и принципов в немалой степени повлияли особенности собственного демократического пути развития многих новых независимых государств, образовавшихся после распада мировой социалистической системы. И если последнее является, несомненно, важнейшим эпохальным историческим событием XX века, то другим, не менее значимым можно назвать успешное продвижение модернизирующихся азиатских государств с действующей и рыночной экономикой по собственному пути обновления и прогресса. Оба этих события имеют далеко идущие последствия, они свидетельствуют о том, что человечество вступает в эпоху демократии.

Естественно, может возникнуть ряд вопросов: "Какие экономические условия необходимы для демократии? Насколько они являются необходимыми, или их можно преодолеть путем будущего экономического и социального прогресса?".

На боннской Конференции по экономическому сотрудничеству в Европе (1991 г.) был сделан вывод, что "демократические институты и экономическая свобода способствуют экономическому и социальному прогрессу"². Действительно, определенная корреляция между уровнем экономического развития и демократией существует. И хотя во многих недемократических режимах (Кувейт, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты) доход на душу населения не уступает доходу в Европе или в Северной Америке, это составляет, скорее, исключение (т.к. они располагают самыми большими в мире нефтяными месторождениями). Практически все высокоразвитые индустриальные державы являются стабильно демократичными.

В чем причина такой корреляции? На наш взгляд,

¹ См.: Франция: Итоги выборов в Национальное собрание //Новое время.— 1993.— № 11-13.

² Демократический журнал.—Т.3.—1992 /Вашингтон, округ Колумбия.—С.12

демократия лучше приспособлена для снятия противоречий в системе экономических интересов субъектов комплексного хозяйствования. Демократия защищает право собственности, а это, в свою очередь, уменьшает риск инвесторов, и тем самым способствует экономическому росту. Поэтому с достижением информационного постиндустриального этапа развитым странам Запада была характерна все большая экономическая стабильность при дальнейшем углублении демократии.

Можно было бы утверждать, что именно отсутствие этого привело к краху социалистическую систему. Но как быть со странами более или менее индустриально развитыми, странами с "капиталистическим изобилием", в которых, однако, произошли демократические революции (Испания, Южная Корея)? Более того, как утверждает Ф.Фукуяма, "наиболее существенный экономический рост наблюдался не в демократических странах, а в авторитарных государствах с более или менее капиталистической экономической системой".

Действительно, экономики Таиланда, Сингапура, Тайваня, Южной Кореи могут служить яркой иллюстрацией сказанному. В чем здесь причина? Чтобы ответить на это, выделим два наиболее существенных обстоятельства.

Первое — между посттоталитарным и демократическим обществом лежит достаточно длительный переходный период. Для тоталитарного общества характерно не имеющее оправдания вмешательство государства в частную жизнь людей, в дела гражданского общества, контроль сверху не только за сферой политики, но и экономики, всего общества. Конечно же, государство в каких-то пределах обязано ограничивать проявления частных интересов. Но тоталитарное общество потому и является таковым, что ограничение здесь принимает неограниченный характер. (Не надо думать, что демократическое общество не может тотально ограничивать частные интересы. Например, в демократически избранных парламентах зачастую принимаются решения, направленные на

¹ См.: Демократический журнал. С.21.

ограничение прав меньшинств по этническим или национальным признакам. Или же, скажем, принятие закона о запрещении абортов.. Тотальное вмешательство в сферу частного интереса всегда требует особых мер принуждения, сильную исполнительную власть, репрессивные органы, распространение принимаемых законодательно (пусть даже демократическим путем!) юридических норм на все слои общества. Но где есть принуждение, насилие, репрессивный аппарат всегда грозит выйти из-под контроля и стремится установить свой диктаторский режим. Именно в силу этого каких бы успехов демократическая диктатура и демократический тоталитаризм не достигали, они будут режимами неустойчивыми).

Демократия представляет собой противоположность тоталитаризму прежде всего потому, что, как заметил Макс Шумпетер, она есть ограничение правительства, дающее индивидууму достаточное пространство для автономных индивидуальных устремлений. Поэтому условием победы демократии должна быть терпимость ко взглядам других (толерантность), плюрализм не только мнений, но и форм хо айствования, распределения и потребления как материальных, так и духовных благ.

Естественно, общество, освободившееся от тотального вмешательства и ограничения, к подлинной свободе, демократии сразу перейти не может. (Хотя здесь необходимо оговориться. "Народ не может управлять, это физически невозможно. Каждый гражданин не может быть правителем.. Нация премьер-министров или маршалов!.. Правление при помощи всего народа не существует и никогда не сможет существовать; на деле это лозунг, которым демагоги дурачат нас, чтобы мы за них проголосовали"¹. Парадоксальность этой ситуации очевидна, это-то и вызвало переход от прямой демократии к демократии представительной, недостатки которой выявились также довольно скоро. Их суть кратко выразил Джордж Вашингтон: "Пожелания народа не могут

¹ Цит. по кн.: Кидмор М.Д., Трипп М.К. Американская система государственного управления. М.: Квадрат, 1993.—С.231.

полностью соответствовать нашей истинной политике и интересам¹⁾).

Итак, необходим длительный переходный период, чтобы идеи и принципы демократии, приемлемые всеми, заработали. Необходимо сразу пояснить, что в переходный период искусственно подгоняемые "демократические" реформы могут привести либо к демократическому тоталитаризму, либо к демократической диктатуре. Опыт "строительства демократии" в некоторых странах СНГ, на наш взгляд, позволяет нам сделать подобный вывод²⁾.

Нам представляется, что между правовым государством и развитым гражданским обществом и тоталитаризмом лежит необходимый длительный период экономической и политической модернизации. Характерными его признаками является восприимчивость экономическому и социальному плюрализму, стремление к стабильному и поэтапному развитию рыночных реформ.

Модернизирующееся общество выступает в переходный период основным инициатором экономических и политических реформ. Все многообразные идеологические конструкции (а не одна монополярная идеология) призваны обеспечить духовные, теоретические и мировоззренческие основы стабилизации ситуации и дальнейшего прорыва в социальном развитии. Естественно, что социальный плюрализм, принятый в качестве основополагающего принципа в модернизирующемся обществе, обуславливает принцип приоритета экономики над политикой. Поэтапное же вхождение в рыночные отношения есть не столько постепенное снятие механизмов, сдерживающих вхождение в рынок, но и создание новых механизмов, поэтапный их пуск в "полный оборот".

Естественно, что общество, которое думает о своем будущем, не может бросить в жернова рынка своих граждан. Поэтому социальная ориентированность рыночных реформ, а не "шоковая терапия" делает вхождение в рыночные отношения более безболезненным и менее взрывоопасным,

¹ Там же. С.339.

² Но и здесь вызывает сомнение необходимость в универсализации принципов демократии. Далее мы поясним это подробнее.

а контроль государства над рынком предотвращает общественные и экономические беспорядки и снимает угрозу нестабильности. Не случайно данный курс, взятый Узбекистаном при переходе к рыночным отношениям, сейчас пристально изучается и признается правомерным и необходимым в большинстве стран СНГ и Балтии. Перенимают "узбекский опыт" не случайно, не из-за отсутствия собственных принципов вхождения в рынок. Но именно в Узбекистане объективные принципы перехода от одной системы к другой были впервые изучены достаточно глубоко, внедрены в практику и начали давать свои результаты.

Общество, измотанное катаклизмами, социальной конфронтацией, экономическими кризисами, вряд ли способно ассимилировать сразу демократические нормы и принципы. В таком обществе люди заняты лишь борьбой за существование или погоней за богатством. Имущественное и вообще социальное расслоение достигает критической отметки. Ценность же человека сводится к нулю.

Иное дело — модернизирующееся общество. Одной из его целей является закрепление и постепенное улучшение положения своих граждан. Стабилизация и развитие, взятые в качестве долгосрочных ориентиров, готовят тем самым почву для дальнейшей стабильной демократии. Конечно, и в модернизирующемся обществе экономическое неравенство не исчезает. Но динамичный экономический рост часто приводит к тому, что возникающая в осуществляемых рыночных преобразованиях новая и относительно подвижная стратификация проходит через все старые границы класса и стратов. В процессе этого она уничтожает многие традиционные и устоявшиеся источники неравенства. Изменившиеся условия производства, появление информационно- и наукоемких технологий, развитие предпринимательства вместе с названными процессами вызывают к жизни "общество среднего класса".

Конечно, государство, ориентированное на режим личной власти (вернее — единоличной власти, диктатуры) ни в коем случае не допустит выращивания в своем лоне своего могильщика. При первых же признаках появления таких симптомов весь репрессивный аппарат начинает усиленно работать. Так было на первой стадии становления индуст-

риальной буржуазии, так было и на стадии ранней индустриализации, когда промышленный пролетариат заявил о себе как о реальной социальной силе. Во всех случаях результатам по истории известен — революции, "варварски-примитивный", по словам И.А.Каримова, способ социальных преобразований, не только меняли направление развития, но и уносили тысячи жизней, не говоря о дальнейших их последствиях.

Казалось бы, марксова теория смены формаций срабатывает прочно и неизбежность революций фатальна. Но оптимизм истории заключается не только в вырисовке неясных контуров светлого будущего, но и в выработке определенных законов и закономерностей, которые обеспечили бы эволюционное развитие по пути прогресса, главная ценность которого всегда заключалась в возрастающей самооценности жизни человека. Основанием для оптимизма в позднем индустриальном обществе¹ является восприятие рыночных преобразований как собственной программы. Поэтому общество, которое пытается не отставать в развитии, а модернизироваться, также втягивается в орбиту рынка. Отсутствие среднего класса в этом обществе и усиление роли государства в управлении дальнейшей индустриализацией обуславливает необходимость возникновения сильной власти, которая могла бы вести общество по пути рыночных преобразований.

Конечно, возможно и альтернативное развитие — однопартийная система с жесткими административно-командными методами управления. Однако альтернатива имеет смысл именно на ранних стадиях индустриализации. Сейчас часто можно встретить не только в публицистике, но

¹ Ранняя индустриализация и при социализме, и при капитализме имели сходные черты: все более ширящаяся урбанизация, растущий уровень образования, вторгающееся все шире в жизнь планирование и т.д., с одной стороны, и увеличивающаяся миграция крестьян в промышленные города, все более укрепляющаяся бюрократия, резкая реальная дифференциация в системе интересов и поляризация социальных стратов и т.д.—с другой. Однако дальнейшее развитие показало неспособность социализма достичь последующих этапов индустриальной модернизации. Ориентация не на производство, а на обслуживание, информационные технологии, технологические нововведения для обеспечения роста производительности и т.д. показали неэффективность централизованного планирования и административного принятия решений.

и в серьезных историко-аналитических трудах простого охаивание прошлых достижений бывшего СССР. Но, как отмечает Фрэнсис Фукуяма, которого не упрекнешь в симпатиях к коммунистической идее, "в период между 1928 и 1955 гг. темп роста валового национального продукта Советского Союза составлял от 4,4% до 6,6% в год, что являлось замечательным достижением, учитывая хаос и разрушения, вызванные сначала сталинской насильственной коллективизацией, а потом второй мировой войной. В течение периода от 1955 г. до 1975 г. темп роста был всего в два раза ниже, чем в Соединенных Штатах... Нельзя отрицать, что всего лишь за одно поколение, и в отсутствие политической или экономической свободы, Советский Союз смог превратиться в гигантскую индустриальную державу".

Указанный автор делает вывод о том, что эти успехи нельзя отрицать, и что данный опыт должен рассматриваться как один из возможных путей к достижению определенной стадии индустриального развития. (Вместе с тем, Ф.Фукуяма справедливо подчеркивает, что существует и более гуманный, основанный на рыночных отношениях, путь к такому достижению. Опыт многих азиатских стран подтверждает правоту этого известного американского философа и политолога).

Для нас в этом историческом экскурсе важно и следующее обстоятельство. Особенности прединформационного этапа индустриального развития, рост массового и элитарного образования в тоталитарном обществе объективно обусловили возникновение образованного, рационально мыслящего среднего класса. Первые ростки его появились еще в 60-х годах, во время "хрущевской оттепели", но полную силу этот класс набрал к концу 80-х, уничтожив тем самым строй, который его и породил.

Итак, до возникновения "среднего класса" государство берет на себя основную тяжесть руководства над процессом дальнейшей индустриализации. И тут все зависит от того, какие цели и задачи ставит перед собой властвующая

¹ Фукуяма Ф. Капитализм и демократия: недостающее звено // Демократический журнал.—Т.3.—№ 3, июль 1992.—С.20.

элита. Если она продолжает осуществлять тотальный контроль над экономикой, сосредотачивая в своих руках все ключевые механизмы рынка, зарождение "среднего класса" становится проблематичным (это произошло в Германии эпохи третьего рейха). В стагнационных режимах "средний класс" постоянно деградирует, тогда как в модернизирующихся обществах могут поэтапно, последовательно создаваться предпосылки для превращения "среднего класса" в ведущий. Итак, если государство предрасположено к масштабным социально-экономическим переменам, если модернизация становится не столько целью, сколько средством для достижения процветания "для всех", если мир и благополучие пронизывает все идеологические конструкции данного общества, то именно в нем созревают предпосылки для стабильной демократии.

Как видим, само по себе экономическое развитие не является необходимым или достаточным условием для стабильной демократии. Но оно оказывается наиболее действенной основой для демократизации жизни общества. По мере того, как общество становится более благополучным, более изобильным, фактическое неравенство будет основано не на унаследованном социальном статусе, типа "раб-хозяин", а на образовании, профессии, индивидуальных достижениях.

В таком обществе человек может задуматься, кто он есть, и может позволить себе стремление к таким нематериальным целям, как обретение достоинства, признание его статуса в политических процессах. Средний класс, под которым мы понимаем не только предпринимателей, но и интеллигенцию, служащих, высококвалифицированных специалистов, фермерство, начинает выступать достаточно серьезной социальной силой, чтобы развивать и поддерживать демократию. Создание такого деспотического класса в процессе поэтапного реформирования экономики является собственной программой нынешнего руководства Республики Узбекистан. Это, к примеру, видно из процесса реализации указа Президента Республики Узбекистан "О мерах по дальнейшему углублению экономических реформ, обеспечению защиты частной собственности и развитию предпринимательства"¹. Реализация данного указа создает новые стимулы для

¹ См.: Республика Узбекистан: указы и постановления.—Т.: Узбекистан, 1994.—197 с.

экономического развития, условия, способствующие принятию демократических норм поведения и идеологии.

Таким образом, процесс формирования властных структур в конце XX века во всем мире приобретает новые качества и характеристики. Главная специфика его заключается в единстве все более расширяющихся социальных основ формирования власти и все усиливающейся ее ориентации на человека. Власть становится все меньше субъективной и "иррациональной", она все меньше зависит от желаний и воли отдельных лиц, социальных групп и даже классов, выходя на уровень гражданского общества и даже всего мирового сообщества. Сейчас судьбы не только отдельных государств, но даже и отдельных лидеров тесно связаны с судьбами всех государств, всего человечества. И это не может не накладываться отпечатка на специфику власти, ее функционирование, с одной стороны.

С другой — политическая система только тогда жизнеспособна, когда она ориентирована на Человека. Абстрактная категоризация сущности интересов народа, общества и т.п. несет в себе продуктивную нагрузку, если не реализуются интересы индивида. Дистанционирование, вернее, отталкивание от интересов конкретного человека и должно составлять основу функционирования любой современной политической системы, ориентированной на долговременное существование. Отношения граждан в том или ином обществе — вот основная детерминанта развития политической системы. Иными словами, характер взаимосвязи человека, гражданского общества и государства определяет характер политической власти, ее структуру и функционирование, ее типологию. Поэтому о сущности того или иного политического режима, деятельности того или иного политического лидера надо судить не из собственных чувств или амбиций, а исходя из состояния развития гражданского общества, жизни граждан данного государства, ибо нельзя представить себе безгосударственное гражданское общество или государство без граждан.

Такой методологический подход позволяет не только глубоко уяснить и обосновать современное состояние той или иной политической системы, но и прогнозировать тенденции дальнейшего ее развития. Это позволяет также в теоретико-

методологическом плане глубже понять суть собственного пути обновления и прогресса Республики Узбекистан. Модернизирующееся узбекское общество не стоит в стороне от столбовой дороги мирового развития. Развитие Узбекистана отвечает всем законам и закономерностям развития социальных систем. Рационально используя накопленный мировой опыт, республика вносит в процессы развития, укрепления демократии свое видение, свои специфические принципы и нормы, обусловленные многовековой традицией развития гражданского общества в регионе. Присущая народам Узбекистана совокупность нравственных норм, коллективное сознание, религия, философия, характер материальной и духовной культуры, менталитет, его мироощущение и миропонимание, этнопсихологическое своеобразие, накопленный опыт, традиции, условия быта, богатая история, геополитическое положение республики обуславливают своеобразие становящейся политической системы, которая не только поэтапно и уверенно модернизируется, но и движется по пути к стабильной демократии. Опыт Республики Узбекистан, думается, не только обогатит мировой опыт вхождения в эпоху демократии, но и внесет продуктивные коррективы в саму систему принципов и норм демократического мировосприятия и мировоззрения.

ГЛАВА II ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ УЗБЕКИСТАНА

2.1. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВОЙ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ

Как уже подчеркивалось, основными программными целями всех проводимых реформ в Узбекистане являются:

- установление социально-политической и экономической стабильности, обеспечение гражданского мира и согласия;
- развитие национального самосознания, воспитание в гражданах Узбекистана чувства патриотизма и гордости за свою республику;
- укрепление правопорядка и верховенства закона;
- соблюдение прав и свобод граждан независимо от их расы, национальности, вероисповедания, возраста и языка;
- обеспечение благосостояния народа, процветания государства и общества;
- поддержка активности и инициативы, свободы предпринимательства, стимулирование и инициирование развития рыночных форм хозяйствования.

Реализация этих целей возможна только в условиях последовательного формирования политической системы. Предпосылкой же выступило провозглашение независимости Узбекистана, принятие новой Конституции республики, формирование систем законодательной, исполнительной и судебной власти, становление демократических институтов.

Наибольшее значение для формирования новых властных структур имело провозглашение независимости Республики Узбекистан. Сейчас, по прошествию четырех лет, этот исторический акт закономерно ассоциируется с самыми светлыми, высокими чувствами жителей республики. Обре-

тение независимости отвечало их коренным чаяниям и явилось итогом драматичной борьбы народов Узбекистана за самостоятельное свободное развитие. И тем более необходимо для нас, современников, очевидцев провозглашения суверенитета Узбекистана, а также для будущих поколений осознать, осмыслить весь драматизм этой борьбы, если даже он касается всего одного дня из истории независимости нашей страны.

История, как известно, не пишется "по горячим следам". Для осмысления значения тех или иных исторических фактов требуется немалое время. Лишь тогда, как на фотобумаге, проявляются как объективные, так и субъективные причины зарождения тех или иных процессов, их необходимые, закономерные и случайные факторы.

Итак, провозглашение независимости республики явилось результатом стечения случайных обстоятельств или же оно вызвано объективным ходом исторического процесса? Даже беглый экскурс в события тех лет показывает, что Узбекистан был одной из первых республик, поставивших в практическую плоскость вопрос о суверенитете. Внимательное изучение документов тех лет убеждает в том, что последовательность в реализации идеи суверенитета составляла стержень всех принимаемых руководством республики решений и программ.

На первой своей сессии 31 марта 1990 г. Верховный Совет республики двенадцатого созыва рассмотрел и одобрил

программу предстоящей деятельности правительства Узбекской ССР и основные концепции экономической, социально-духовной самостоятельности республики. Сущность этих концепций выражалась в следующем.

Во-первых, Узбекистан выступает как суверенное государство в составе организованного на федеративных началах Союза ССР.

Во-вторых, все богатства республики являются национальным достоянием ее народов, в том числе земля, запасы благородных и цветных металлов, другие полезные ископаемые, основные фонды, культурные и исторические ценности.

В-третьих, Узбекистан реализует свои суверенные права и проведение самостоятельной социальной и экономической политики, обеспечивает сохранение национальной самобытности в хозяйственной и культурной жизни в соответствии с конкретными природными, экономическими, демографическими и другими условиями и предпосылками при полноценном и осознанном восстановлении национальных и исторических традиций и ценностей.

В-четвертых, республика не на словах, а на деле должна иметь свои средства и источники самофинансирования.

В-пятых, Узбекистан будет строить свои отношения с центром и другими регионами страны на полностью полноправной, эквивалентной и взаимовыгодной основе. На этих же принципах в составе обновленной федерации республика устанавливает и развивает экономические и культурные связи с зарубежными странами, внося свой вклад в общесоюзное и международное разделение труда.

В-шестых, децентрализация и демократизация экономики и всей системы руководства народным хозяйством должны носить всеобщий характер, пронизывать все сферы производства и общества, охватывая не только отрасли и территории, но и каждый трудовой коллектив, должны быть осознаны каждым тружеником, обеспечить всемерную социальную защиту населения, в особенности его малообеспеченных слоев.¹

20 июня 1990 г. вторая сессия Верховного Совета УзССР 12-го созыва приняла Декларацию о суверенитете. В этом акте

¹ См.: Правда Востока. — 1990. — 29 марта.

были закреплены основополагающие принципы государственного суверенитета республики: верховенства демократического государства и законов республики на всей территории; неприкосновенность и неделимость государственной территории и границ; самостоятельное решение вопросов внутренней и внешней политики, признание и уважение основных принципов международного права; определение всего пути развития, своего названия, государственных символов и т.д.¹

Дальнейшее развитие событий подтвердило правильность линии руководства республики, в соответствии с которой, не полагаясь на какие-либо указания сверху, не дожидаясь, когда суверенитет и самостоятельность Узбекистана будут закреплены предполагаемым новым союзным договором, она стала реализовываться на практике. Вместе с тем, логика событий диктовала острейшую необходимость учета своеобразия той социально-политической обстановки, которая складывалась как в самой республике, так и за ее пределами. Ситуация весной 1991 г., ставшая кульминацией развития "перестроечных" процессов, вроде бы для команды М.С.Горбачева ни в чем не предвещала назревающей бури. Конечно, и сам Президент СССР, и его окружение приложили немало усилий для слома старой системы тоталитаризма. Однако ни они, ни самые известные западные футурологи не могли представить, что через несколько месяцев такая мощная империя, как СССР, рухнет. Система еще агонизировала, но даже в своей агонии она была сильна, она, как Молох, еще выхватывала человеческие жертвы (вспомним Вильнюс, Баку, вспомните искусно разожженные костры конфликтов, которые обернулись трагедиями в Средней Азии, на Кавказе, в Приднестровье).

Вместе с тем, в недрах еще единого СССР все явственней назревали мощные потоки стремления к независимости, все сильнее звучали требования большей самостоятельности, перераспределения компетенции между центром и республиками, освобождения их от мелочной опеки союзных органов.

Последующие шаги "республик свободных" были логическими вехами истории их борьбы за независимость, вернее, своеобразной "предкульминацией" исторического развития этих

¹ См.: там же. 1990. — 21 июня.

будущих независимых государств. Но ни высшие органы государственной власти и управления Союза ССР, ни руководство КПСС, ни "аналитики" от "научного коммунизма" вовремя этих тенденций не учли. Последовавшая за этим своеобразная "война" законов и "парад" суверенитетов во многом были обусловлены и этим обстоятельством.

Одним из наиболее крупных заблуждений М.С.Горбачева в тот период явилась его твердая вера в то, что "перестройка", "гласность", "новое мышление" способны значительно обновить, отреставрировать обветшавшее здание Союза. Вплоть до трагических дней августа 1991 г. Горбачев надеялся спасти и тонущий, трещащий по швам корабль КПСС. Поэтому и события в Вильнюсе, Баку, Приднестровье, Фергане, Оше, инспирированное "узбекское дело" не случайны, они — результат попыток сдержать распад СССР.

Отстаивая курс на независимое развитие, обеспечивающее наиболее полный учет потребностей и запросов населения, руководство Узбекистана, тем не менее, не выступило за немедленный выход из состава СССР. Учитывая особенности общественного мнения, оно, наоборот, выступило за укрепление экономических, политических и культурных связей между республиками. Но это не означает, что оно отказалось от идеи обретения в перспективе полного политического суверенитета. Это стало очевидным и при проведении референдума К 17 марта 1991 года.

В целях более полного отражения волеизъявления народа Узбекистана Президиум Верховного Совета республики, наряду с основным бюллетенем для голосования с вопросом о сохранении Союза СССР как федерации равноправных суверенных республик, утвердил дополнительный бюллетень, в котором содержался вопрос: "Согласны ли Вы, чтобы Узбекистан остался в составе обновленного Союза (Федерации) в качестве суверенной равноправной республики?".¹ Историческое значение этого шага Верховного Совета республики, на наш взгляд, заключается в самой формулировке данного бюллетеня: в ней впервые всенародно, на волеизъявление всего населения выдвигалась идея суверенитета.

¹ См.: Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР. — 1991. — № 4. — С.52.

Как известно, в Узбекистане приняло участие в референдуме 95% из включенных в списки. За то, чтобы Узбекистан остался в составе обновленной федерации в качестве суверенной республики по 2 дополнительному бюллетеню было подано 93,9% всех голосов.¹ Таким образом, политика последовательной реализации идеи суверенитета поданным за данный бюллетень голосами получала полную легитимность и юридическую силу.

(Для сравнения: в Казахской ССР голосование на референдуме проводилось по вопросу, сформулированному Верховным Советом республики: "Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза ССР как союза равноправных суверенных государств?". При этом Президиум Верховного Совета Казахской ССР официально просил включить результаты голосования в общие итоги референдума СССР).

Рассмотрим некоторые итоги референдума. В списке для голосования в целом по Союзу были включены 185,65 млн. человек (для сравнения: на выборах 1989 г. были зарегистрированы 192 млн. избирателей). Приняло участие 147 млн. человек. За сохранение СССР высказалось около 113 млн. человек, т.е. 76,4% голосовавших. На Украине проголосовало 83%, 70% сказали "да". В Белоруссии соответственно 83% и 83%. В Казахстане — 89% и 94%, Азербайджане — 75% и 93%, Киргизии — 93% и 94,5%, в Таджикистане — 94% и 96%, В Туркменистане — 97,77% и 98%, в России — 69% и 85%. В Москве около половины голосовавших ответили "нет" (49,08%), в Ленинграде — 49,05%.

Отрицательные результаты преобладали в Киеве, Свердловске, Свердловской области. В Грузии, Литве, Молдове, Латвии, Армении и Эстонии референдум официально не проводился, хотя 2 млн. человек в этих республиках сказали Союзу "да".²

Итак, по Союзу в целом было включено в списки 185.647.355 человек. На вопрос: "Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик

¹ См.: Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР. — 1991. — № 5. — С. 91.

² В Нахичеванской АССР, Чечено-Ингушетии референдум также не проводился. Референдум не состоялся и в Северо-Осетинской АССР, Татарии, Туве. (См.: Известия, Труд. — 1991. — 17-27 марта).

как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?" ответило:

"Да" — 113512812 чел, или 76,4 %

"Нет" — 32303977 чел, или 21,7 %

Признаны недействительными 2757817 бюллетеней, или 1,9%¹

В целом же и сам запланированный референдум, и подведение предварительных результатов на второй-третий день после него позволяли М.С.Горбачеву и его окружению уверенно прогнозировать "светлое будущее" обновленного Союза.

Из их тогдашних интервью средствам массовой информации становятся ясными все их явные и тайные устремления сохранить во что бы то ни стало Союз путем и референдума, и подписания союзного договора, и выкручивания рук наиболее строптивым республикам, и получения одобрения "из-за бугра". Однако логика истории сама определила приоритеты.

Сопоставляя и анализируя итоги деятельности руководства Узбекистана и итоги референдума, можно сделать определенные выводы.

1. В условиях агонии структур бывшего СССР руководству Узбекистана удалось осознать всю историческую необходимость создания государственной независимости и, вместе с тем, силу агонизирующего Центра (вспомним Вильнюс, Баку).

2. Вместе с тем, руководство осознавало и особенности мышления, психологии, стереотипы граждан Узбекистана, сформированные за 70 лет идеологической экспансии.

3. В этих условиях проведение референдума с обязательным включением в дополнительный бюллетень слова "суверенный" было не обходимым компромиссом, направленным на сохранение спокойствия в республике и, вместе с тем, свидетельствовало о приверженности идее суверенитета.

И, наконец, самый важный вывод касается легитимности результатов референдума 17 марта 1991 г. в Республике Узбекистан. Согласно Закону о Референдуме, результаты

¹ См.: Труд. — 1991. — 27 марта.

проведенных референдумов обладают юридической силой на всей территории. Следовательно, проведенный опрос общественного мнения по поводу дальнейшего развития республики как суверенного равноправного субъекта обновленной федерации не противоречит проведенному 29 декабря 1991 г. Республиканскому референдуму по поводу провозглашения независимости Республики Узбекистан, Декларации независимости и законам нашего государства. (Иное дело, что с тех пор не существуют ни законы СССР, ни самого СССР, изменились условия в самом Узбекистане. К сожалению, мало кто из жителей помнит о дополнительном бюллетене референдума, хотя у всех в памяти то, что в 1991 г. большинство граждан проголосовало за Союз. Но ведь такое же большинство проголосовало тогда и за суверенное развитие, и тем более подтвердило это на референдуме 29 декабря 1991 г. Так почему же, если кому-то так был дорог Союз, винят в его развале только политиков?! Ведь каждый понимал, что так и в таких условиях больше жить нельзя, голосуя за независимое развитие, мы приговаривали к забвению и то, что было когда-то "Союзом нерушимым республик свободных").

Отмеченные особенности и детерминанты общественного мнения, политического сознания жителей Узбекистана не могли, как уже отмечалось выше, не учитываться руководством республики.

Так, 28 марта 1991 г. была создана Комиссия Узбекской ССР по рассмотрению и обобщению предложений и замечаний к проекту Договора о Союзе суверенных республик в составе 25 человек.¹

Верховный Совет Узбекистана своим постановлением от 13 июля 1991 г. одобрил основные положения Договора о Союзе суверенных государств и утвердил делегацию республики для подписания этого документа.

Делегации предписывалось "строго и последовательно отстаивать выработанные Верховным Советом Узбекской ССР положения, закрепляющие политический и экономический

¹ См.: Ведомости Верховного Совета УзССР. - 1991. — № 5. — С.94.

суверенитет Узбекистана в составе обновленной федерации суверенных государств".¹

Попытка захвата власти ГКЧП, нарастающий кризис союзных структур прервали процесс подготовки договора. С учетом изменений в политической и общественной жизни СССР, осознавая ответственность за судьбу народов Узбекистана и осуществляя Декларацию о суверенитете, 31 августа 1991 г. Верховный совет на своей внеочередной шестой сессии 12-го созыва торжественно провозгласил государственную независимость Узбекистана и образование самостоятельного суверенного государства — Республики Узбекистан.

Мы не случайно остановились столь подробно на результатах референдума 17 марта 1991 г. В средствах массовой информации ряда стран "ближнего зарубежья", со стороны некоторых политиков и журналистов нет-нет да и промелькнет сожаление по поводу распавшегося Союза. Более того, оживились попытки восстановления "обновленного Союза" в практическом плане. И, если крайне правые выдвигают идею не только экономического, но и политического союза, с едиными вооруженными силами и т.д., то более умеренное крыло сторонников данной идеи пытается протащить предложения о создании неких надгосударственных структур, призванных, якобы, координировать процессы интеграции. Точку в дискуссиях не поставило и совещание глав государств-членов СНГ 21 ноября 1994 г., где подобная идея была расценена как "интересная, но нуждающаяся в тщательном изучении и рассмотрении".

Более определенно — как попытку реанимировать все имперские структуры бывшего Союза — это было расценено в республиках, наиболее последовательно осуществлявших политику укрепления своей независимости. Это закономерно, ибо подобные попытки встречают сопротивление не только со стороны политических элит этих государств, которым, как утверждают некоторые зарубежные обозреватели, "есть что терять", но и со стороны самих народов, населяющих данные страны. Народу, восстановившему свою государственность, национальную самобытность, культуру, язык, народу, выбирающему свой свободный, независимый путь

¹ См.: там же. 1991. — № 8. — С.174.

обновления и прогресса, не может импонировать идея создания (восстановления) какого-то общего сомнительного конгломерата.

Народам Узбекистана, имеющим тысячелетние традиции добрососедства, взаимосвязей с миром и свободным от лобных проявлений имперской или изоляционистской психологии, обособленчества, великодержавного чванства и униженной ущемленности, чужды и непонятны потуги пристегнуть ее к еще одному "крыловскому возу". Вместе с тем, твердая, последовательная политика укрепления независимости Республики Узбекистан не отрицает, а предполагает дальнейшее развертывание новых интеграционных цивилизованных форм взаимодействия со всеми странами региона и мира.

Открытость, доверие, стремление к взаимовыгодному сотрудничеству и добрососедству всегда составляли характерные черты психологии нашего народа. Политика, имеющая это в своей основе, не абстрактна, не надуманна, она отвечает интересам народов Узбекистана, нашим национальным интересам. Именно это делает политику укрепления независимости республики твердой и последовательной.

Значение итогов референдума 17 марта и 29 декабря 1991 г. заключается и в том, что руководство Узбекистана наглядно продемонстрировало чуткое, бережное отношение к волеизъявлению народов республики.

Такой подход к общественному мнению тем более актуален, что в условиях построения гражданского общества разработка дальнейшей стратегии социально-политических и экономических реформ не может осуществляться без изучения отношения народа к проводимой политике, к тем, кто реализует эту политику. В этом плане проведение референдума 26 марта 1995 года о продлении срока полномочий Президента с 1997 года до 2000 года — выступило не только объективной необходимостью, вызванной целью сближения сроков выбора Президента и Олий Мажлиса, но и явилось свидетельством реального поэтапного продвижения к созданию демократического, гражданского общества. Необходимо воздать должное гражданской смелости Президента, давшему принципиальное согласие на это предложение Олий Мажлиса, так как референдум позволил выявить отношение не только к самому И.А.Каримову, но и всей

проводимой им политике. Можно с удовлетворением констатировать, что народ поддержал стремление и усилия Президента упрочить политическую и экономическую стабильность общенационального правового государства и развитого гражданского общества.

Непреодолимое значение для формирования и укрепления новой политической системы, новой структуры власти имеет Конституция Республики Узбекистана.

Прошло 3 года с того момента, когда 8 декабря 1992 г. на XI сессии Верховного Совета Узбекистана 12-го созыва была принята Конституция независимого государства. И можно с уверенностью сказать, что этот политический акт явился воплощением многовековой мечты народов Узбекистана о свободе и социальной справедливости, независимости и восстановлении национальной государственности, возрождении славных традиций предшествующих поколений и богатого духовного наследия.

В Конституции нашли свое отражение пути и средства построения правового демократического государства, гражданского общества со всей его многосложной системой юридических прав и свобод, понимание собственного пути развития, приоритета общечеловеческих ценностей над партийными, классовыми, национальными и т.д., декларация стратегии развития независимого Узбекистана.

И сейчас уже можно констатировать, что модель политического и государственного устройства, закреплённая в Конституции, гарантирует гражданам Узбекистана свободный выбор его политического, экономического и социального бытия. Как это выглядит на практике?

Начнем с того, что с самого начала — с марта 1990 года, когда в республике приступили к созданию новой Конституции, кардинальное обновление политической системы общества, структур государственных органов, разграничение полномочий и функций республиканской и местной власти и т.д. не явилось для руководства Узбекистана самоцелью. Становление новых структур было бы невозможным без кардинального переосмысления роли, места и назначения человека в этом мире. Ведь понимание долго отрицаемой многими "деятелями" от науки и политики очевидной истины о сущности человека не только как объекта исторического

процесса, но и его творца, личности, индивидуальности в самом глубоком смысле этого слова, давалось нелегко и не сразу.

Декларируемые прежними конституциями бывшего СССР положения о "советском народе", "общенародной собственности", выработанные и усиленно культивируемые моральные кодексы, кроме наиболее абстрактного идеологического, вернее, пропагандистского апломба, никакого реального заряда не несли.

Очевидно, что в таком обществе, где оболваненные идеологической доминантой субъекты исторического процесса, пренебрегающие во имя абстрактных целей интересами друг друга, традициями, укладом жизни и т.д., и не могли развиваться подлинно свободно, как не могли развиваться вследствие этого ни одна народность, ни одна нация, ни одна республика в составе бывшего СССР.

Поэтому, определяя стратегию будущего развития, во главу угла выдвигалось, во-первых, практическое понимание роли человека, во-вторых, вытекавшие из этого осознание необходимости построения подлинно гуманного демократического общества. Общества, в котором не только гарантирован необходимый минимум прав и свобод, провозглашаемых Декларацией прав человека, но и общества, в котором было бы создано реально широкое поле для самостоятельности, самореализации и самоуправления человека. И, если говорить об основной направленности Конституции, то она, прежде всего, исходит из конкретного человека, содержа в себе в наиболее сконцентрированном виде максимальную дифференциацию и баланс интересов конкретных людей, социальных групп, общества в целом.

На такой концептуальной базе были основаны важнейшие принципы построения социально ориентированной рыночной экономики в Узбекистане. Именно на такой концептуальной основе формируется сейчас политическая система суверенного Узбекистана — новая становящаяся система отношений, действий, идей, институтов, продуцированных реализацией власти и государственного управления.

Заложенные в Конституции Республики Узбекистан теоретические и методологические принципы позволяют на практике уже сегодня через органы управления вносить в

политику реализации и укрепления суверенитета организующее начало, конкретизировать политику суверенитета и обеспечивать ее оптимальное функционирование.

Но, как представляется, наиболее важная роль, направленность Конституции на реализацию подлинных интересов конкретного человека заключается в том, что создается широкое поле для активизации деятельности всей системы генераторов политики и экономики — активизируется продуктивное практическое действие масс, общественных движений, политических партий и конкретных людей.

В Конституции Республики Узбекистан заложены все основы строительства правового демократического государства. В чем это выражается?

Любая политическая система не способна существовать без решения проблемы власти, ее сути и реализации. Думается, в этом вопросе в Узбекистане, понимая власть не как насилие, осуществляемое одной группой, имеющей власть, по отношению к другим, эту власть не имеющим, а как влияние, оказываемое на других с целью реализации интересов всего народа, и опирающееся на учет интересов конкретного человека, продвинулись далеко вперед от устоявшегося традиционного понимания сущности власти.

Подлинный смысл демократичности Основного Закона заключается, прежде всего, в том, что в нем заложен механизм реализации именно такой власти. Если говорить о наиболее глубоком, скрытом от поверхностного взгляда, значении этого механизма, то прежде всего, следует отметить не только провозглашение лозунга "все — во имя человека, все — во благо человека". Это положение содержали в себе в том или ином виде все прежние конституции. Однако на практике они оставались на уровне абстрактных деклараций.

При создании Конституции независимого Узбекистана акцент был перенесен с управления деятельностью граждан на ее самоорганизацию. В итоге были найдены не только оптимальные методы управления, но и возрождены лучшие традиции национального самоуправления, которые нашли широкую поддержку населения. Функционирование советов аксакалов, махаллинских комитетов, та огромная работа, которая проводится ими — свидетельство тому. Какие более

демократические формы реализации власти можно было предложить еще?!

Таким образом, очевидно, что только личность, обладающая широким спектром политических и экономических прав, может построить гражданское общество. Понимание этого стало основой всех создаваемых положений Конституции, предпосылкой создания такого общества в республике явилось провозглашение независимости Узбекистана и последовательные шаги по пути суверенитета.

Конечно, можно возразить, что это не оригинально, что основная цель — личность — характерна для большинства конституций, особенно в демократических государствах Запада. Да, многовековые традиции развития демократии изучались тщательнейшим образом, было использовано все лучшее. Но еще одно своеобразие собственного пути развития Узбекистана заключается не только в том, что в республике обогащаются принятые во всем мире ценности новым содержанием, но и в том, что преодолевая тяжелое практическое наследие, доставшееся от действия прежних конституций, прежнего строя, кардинальным образом меняются сформировавшиеся в результате уродливые межличностные связи. Руководство республики исходит из того, что нормальные межличностные, не патологические связи существовали в узбекском обществе всегда, они и составляли то, что называется "здоровыми соками нации". Именно они, выступая в форме махаллинского самоуправления, в виде национальных традиций и обычаев, служат основанием гражданского общества, политической системы, где нашли отражение элементы восточного демократизма, дух неприятия любой формы диктата.

Поэтому одной из целей создаваемой Конституции, а следовательно, и всего дальнейшего этапа социального развития республики, должно было явиться выведение этих нормальных межличностных отношений наружу, предоставление возможности нашему обществу изжить деформированные отношения.

Естественно, что создавая Конституцию Узбекистана — независимого государства с великим будущим, руководство республики не могло и не имело морального и политического

права идти на "поводу" митинговых "анархо-демократов" или фундаменталистов различных мастей. Было отчетливое понимание того, что в достижении саморегуляции стабильной устойчивости важнейшую роль играет именно сильная государственная власть.

Возьмем, к примеру, шаги руководства республики, связанные с введением и укреплением национальной валюты. В международно-правовом, да и просто нравственном аспекте в республике не нарушен ни один пункт заключенных соглашений с соседями и партнерами. Но, вместе с тем, из-за проводимой некоторыми соседями силовой, а зачастую и просто нечистоплотной политики, руководство республики не могло, ссылаясь на объективные причины, пойти на нарушение прав граждан, ввергая их в пучину шока и грабительского изымания честно заработанных средств к существованию. И при введении национальной валюты, и при ее укреплении правительство Узбекистана, несмотря на сложившиеся в силу внешних причин трудности, стремилось исходить из закрепленных основных принципов Конституции — принципов преобразования жизни народов республики в соответствии с их потребностями и интересами. Уверенные шаги по пути экономической стабильности, конвертация сума и т.д. — подтверждение правильности такого курса.

Конституция Республики Узбекистан и по своей структуре, и по своей направленности, и по содержанию принципиальным образом отличается от прежних конституций, действовавших на его территории. И это понятно. 31 августа 1991 года на политической карте мира возникло новое независимое государство — Республика Узбекистан, а 8 декабря 1992 г. факт жизнедеятельности этого независимого государства закрепила принятая в этот день новая Конституция, пронизанная от первой до последней строки идеей суверенитета, гарантий прав и свобод граждан.

Значение и специфика Конституции заключается в том, что она логически вытекает из всех мировых достижений в области соблюдения прав человека и развития демократии. В ней нет ни одной строки, которая прямо или косвенно ставила бы права граждан в зависимость от их пола, национальности, возраста, расовой или религиозной принадлежности.

Конституция закрепляет широкое поле деятельности для политического и экономического плюрализма, многопартийности, свободного отправления и защиты демократических принципов, формирования общественных движений и организаций.

Вместе с тем, Конституция Узбекистана ставит надежный заслон анархии, насилию, нарушениям правопорядка, расколу общества, межэтническим и конфессиональным столкновениям, войне, антидемократическим поползновениям.

Конституция направлена на развитие таких демократических устоев, как гарантии прав и свобод граждан, приоритет общечеловеческих ценностей, невмешательство во внутреннюю жизнь как отдельных граждан, так и государств в целом, неущемление их прав и достоинства.

Конституция Узбекистана широко отражает национальную специфику республики. Пример тому — придание узбекскому языку статуса государственного, конституционное закрепление статуса и функционирования органов местного и республиканского управления и самоуправления (Олий Мажлис, хокимы, раисы, аксакалы), названий административно-территориальных единиц (аулы, кишлаки и т.д.).

Все это в совокупности отражает специфику, восточный колорит демократического развития жизни и исключает возможность чрезмерной концентрации власти, четко разграничивает функции законодательной, исполнительной и судебной властей.

Наиболее важное значение Конституции заключается в том, что она социально ориентирует становящиеся рыночные отношения, открывает широкий простор для многообразия форм собственности и гарантирует возможности для их развития, в том числе для развития частной собственности. Это очевидно из всех четких, выпуклых, содержательных, не приемлющих расплывчатости, многозначности, разбросанности пунктов и положений текста Конституции Республики Узбекистан.

Критическое осмысление пройденного республикой семидесятилетнего пути свидетельствует, что сложившаяся за данную историческую эпоху в республике застывшая система государственного устройства общества, базирующаяся

на централизации и монополизации формах распределения, контроля за мерой труда и потребления, политизации и идеологизации общественного сознания и воспитания, оказалась результатом ошибочного выбора способов и механизмов движения к национальному и социальному прогрессу. Сегодня большинство утверждает в мысли, что социалистическое государство, декларировавшееся как демократическое и общенародное, на деле продемонстрировало свою тоталитарную, чиновничье-бюрократическую сущность, а сформированный ею властный и исполнительный аппарат (элитарный слой партийно-государственной номенклатуры) — отчужденность от народных интересов, национальных особенностей. Советская власть как идеологизированная и политизированная форма государственности показала себя неприемлемой и чуждой, особенно для восточного понимания и представления.

Естественно, что в условиях оптимизации политического устройства реализовывать в Узбекистане модель государства на прежней идеологической основе было бы немыслимым, так как такой подход не имеет исторических корней. Невозможен был и возврат к системе, когда одним партийно-государственным аппаратом монополизировались все ветви и уровни власти — законодательная, исполнительная и судебная.

В настоящее время республика находится на стадии разработки теории государственного строительства. Уже по принятым законодательным и нормативным актам и практическим шагам по реорганизации властных и управленческих структур видно, что главным стержнем в формировании нового политического строя сохраняется принятый на вооружение метод эволюционной и поэтапной смены органов власти и управления. Такой подход в совокупности с реализацией идеи о реформаторской роли государства дает возможность выбора наиболее конструктивных форм организации общества и наполнения модели общественно-политического устройства новым философским содержанием.

Одной из черт новизны является формирование гибкой и мобильной государственной структуры как известно, прежняя

система характеризовалась многозвенностью и многоступенчатостью. Например, на территории республики в системе управления безраздельно господствовали 28 союзных и 17 союзно-республиканских министерств и ведомств, которые держали в сфере своего воздействия и влияния наиболее ведущие области политики, экономики, воспитания. Обладая на территории региона значительной частью собственности республики, ее национальным богатством, они осуществляли свой политический и экономический диктат. По сути дела, эти органы и представляли в Узбекистане государственную власть, лишая местные структуры республики многих прав и функций управления.

Нынешние приоритеты в государственном строительстве осуществляются в соответствии с выработанной доктриной суверенизации власти и управления, принципами рыночных отношений, демократизации аппарата. Их реализация позволяет не только коренным образом изменить политическую структуру общества, но и создать качественно новые органы. Так, значительная часть министерств и ведомств, занятых экономической и хозяйственной деятельностью, была реорганизована в государственные ассоциации, корпорации и концерны, что дало им возможность непосредственно, включаться в рыночные отношения. Другие государственные подразделения были преобразованы в компании со статусом самостоятельных и независимых. Третьи, что деятельность связана с вопросами образования, культуры, воспитания и т.д., обрели права комитетов.

В то же время, новое качество государства вызвало к жизни объективную потребность в формировании организационных атрибутов, необходимых для независимой республики. Это такие органы, как министерство обороны, государственное налоговое управление, национальный банк, комитет по делам госимущества и т.д.

Все эти меры в значительной мере сокращают как численность органов управления и хозяйствования, подведомственных Кабинету Министров, так и численность аппаратных работников. Например, состав центрального аппарата Министерства по делам культуры определен в количестве 58 человек, Государственной кинокомпании — 34, Министерства по труду — 70, ассоциации "Узбеклепром"

— 110, государственной корпорации "Махаллий саноат" — 105, Министерства иностранных дел — 230 человек и т.д.¹ Уменьшается и число структурных подразделений на местах, благодаря чему повышается степень управляемости и дееспособности систем управления.

Переходный период не устанавливает окончательно, а лишь обозначает контуры государственной и негосударственной системы управления. Реальная действительность, без сомнения, предоставляет немало материалов, форм и механизмов, обеспечивающих формирование целостности общественно-политического устройства независимого государства в сферах управления людьми, обществом, производством. Между тем, и сегодня очевидно, что создание центральных органов и их структурных подразделений само по себе, автоматически, не снимает напряженности в их взаимоотношениях с представительными и властными системами.

В свете этого в иной плоскости могут рассматриваться и органы исполнительной власти. Методологической основой пересмотра существующего взгляда на развитие данного элемента политической системы общества может стать положение, высказанное Президентом И.А.Каримовым, согласно которому "в определенные периоды истории, при становлении собственной государственности, тем более в переходный период... необходима все-таки сильная исполнительная власть".² Октябрьские события 1993 года в Москве подтвердили выводы руководства республики, что беспредел в политике чреват не только падением престижа и авторитета власти, но и возможной утратой государственной целостности общества, общей культуры и морали, без которых не действуют социальные и экономические законы общежития, правила взаимоотношения личности и государства.

В то же время, они еще раз убедили, что избранный республикой курс на укрепление исполнительной власти, исполнительской культуры не только отвечает национально-историческим традициям народа, но и в полной мере

¹ См.: Правовое государство — независимость, нация, экономика, идеология, политика — Т.1. — С.38-53.

² Молодежь Узбекистана. -1993. — 23 февраля.

соответствует внутренним потребностям переходного периода.

Одним из важных шагов в формировании сильной власти стали мероприятия по преобразованию местных органов управления и возрождению институтов хокихмов. С древнейших времен, например, для узбеков правитель представлялся как гарант спокойствия и благополучия, как "щит народу и стране".¹ На протяжении веков степень уважительности и доверия к власти была прямо пропорциональна отношению народа к хокимам и правителям. Более всего ценился сильный, но справедливый владыка, который "охраняет и благоустраивает население"² и выступает как "правосудия щит".³ Поэтому восстановление хокихматов в общественном сознании не трансформируется в тоталитаризм и диктатуру. Наоборот, в нем, прежде всего, видится возврат к правопорядку и законности, дисциплине и законопослушанию.

В сравнении с прежними исполкомами аппараты хокихматов более малочисленны и мобильны. Например, в структуре хокихматов Джизакской, Сурхандарьинской, Хорезмской областей насчитывается по 63 работника, Андижанской, Бухарской, Кашкардарьинской, Наманганской, Навоийской — по 68, самаркандской и ферганской — по 72, Ташкентской — 75, г.Ташкента — 87 человек.⁴ В основном формирование аппаратов хокихматов производится на профессиональной основе, что позволяет решать возникающие проблемы на высоком уровне компетентности.

Однако, на наш взгляд, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что на волне подъема национального самосознания и национального возрождения могут реанимироваться клановые связи, которые, в свою очередь, вызовут к жизни негативные тенденции, когда при подборе кадров во властные органы будут учитываться не квалификация, решительность, способность и профессионализм работников, а их личная преданность и верность хокимам. В силу этого создадутся

¹ Алишер Навои. Собр.соч. в 10-ти томах. Т.VII -Т., 1970. — С.20.

² Там же. — Т.X. — С.34.

³ Там же. — Т. I. — С.234.

⁴ Постановление Кабинета Министров Республики. № 43-92. — 1992. — С.160.

условия для распределения должностей по принципу родства и кумовства, знакомства и приятельства.

На опасность такого рода указал в своих выступлениях в Сурхандарьинской и Сырдарьинской областях Президент И.В.Каримов.

Второе: чрезмерность в расширении прав и функций хокимов, бесконтрольность их деятельности объективно может привести к усилению авторитарности их власти, превращению в своего рода "удельных князей" и, естественно, к обострению отношений с демократически избранными органами народовластия и самоуправления.

Но, как показывает практика последних лет, появление такой ситуации в республике проблематично, так как хокимы не противопоставлены представительной власти, а, наоборот, их присутствие обеспечивает более быстрое и четкое исполнение и прохождение на территории законов и указов, реализации экономических и социальных программ, защиты прав, интересов и потребностей населения регионов. Поэтому сохранение на протяжении еще длительного периода сложившейся структуры государственной власти на местах станет гарантом стабильности, мира и согласия.

В концепции государственного строительства должна быть пересмотрена позиция в определении правового статуса низовых звеньев административно-территориального деления и соответственно с этим превращения махаллей, советов аксакалов и других первичных образований из общественных форм самоуправления в элемент государственной структуры. В республике в настоящее время насчитывается более 10 тысяч такого вида территориально-демографических единиц, в которых объединяются свыше 86% всего населения. Сейчас продолжаются процессы формирования махаллей в городских микрорайонах и в других зонах новостроек, что позволит, в конечном счете, обеспечить высокий социальный уровень локализации совместного проживания людей.

Махалля в историческом и современном понимании выступает как четко выраженная социально-демографическая, культурно-духовная и территориально-административная определенность, субъекты которой взаимосвязаны единством традиций и обычаев, формами общения, правовых,

хозяйственных, семейных и т.д. отношений. Именно в таких образованиях издревле, с одной стороны, определялись, утверждались и регулировались правила и принципы человеческого общежития, создавались системы идеологических и мировоззренческих взглядов, формировалось общественное мнение, а с другой — через махаллю осуществлялась непосредственная взаимосвязь государства с семьей, религиозными конфессиями, контроль и исполнение решений государственной власти, контакты с организациями культуры и образования, правопорядка и т.д. И несмотря на проводимый ими значительный объем работ, они на протяжении длительного исторического периода оставались дополнительными и вспомогательными структурными в системе районных и городских органов государственного управления.

Между тем, махаллинские комитеты в периоды обострения экономической, политической и социальной напряженности доказали свою государственную сущность, обеспечивая на своих территориях дисциплину и порядок, разрешение конфликтных проблем, хозяйственных и бытовых вопросов. Опыт показывает, что они в правовом и административном плане давно созрели для выполнения самостоятельных государственных функций. Поэтому придание им официального государственного статуса следует считать одним из наиболее важных шагов в формировании гибкой, мобильной и сильной исполнительной власти, в переходе к подлинным демократическим формам народовласти.

Махаллинские комитеты более чем какие-либо другие государственные органы способны эффективно регулировать проблемы защиты интересов и прав жителей, оказывать содействие в развитии малого предпринимательства и бизнеса, создавать общественные фонды помощи и милосердия, осуществлять другие формы социальной поддержки населению, насыщать свои территории необходимой для жизнедеятельности инфраструктурой производства, быта, культуры и духовности с учетом развития всех форм собственности и хозяйствования.

При разработке теории государственности требуется особый подход к выбору форм общественного строя. В Основном Законе Узбекистан декларируется как "суверенная

демократическая республика",¹ где "народ является единственным источником государственной власти"² и где признается безусловное верховенство Конституции и законов".³ Как видно из приведенных конституционных положений и норм, новое государственное образование в смысловом аспекте полностью лишено какой-либо политической или идеологической окраски и не содержит в себе признаков и черт классовой дифференциации общества.

Иначе говоря, мировоззренческую основу и методологическую базу национальной государственности составляют подлинная свобода и права человека. Естественно, что в новой системе на передний план выдвигаются взаимоотношения между личностью и государством, где оба элемента государственного строительства органически связаны взаимными правами и ответственностью. Этим самым государство перестает порождать и увеличивать численность социальных майдивендов, а человек осознает объективную необходимость решать свои проблемы за счет собственных потенциальных возможностей. При этом государство не берет на себя обязательства полного обеспечения людей источниками и средствами существования, а лишь создает и предоставляет каждому те условия, в пространстве которых личность находит способы удовлетворить свои потребности и интересы.

Единственным и неизменным критерием оценки правового и социального равенства всех граждан, независимо от их национальной, партийной, религиозной, социальной принадлежности, выступает Закон. Он же определяет и регламентирует нормы и принципы всех общественных отношений. Законодательная власть в республике принадлежит высшему государственному представительному органу — Олий Мажлису.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Олий Мажлис представляет собой новый тип парламентского государственно-политического устройства общества, отражение происходящих качественных изменений в развитии демократических начал в управлении социальными и экономическими процессами.

¹ Конституция Республики Узбекистан. — Т.: Узбекистан, 1992. — С.9.

² Там же. С.10.

³ Там же. С.11.

Ее отличие от прежнего Верховного Совета не только в наименовании и количественном составе, не только в функциях и полномочиях. В принципиальном аспекте Узбекистан впервые в истории обрел представительный орган власти, сформированный на профессиональной основе, на многопартийной мандатной базе. Это один из существенных показателей движения узбекистанского общества к цивилизованному и правовому устройству.

Другой немаловажный момент в характеристике демократических выборов заключается в том, что народ республики 25 декабря 1994 года проявил возросшую политическую культуру и грамотность, продемонстрировал приверженность социальному и национальному единству, гражданскому согласию, государственной независимости республики. Декларируемые государством идеи демократии и сильной власти, верховенства закона и свободы личности — не противоположные понятия и явления, а механизмы, консолидирующие нации и народности, классы и социальные группы, обеспечивающие стабильность морально-психологической ситуации в государстве.

Но прежде чем затронуть узловые вопросы предстоящих преобразований и реформирований, последующих шагов в областях политики и экономики, культуры и воспитания, необходимо извлечь уроки из пройденного, оценить сделанное, осмыслить последствия методов и подходов при решении стоящих перед обществом проблем и задач.

Прежний Верховный Совет, избранный в феврале 1990 года, до последнего дня своего функционирования на своих сессиях принял более 200 законов и свыше 500 постановлений. Цифры, как видно, весьма внушительно, но, это число оправдано объективной потребностью и необходимостью только что установившего независимость государства в заполнении вакуума в правовом и законодательном пространстве. В них нашли отражение принятый курс на эволюционный и поэтапный переход и к цивилизованному рынку, и на установление сильной исполнительной власти, обеспечение государственной и социальной защиты населения.

Но для вновь избранного Олий Мажлиса не погоня за количеством рассмотренных законов должно определять дееспособность парламента, а качество и системность в принятии

документов. Здесь, в первую очередь, имеются в виду изменения в методологии разработки законодательных актов. Последний комплекс указов по интенсификации и стимулированию развития частной собственности создает прецедент к переходу на систему пакетно-блочного рассмотрения документов общенациональной значимости. При этом должен сохраняться и выдерживаться высокий уровень их профессионального качества. Не умаляя ценности ранее принятых законов, все же приходится констатировать, что многие из них страдают неточностью формулировок, декларативностью положений, абстрактностью статей. Отсюда разночтения, разнотолкования, разнокомментирование. И не случайно, что уже теперь в более чем 30% принятых законов внесены дополнения и изменения, новые формулировки и статьи.

Закон своей структурой и содержанием лишь тогда обретет завершенную форму, когда в нем будут сгармонизированы все составные части, когда он будет не доказывать и убеждать, а утверждать в своей истинности правовые нормы, нравственные принципы, общечеловеческие правила.

Другой урок вытекает из сложившегося в последние годы отношения к законам, в характере востребованности их народом, состояния доведения их до разума людей. Социологические исследования свидетельствуют, что около 80% опрошенных из различных социальных и национальных групп населения поверхностно или вообще не ознакомлены с принятыми законами, половина законов не доходит до непосредственных исполнителей, 40% искажается на уровне низовых и средних властных и исполнительных структур, 30% — не реализуется.¹

Третий урок обусловлен тезисом, согласно которому доверие к власти и уважение к закону начинается с того, как с ними обращаются сами представители государственных органов. Опасен и пагубен путь, когда одной рукой пишутся законы для народа, а другой — для избранной элиты, и когда последние становятся нормой жизни и поведения и должностных лиц и тех, кто призван защищать закон или представлять его. То, что выявилось в Сурхандарьинской, Бухарской, Навоийской

¹ См.: Правовое государство — независимость, нация, экономика, идеология, политика. Т.1. — С.38-53.

областях, Самаркандской, Кашкадарьинской показывает, что кадровая политика обнаруживает серьезные изъяны в подборе и расстановке хокимов, руководителей других властных и исполнительных структур. Сплошь да рядом можно встретить случаи сокрытия доходов от налогообложения, распродажи на льготных условиях государственной собственности "нужным" людям, выборочное предоставление на благоприятных процентных ставках кредитов и т.д. За нарушение, например, Закона об охране окружающей среды в 1994 г. было наказано свыше 24 тысяч. Закона о налогах — 18 тысяч должностных лиц. А если брать по совокупности всех законодательных актов, то численность тех, кто не считается с ними и игнорирует их, перевалит за добрую сотню тысяч.

На пути к правовому государству необходимо принять самые решительные меры по наведению порядка и дисциплины в этой сфере. В первоочередном порядке следует активизировать работу Конституционного суда, где бы граждане могли найти защиту от посягательства на их права и свободы. Целесообразно организовать Высшую школу парламентаризма в целях подготовки в ней профессиональных кадров для работы в представительных и других государственных службах. Возможно, назрел момент для организации собственной парламентской периодической газеты, в которой бы население республики нашло ответы на вопросы собственной самозащиты, комментарии специалистов по законодательным положениям и т.д.

В соответствии с Конституцией Республики Узбекистан и Конституционным Законом "Об Олий Мажлисе" вновь избранный парламент будет осуществлять исключительно законодательную власть. Что это означает?

В самом общем плане под этим понимается создание нового механизма выработки основных правил взаимодействия между членами общества, между личностью и группами на втором этапе перехода к рыночным отношениям. То есть законодательный орган республики на данном этапе призван с учетом коллективного мнения исключительно вырабатывать и утверждать законы, оптимизирующие процессы укрепления стабильности, гражданского мира и согласия, экономического благополучия граждан, сохранения целостности общества.

Только исходя из этих принципов и возможно реальное участие народа в управлении государством, только на основе этого и возможно продолжение и совершенствование нарабатанной в последние годы законодательной практики. Это означает, что необходимо уделять основное внимание не на "пробивание" проектов местного характера, типа строительства моста или проведения, скажем, водопровода в своем районе, а утверждению в обществе верховенства закона, прочного порядка и дисциплины, обеспечению конституционных прав любого гражданина, независимо от его расовой, национальной, религиозной и языковой принадлежности.

Соблюдение и утверждение этих принципов заставляет по-новому взглянуть на саму суть представительства народа. Думается, что необходимо отказаться рассматривать народных представителей исключительно как "делегатов народа". Еще в 1774 г. Эдмунд Берк после избрания его в британскую палату общин утверждал, что избиратели выбрали его в парламент для того, чтобы он действовал в высших интересах страны. В этом плане перед депутатами Олий Мажлиса Республики Узбекистан стоит нелегкая задача: представляя интересы своих избирателей, руководствуясь своими убеждениями и выполняя пожелания групп общих интересов, действовать в высших интересах Республики Узбекистан. Умение находить мудрые компромиссы во имя выработки наиболее работоспособных решений должно составлять кредо каждого депутата. Это, прежде всего, касается реализации основной их функции — законотворчества.

Независимости Узбекистана всего четыре года. Хотя многое уже сделано, но еще больше предстоит сделать. В этом плане диапазон законодательства в Узбекистане сейчас почти не ограничен, каждый новый день выдвигает проблему, которая может стать основной для законодательных мер. Кроме того, жизнь вносит свои коррективы в уже существующие законы. Да и законы принимаются обязательные для всех и на перспективу, а потребности, интересы, возможности граждан, особенно сейчас, постоянно меняются, поэтому возникают несоответствия между жизнью и существующими, даже прекрасно разработанными и "работающими" законами.

областях, Самаркандской, Кашкадарьинской показывает, что кадровая политика обнаруживает серьезные изъяны в подборе и расстановке хокимов, руководителей других властных и исполнительных структур. Сплошь да рядом можно встретить случаи сокрытия доходов от налогообложения, распродажи на льготных условиях государственной собственности "нужным" людям, выборочное предоставление на благоприятных процентных ставках кредитов и т.д. За нарушение, например, Закона об охране окружающей среды в 1994 г. было наказано свыше 24 тысяч. Закона о налогах — 18 тысяч должностных лиц. А если брать по совокупности всех законодательных актов, то численность тех, кто не считается с ними и игнорирует их, перевалит за добрую сотню тысяч.

На пути к правовому государству необходимо принять самые решительные меры по наведению порядка и дисциплины в этой сфере. В первоочередном порядке следует активизировать работу Конституционного суда, где бы граждане могли найти защиту от посягательства на их права и свободы. Целесообразно организовать Высшую школу парламентаризма в целях подготовки в ней профессиональных кадров для работы в представительных и других государственных службах. Возможно, назрел момент для организации собственной парламентской периодической газеты, в которой бы население республики нашло ответы на вопросы собственной самозащиты, комментарии специалистов по законодательным положениям и т.д.

В соответствии с Конституцией Республики Узбекистан и Конституционным Законом "Об Олий Мажлисе" вновь избранный парламент будет осуществлять исключительно законодательную власть. Что это означает?

В самом общем плане под этим понимается создание нового механизма выработки основных правил взаимодействия между членами общества, между личностью и группами на втором этапе перехода к рыночным отношениям. То есть законодательный орган республики на данном этапе призван с учетом коллективного мнения исключительно вырабатывать и утверждать законы, оптимизирующие процессы укрепления стабильности, гражданского мира и согласия, экономического благополучия граждан, сохранения целостности общества.

Только исходя из этих принципов и возможно реальное участие народа в управлении государством, только на основе этого и возможно продолжение и совершенствование нарабатанной в последние годы законодательной практики. Это означает, что необходимо уделять основное внимание не на "пробивание" проектов местного характера, типа строительства моста или проведения, скажем, водопровода в своем районе, а утверждению в обществе верховенства закона, прочного порядка и дисциплины, обеспечению конституционных прав любого гражданина, независимо от его расовой, национальной, религиозной и языковой принадлежности.

Соблюдение и утверждение этих принципов заставляет по-новому взглянуть на саму суть представительства народа. Думается, что необходимо отказаться рассматривать народных представителей исключительно как "делегатов народа". Еще в 1774 г. Эдмунд Берк после избрания его в британскую палату общин утверждал, что избиратели выбрали его в парламент для того, чтобы он действовал в высших интересах страны. В этом плане перед депутатами Олий Мажлиса Республики Узбекистан стоит нелегкая задача: представляя интересы своих избирателей, руководствуясь своими убеждениями и выполняя пожелания групп общих интересов, действовать в высших интересах Республики Узбекистан. Умение находить мудрые компромиссы во имя выработки наиболее работоспособных решений должно составлять кредо каждого депутата. Это, прежде всего, касается реализации основной их функции — законотворчества.

Независимости Узбекистана всего четыре года. Хотя многое уже сделано, но еще больше предстоит сделать. В этом плане диапазон законодательства в Узбекистане сейчас почти не ограничен, каждый новый день выдвигает проблему, которая может стать основной для законодательных мер. Кроме того, жизнь вносит свои коррективы в уже существующие законы. Да и законы принимаются обязательные для всех и на перспективу, а потребности, интересы, возможности граждан, особенно сейчас, постоянно меняются, поэтому возникают несоответствия между жизнью и существующими, даже прекрасно разработанными и "работающими" законами.

В силу этого приложение максимума усилий для сведения этих несоответствий к минимуму — одна из самых нелегких обязанностей депутатов. И все же необходимо, чтобы принудительная сила принимаемых законов не выходила за пределы абсолютной необходимости, а сами законы отражали изменяющиеся реальные интересы Узбекистана и его граждан, соответствовали их реальным потребностям.

Будет не совсем верно представление о том, что наибольшее число законодательных предложений в республике, якобы, поступают от исполнительной власти, поэтому бывший Верховный Совет республики лишь узаконивал их действия и решения. Рассмотрим, так ли это на самом деле.

Во-первых, именно бывший Верховный Совет проделал огромную работу по созданию законодательной базы, которая стала по-существу фундаментом государственного устройства Узбекистана. Принятие конституции Республики Узбекистан, разработка и утверждение законов, определяющих полномочия и ответственность законодательной, исполнительной и судебной власти, большой пакет законодательных актов, заложивших правовую основу рыночной экономики, обеспечивающих социальную защиту населения в переходный период и т.д. — вот лишь некоторые поистине исторические вехи бывшего Верховного Совета республики.

Во-вторых, Верховный Совет не только рассматривал предлагаемые политические меры, но зачастую отвергал и изменял их, вносил свои существенные коррективы и выступал с собственными законодательными инициативами. Верховный Совет заложил основу для повышения инициативной роли Олий Мажлиса при выработке внутренней и внешней политики, усиления его активности во взаимоотношениях с исполнительной и судебной властью.

Конечно же, в работе Верховного Совета сказывались некоторая инерция, недостаточная организация. Мешало на первых порах и то, что зачастую Верховный Совет, хотя и говорил от лица народа, но (как метко заметили американцы по поводу своего конгресса) "говорил многими голосами".

Нынешний состав Олий Мажлиса, избранный на многопартийной основе, обладает более широким народным мандатом и в силу этого вправе быть сильным. Это означает,

что Олий Мажлис Узбекистана должен, прежде всего, осуществлять сильную законодательную политику.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что сильная законодательная политика — последовательная политика, исходящая из верховенства законов, из знаний потребностей и интересов различных социальных сил, конкретных людей, опирающихся на эти общественные силы и немислимая без учета интересов различных социальных сил, конкретных людей, опирающихся на эти общественные силы и немислимая без учета интересов народов Узбекистана.

Итак, формирование новых структур власти Республики Узбекистан знаменовало собой начало нового этапа в развитии независимой государственности. Народ с огромной верой и надеждой ждет от властных структур таких законов, таких шагов, решений, которые бы способствовали скорейшей стабилизации экономики, свободе предпринимательства, защите прав и свобод человека, повышению авторитета независимого Узбекистана на мировой арене. На руководстве республики лежит огромная ответственность за судьбы страны не только перед нынешним, но и будущими поколениями. От ее осознания, в конечном итоге, будут зависеть судьбы народа не только в ближайшей, но и в далекой перспективе.

Это поистине историческая ответственность, и принятые на основе ее осознания законы, шаги и решения способны коренным образом повлиять на создаваемые модели правового демократического государства и цивилизованного гражданского общества.

2.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК СОСТАВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В предыдущих разделах мы неоднократно отмечали, что одним из приоритетов социального развития Узбекистана является построение демократического, правового государства и развитого гражданского общества. Принятие новой Конституции, последовательные шаги руководства республики по сохранению социальной стабильности и согласия, улучшению

благополучия населения — реальные этапы продвижения общества по пути к достижению этих целей.

На XVI сессии Верховного Совета Узбекистана было принято решение о проведении выборов в Олий Мажлис на многопартийной основе. Сам ход выборов 25 декабря 1994 г., начальные шаги Олий Мажлиса республики показали всю важность осмысления сути, значения и перспектив самого феномена многопартийности как неотъемлемого условия, фактора существования гражданского общества. Партии и движения всегда выступали составной частью социально-политической инфраструктуры общества. Они всегда рассматривались в качестве связующего звена между властными структурами и народом, между государством и обществом.

Мы привыкли, исходя из сформировавшихся в тоталитарную эпоху стереотипов мышления, отождествлять государство с неким отчужденным от нас колющим, который всеми своими механизмами принуждения и давления нивелирует нас, подравнивает под единые стандарты. Сам феномен власти до сих пор, как мы подчеркнули выше, понимается зачастую как аппарат насилия, принуждения. Думается, что даже допущение контекста принуждения в понимании взаимодействия систем власти и гражданского общества обедняет как саму социальную теорию, допуская в ней ложные установки и неверные толкования, приводящие в конце концов к неправильным теоретическим выводам, так и уводит в сторону само практическое становление гражданского общества.

Поэтому и в практическом, и в концептуальном смысле для нас, и мы подчеркиваем это еще раз, столь необходимо и важно понимание сущности власти как взаимодействия всех компонентов общества во имя реализации тех или иных общих целей. В данном случае — целей развития и укрепления независимости Узбекистана, сохранения мира и стабильности как в регионе, так и во всем мире, достижения благополучия, духовного возрождения и расцвета всех народов, населяющих республику.

Эти цели, это понимание сущности реализуемой власти не противоречат сущности гражданского общества. Именно гражданское общество в состоянии обеспечить стабильность

в государстве, так как приоритеты в нем отдаются не вертикальным, а горизонтальным межличностным связям. Что это означает?

Гражданское общество, выступая в виде определенного общественного пространства и системы независимых институциональных, межчеловеческих отношений и возникающих в результате социальных организаций, призвано защитить независимость человека, сохранить ему возможность оставаться самим собой. Поэтому нормальные межчеловеческие связи, аккумулируясь в различные движения, объединения, учреждения, выражают собой, прежде всего, защиту конкретных общественных интересов. Отрадно, что в Республике Узбекистан сделаны решительные шаги по законодательному обеспечению таких социальных взаимосвязей.

Выделяя значение гражданского общества, мы, однако, не отделяем его от функционирования государства. Чем сильнее государство, тем крепче гражданское общество. Данное положение не требует особых доказательств. Это касается и такой области, как политика, понимаемой в контексте взаимодействия не только властных функций государства, но и личных интересов граждан.

Деятельность индивидов, объединение их в сфере политики всегда выступают как самостоятельный фактор. Это, в свою очередь, определяет как статус, так и значимость политических партий. Именно в силу этого политические партии становятся неотъемлемыми компонентами общества. Но, вместе с тем, выражая интересы определенных социальных групп и обеспечивая их реальное продвижение к реализации власти, политические партии неотделимы от самого государства. Здесь очевидна противоречивая сущность политических партий, которая проявляется, с одной стороны, в разграничении сфер, интересов гражданского общества и политической власти, и с другой — в их оптимальном сочетании, соединении. Это и является источником развития и укрепления политических партий.

Более того, именно это определяет положение партии внутриединого социально-политического пространства республики. Дело в том, что чем ближе партия к структурам

власти, тем больше идентификация ее с данными структурами. В условиях тоталитарного общества такое положение всегда приводило к огосударствлению партии. Монопольное существование КПСС стало причиной превращения ее в главное государство в государстве и отдаления ее, несмотря на большое количество членов, от народа и общества, противопоставления себя им.

Только в условиях существования политического плюрализма партии могут выступать как неотъемлемая часть гражданского общества. Необходимо преодолеть стереотип, согласно которому существование большого числа партий в обществе является гарантированным фактором дестабилизации, политических разногласий и раздора. Такая опасность действительно существует, но абсолютизировать ее не стоит, точно также, как и не следует думать, что большее количество партий обеспечивает качество демократичности общества.

Когда нет гражданского общества, нет и политического согласия, и существующие партии живут благодаря наработанному в результате монополизации какой-то одной или всей сферы политической жизни багажу, создаваемые же партии преследуют узкогрупповые или личные интересы и, как правило, объявляя себя оппозицией, начинают заниматься неконструктивным критиканством, зачастую скатываясь на позиции экстремизма.

Такое состояние можно преодолеть только при создании в обществе единого политического и социального пространства, который составляет основу взаимодействия гражданского общества и правового государства. То есть условием легитимности различных политических партий и движений изначально должно быть не противостояние официальной власти или безоглядная поддержка ее, а выражение и защита интересов самых широких слоев населения, различных социальных групп и, прежде всего, Человека.

Партии, если они хотят жить и полноценно функционировать, должны исходить от человека и возвращаться к нему. Когда мы говорим "Человек", то имеем в виду не определенного лидера, не узкую социальную группу (скажем, типа бывшей партийной номенклатуры), а конкретных индивидов, выступающих "живыми клеточками".

гражданского общества. Аккумуляция интересов граждан, их выражение и защита, а затем соотношение этих интересов и интересов государства определяет реальное состояние общества. Следовательно, важнейшим фактором, обеспечивающим стабильность в обществе, выступает взаимодействие сильной государственной власти (где исполнительная власть должна быть департизирована) с политическими партиями и движениями, выражающими интересы различных социальных групп в обществе.

Дифференциация, установление оптимальной очередности в реализации социальных интересов, их согласованность и гармония — фундамент общественной стабильности, так как их дисбаланс ведет к конфронтации, дестабилизации, возникновению конфликтов и кризисов.

Все это чрезвычайно актуально для Республики Узбекистан. В настоящее время стабильность в нашем обществе стремится сохранить, прежде всего, сильный государственный аппарат, который, однако, в низовых и средних звеньях зачастую имеет сбои. Многопартийная система только складывается, поэтому соблюдение баланса интересов различных социальных сил — дополнительная нагрузка для верхних звеньев государственной власти. Это отвлекает как силы и возможности, так и время от последовательного проведения экономических реформ. Поэтому проведение выборов в Олий мажлис на многопартийной основе представляет собой своевременный и важный шаг в радикальном политическом реформировании социального пространства республики, в развитии гражданского общества в Узбекистане, а, следовательно, выступило еще одним этапом и в экономическом реформировании.

Эти общие теоретико-методологические выводы об особенностях социального функционирования политической системы наиболее полно отражают специфику возникновения и генезиса различных партий и движений в Республике Узбекистан.

Так, на социально-политической диаграмме наибольший пик активности приходится как раз на период агонии бывшей КПСС и возникновения огромного количества партий и движений различной ориентации. На их дальнейшую судьбу оказала огромное влияние, во-первых, реализация основных программных требований этих партий (например, реализация

государственного суверенитета, придание узбекскому языку статуса государственного и т.п.), то есть степень реализации интересов не отдельных граждан, а всего общества, или хотя бы больших социальных групп населения. (По мере реализации этих интересов они, как правило, больше не актуализируются). И, во-вторых, сыграла свою роль стратегия и тактика данных партий и движений, их отдельных лидеров.

Так, отсутствие четких программных документов, неконструктивные шаги, отказ от поиска компромиссов, поддержка экстремистских и фундаменталистских сил со стороны отдельных партий и движений не могли не вызвать ответных превентивных мер со стороны руководства Узбекистана.

На сегодняшний день на политической карте Узбекистана начинает складываться действительно многопартийная система. И, если положение партий "Адолат" и "Ватан тараккиети" можно оценить как переход к медленному, но фактическому признанию, то наиболее многочисленной и признанной партией можно назвать Народно-Демократическую партию Узбекистана (создана 1 ноября 1991 г. В настоящее время насчитывает более 410000 членов. Первый секретарь ЦС НДПУ — доктор философских наук, профессор Абдулхафиз Джалалов. Печатный орган — газета "Узбекистон овози").

Во многом такое положение НДПУ объясняется тем, что у нее — отлаженная, апробированная на протяжении десятилетий организационная структура и функциональные особенности. Данной партии удалось сохранить и весь богатый арсенал управленческих навыков, интеллектуальный потенциал членов в среднем и верхнем эшелоне власти, материальную базу. Более того, несмотря на определенный отток членов из партии в 1991-1992 гг. (этому есть определенные объективные и субъективные причины — о них речь ниже), в последующем удалось вовлечь в свои ряды крупных предпринимателей, хозяйственников, значительную, причем активную, честолюбивую часть

молодежи, которые наряду с обновившимся ядром партии, составили костяк парламентской фракции НДПУ.

Обладая крепкой дисциплиной, материальной и информационной базой, данная партия дальновидно перенесла основной упор на деятельность в низовых звеньях — первичных организациях, особенно в махаллях, на районном уровне. Вовлеченность в каждодневные заботы граждан обеспечила легитимность существования НДПУ, хотя здесь со стороны руководства партии в области стратегии и тактики было сделано много как позитивного, так и негативного. Так, поддержав курс на деполитизацию, целью которой была социальная стабилизация, партия тем самым лишилась определенной части своих членов. Подобным же образом, конъюнктурная реакция идеологов партии на деидеологизацию, понятую многими как "никакой идеологии", ослабили позиции партии в разработке своей идеологической концепции. В итоге в ней преобладали общие, достаточно аморфные положения и лозунги. Это сказалось, к примеру, в определенном популизме, выражающемся в стремлении отразить интересы "всего народа" (мы из истории знаем, какие результаты может дать столь абстрактная попытка!) Наигрывании на первых порах с религией, расплывчатости экономических и социальных программ партии.

Обладая удивительной способностью заимствовать позитивные идеи и лозунги оппонентов, все же сама продуцировать новые идеи на этапе реального перехода к рыночным отношениям данная партия оказалась не в состоянии. В этом проявилась определенная ее консервативность и негибкость.

Самым же серьезным недостатком этой партии, на наш взгляд, явилась ее замкнутость "на себя". Это выразилось в первое время в отсутствии навыков взаимодействия с партиями и движениями, выдвигающим близкие по духу программы и идеи (например, с ВТП), с оппозицией, с отдельными лидерами. Ведь на одном заимствовании четкой, конструктивной стратегии и тактики не выстроить. И хотя

партия всегда резко выступала против всякого фундаментализма (что не могло не вызвать сочувствия у либерально настроенной части общества — интеллигенции, предпринимателей и т.д.), каких-то позитивных экономических, социальных программ ~~она~~ предложить не могла.

Тем не менее, позиции НДПУ в настоящее время еще достаточно крепкие. Большое значение имеет и тот факт, что председателем партии является Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов (что зачастую дает повод руководству НДПУ идентифицировать свои программные документы со стратегией и тактическими задачами Президента).

Таковы сильные и слабые стороны данной партии, которую зачастую зарубежные СМИ называли "правящей".

Партия "Ватан тараккиети" ("Прогресс Отечества") образована весной 1992 г. (численность членов — более 34 тыс. человек. Организационная структура — съезд, пленум Центрального Совета, областные и районные комитеты, политические клубы. Председатель партии — геолог, кандидат наук Анвар Юлдашев, сменивший на II Съезде ПВТ поэта Усмона Азима. Печатный орган — газета "Ватан").

Положение партии "Ватан тараккиети" в настоящий момент объясняется и трудностями становления этой партии, отсутствием сильных и известных лидеров, очень узким кругом практически решенных задач.

Провозгласив себя в момент создания партией интеллигенции, предпринимательских кругов, молодежи, тем не менее, данная партия в сконцентрированном виде ни выразить, ни реализовать интересы этих групп населения так и не смогла до конца. Части интеллигенции, нарождающихся кругов предпринимателей, уставших от конфронтации, молодежи, разочаровавшейся в лозунгах ленинизма, оказались близкими и понятными центристские, либеральные программные установки организаторов создания партии "Ватан тараккиети".

Этим объясняется первоначальная популярность данной партии. Однако не все программные положения удалось вполне реализовать, что привело к оттоку ~~из~~ партии части ее членов. Этому способствовала и достаточно аморфная позиция руководства партии, по многим вопросам нейтралит-

зовавшегося от участия в решении насущных проблем общественной жизни. Имея объективную базу, партия "Ватан тараккиети" в состоянии усилить свое значение в социально-политическом пространстве республики лишь при условии принятия весьма действенных срочных мер по оздоровлению и оживлению деятельности руководства партии и активизации взаимодействия как с государственными структурами, так и с НДПУ, социал-демократической партией "Адолат", другими партиями, движениями и с периферийными организациями.

17 февраля 1995 г. в г.Ташкенте состоялся I Учредительный съезд социал-демократической партии "Адолат". С докладом о целях и задачах новой партии выступил главный редактор газеты "Халк сузи" ("Народное слово"), депутат Олий Мажлиса Республики Узбекистан Анвар Джурабаев. В составе партии много депутатов различных уровней, достаточно широко представлена научная и техническая интеллигенция, работники государственных структур (количество членов — около 20000 человек).

Партия разделяет социал-демократические идеи, призвана бороться за утверждение принципов социальной справедливости, выступает против любых "примитивно-варварских способов социального прогресса" и т.д.

25 мая 1995 г. состоялся I Учредительный съезд демократической партии "Миллий тикланиш" ("Национальное возрождение"). Председатель партии — академик РУз Азиз Каюмов, директор Института рукописей АН РУз.

Так как эти партии находятся еще на стадии становления, говорить об их сформировавшихся нишах и значении в политической системе Узбекистана еще достаточно рано.

Возникает и следующий вопрос: возможно ли в нынешних условиях возникновение каких-либо еще новых партий? Сразу ответим: возможно, но при определенных условиях. Во-первых, если к этому времени в обществе сложатся объективные условия, т.е. как скоро эти создаваемые общественно-политические объединения идентифицируют себя с конкретными социальными слоями и смогут выражать их интересы. Во-вторых, если создаваемые партии откажутся от конфронтации во имя конструктивизма и не замкнутся в рамках узкогрупповых интересов, а их программы смогут выражать интересы более широких слоев населения республики.

Кстати, возможность и открытость для увязки своих партийных интересов с социальными интересами — основное условие взаимодействия и сотрудничества различных движений и сил во имя реализации долгосрочных стратегических целей — развития и укрепления независимости Узбекистана, сохранения стабильности в республике и продвижения его по собственному независимому пути обновления и прогресса. Это будет и важным условием легитимизации движения к власти в создаваемом гражданском обществе.

Пока же инициатива в развитии политических процессов в Узбекистане принадлежит не политическим партиям и движениям, а институтам государственной власти, лично Президенту Республики Узбекистан И.А.Каримову. Мы все должны четко осознать, что это одна из форм заполнения вакуума в политическом пространстве, так как все партии, которые претендуют на легитимную власть, либо не имеют достаточной социальной базы и объективных условий для функционирования (о них мы говорили выше), либо еще как партии не состоялись, либо же никого не представляют.

Это подтверждают и результаты социологических опросов, проведенные социологическим центром "Эксперт", журналом "Истикбол", с января 1993 г. по декабрь 1994 г. Опрос населения Узбекистана осуществлялся по общенациональной выборке на протяжении последних трех лет, выборка вероятностная, с трехстадийным отбором населенных пунктов и респондентов. Респонденты отбирались по процедуре Киша. Объем выборки — 1200 человек. Метод опроса — стандартизированное индивидуальное интервью.

Так, среди всех действующих и действовавших до 1995 года в республике партий и движений в наиболее выигрышном положении находилась Народно-демократическая партия Узбекистана. По оценкам доверия со стороны респондентов, она пользовалась значительным преимуществом перед остальными политическими организациями. Причиной этого явился массовый переход членов членов расформировавшейся КПУз в ряды НДПУ, которая от отличие от "союзных" правопреемниц компартии, более взвешенно и реалистично подошла к оценке социально-практических и духовных преобразований, оказалась менее идеологизированной марксистской лозунговостью, более критичной и более сплоченной.

Немаловажное значение для показателей этого периода имел престиж Президента И.А.Каримова, являвшегося членом этой партии. Конечно, фактор престижности не подменит доверие или недоверие к конкретным программам деятельности той или иной партии, но он способен повлиять на рейтинг популярности положительно или отрицательно.

Немалое влияние, вероятно, оказал и фактор информативности, то есть само название этой партии постоянно на слуху и даже хокимияты в обыденном сознании до недавнего времени ассоциировались с бывшими райкомами, обкомами, а затем эта ассоциация переносилась на комитеты НДПУ.

На противоположном конце рейтинга доверия находится распавшееся ныне движение "Бирлик", которое было одинаково непопулярно среди представителей всех национальностей и возрастных групп. Примерно в равной степени высказывается недоверие к Демократической партии "Эрк", деятельность которой была прекращена с 1993 года.

Высокий процент недоверия к этим движениям и партиям, как нам представляется, не нуждается в обширных комментариях. Свою руку к этому приложили и сами их руководители и лидеры, и отсутствие четких программных документов, неконструктивные политические шаги, отказ от поиска компромиссов и т.д. Немаловажную роль сыграли превентивные меры руководства Узбекистана, средства массовой информации. Думается, определенное значение здесь сыграла и тесная поддержка этих организаций со стороны левозэкстремистских и фундаменталистских сил, которые в связи с событиями в Таджикистане все более утрачивали свой авторитет.

Стоит несколько слов сказать и о партии "Ватан тараккиети", которая укрепилась в середине нашего рейтинга. Это молодая партия, и, естественно, еще не успела себя ни дискредитировать, ни прославить. Респондентам импонирует стремление этой партии содействовать прогрессу Отечества, но отсутствие значимых результатов по пути к этому сглаживает восприятие как самой партии, так и ее лидеров. О последних следует сказать особо. Дело в том, что отсутствие сильного, известного всем лидера, а значит и отсутствие с его стороны каких-либо весомых политических шагов, которые бы

оставили свой след сознании граждан, также не способствует повышению рейтинга этой партии. Речь идет о необходимости усилить руководство партии людьми, способными вывести партию из нынешнего благодушного состояния. Этого требуют и внутренние потребности партии, фракционная деятельность в Олий Мажлисе и т.д., и необходимость в новом, более конструктивном, эффективном взаимодействии различных партий и движений по пути укрепления и развития суверенитета и демократии.

Выборы в Олий Мажлис Республики Узбекистан, на которых партия "Ватан тараққиёти" получила 14 мандатов, конечно же, внесли поправки в нынешний рейтинг популярности. Партия, наряду с НДПУ, которая имеет 68 мест в парламенте, получила большие возможности в популяризации своих программных целей и задач, более выпукло проявила личностные качества своих лидеров. Вместе с тем, период после выборов характеризуется спадом организационной и пропагандистской деятельности как ВТП, так и НДПУ, что, впрочем, естественно в условиях политической стабильности.

Хотя СДП "Адолат" и не участвовала в выборах, ее фракция — вторая по численности среди партийных фракций, она насчитывает 47 депутатов.

Подведем вновь некоторые итоги. Опросы показывают, что политические партии и движения (за исключением НДПУ) значительно проигрывают в доверии со стороны населения. Это вызвано, с одной стороны, неопределенностью их программных установок, дискредитацией или отсутствием авторитета их лидеров, а с другой — безусловной лояльностью населения по отношению к существующим институтам власти и в целом к правящему режиму.

Такая лояльность обусловлена еще и тем, что многие респонденты не верят в созидательную силу народовластия. Симптоматично, что сам народ не верит в свою собственную разумность, сдержанность, "пессимистов" в отношении "разумности" народа больше на селе, чем в городе. Причины недоверия лежат на поверхности. Политические судьбы всенародно избранных, а затем с (молчаливого) согласия народа смещенных ряда лидеров, сыгравших немаловажную роль в эскалации конфликтов в своих регионах, заставляет сомневаться

народ в самом себе. Страх перед разгулом уличной стихии (вспомним Таджикистан) диктует и логику ответов: лучше сильная власть, чем произвол улицы.

(Отметим, что все более растет понимание того, что сильная власть — не силовая власть, не силовая политика, направленная на подавление всего и вся, препятствующего отпавлению этой власти. Сильная — значит дееспособная, продуктивная, конструктивная как в диалоге с оппозицией, так и в выражении и реализации интересов и потребностей народа).

Проведенный опрос также показывает, что большинство населения делегирует властям не только право управлять собой и устанавливать порядки в обществе, но и право выбора самих себя. Люди готовы не только подчиняться, но и быть признательными за то, что ими хорошо управляют. Не сомневающийся в себе и в своих действиях лидер как бы снимает с людей бремя ответственности за себя и свою семью, освобождает их от тяжкого гнета личной свободы.

Нужно отметить, что такое положение лидера двояко. С од ой стороны, ему легче управлять теми, кто не только доверяет ему, но и признателен за его рещительность и точность. С другой же стороны, люди, столь безоговорочно ему доверяющие, завтра легко могут столь же безоговорочно его осуждать. История дает тому множество примеров. Образ мысли, просматривающийся за этими непритязательными ответами, по нашему мнению, далек от демократичности.

Исследуя проблемы развития политической системы в условиях демократизации общества, не совсем правильно утверждать, что многопартийность несет в себе лишь позитивные моменты и преимущества. Следует сразу оговориться, что, во-первых, в условиях многопартийности относительно признанными могут оказаться лишь несколько партий и движений, сохранивших свой авторитет в качестве эффективной и действенной организации. Во-вторых, в процессе развития плюаризма, может статься, что программные установки той или иной партии не совпадают с реальными практическими действиями руководства. В-третьих, положение и действия оппозиционных партий и движений могут привести к усилению конфронтации с ведущими партиями

и государством, обострить социальную напряженность и привести, в конечном счете, к углублению кризисных и социальных взрывов. В-четвертых, в условиях роста национального самосознания сохраняется опасность формирования партий мононациональных по составу ее членов, с чисто национальными задачами, что неизбежно приведет к углублению противоречий в политической сфере.

Вышеприведенные обобщения в характеристике возможных вариантов развития политического плюрализма свидетельствуют о том, что раннообразие политического спектра означает наличие или присутствие многовариантности в идейных и идеологических основах, на базе которых создается единство и целостность тех или иных партий и движений.

Попытки заявить себя деидеологизированным формированием абсолютно нереальны. Любая партия, независимо от ее целевой значимости, всегда ставила и ставит перед собой магистральную задачу — реализацию политической власти, воспитания своих членов на определенных мировоззренческих системах, формирование у них соответствующих стереотипов и ценностных ориентаций. Так, несмотря на все отличительные и разделительные моменты, практически все партии и движения республики в основу своей деятельности ставят цель формирования идеологии рыночных отношений, свободной личности, общечеловеческих ценностей, равноправия людей независимо от их национальной, социальной принадлежности.

Выделяя их в качестве приоритетных, они пытаются на этой почве добиться социальной справедливости и равных возможностей людей в достижении своего материального благосостояния, повышения жизненного уровня, культурно-духовного роста.

Итак, анализ нынешней политической ситуации в республике показывает, что в переходный период политическая система более всего отличается структурной неустойчивостью, незавершенностью и в то же время высоким уровнем мобильности и подвижности. Именно эти стороны обеспечивают активность и интенсификацию ряда тенденций, которые содержат в основе своей принцип формирования и развития политической системы.

В числе ведущих тенденций можно выделить возможность трансформации одного типа партий в другой, или перерастания из партии политической ориентации в культурно-просветительную. Сущность другой заключается в возможностях превращения партии из ведущей, правительственной в оппозиционную, и обратно. Следующая тенденция — это перспектива слияния нескольких партий в одну на базе компромиссной платформы или внутрипартийное размежевание и создание на этой основе раскола нескольких партий и движений.

Практический опыт показывает, что по мере укрепления своих позиций и места в политической системе общества каждая из партий и движений стремится значительно расширить социальную базу своего роста и активного влияния на массы. Поэтому в ходе внутрипартийного развития в них происходит сдвиг в отношении абсолютной и относительной численности представителей различных слоев населения, что может свидетельствовать об изменениях в организационной и политической линии партий и движений. Иначе говоря, борьба за увеличение количества своих членов и сочувствующих всегда была генеральной линией любой политической организации.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

Чем тише декретировать политические свободы, следует сначала подготовить граждан, общество к адекватному восприятию этих свобод. Этого можно достичь двумя путями — длительным процессом просвещения (отсюда весьма актуальны сегодня наследие и традиции джадидизма, не терпящего экстремизма и политической суеты) и длительным же процессом экономических преобразований. Только в достаточной степени социально благополучное и просвещенное общество в состоянии использовать инструменты политических свобод в целях своего развития.

Подтверждением этой истины служит пример других стран — с одной стороны, благополучных Сингапура, Тайваня, Малайзии, а с другой — Индии, Бангладеш, некоторых стран Латинской Америки, где политические свободы не принесли ни мира, ни экономического процветания.

Если следовать логике исторического развития, то можно сформулировать следующий важнейший вывод: между

обществами тоталитарным и демократическим лежит необходимый период стабилизации. В настоящее время в Узбекистане сложился вариант некоего сочетания демократических институтов (парламент, всеобщие альтернативные выборы президента, сформировавшаяся многопартийная система) с безусловным приоритетом президентской вертикали над другими политическими институтами.

В последующий период будет характерно все более усиливающееся влияние демократических институтов. Указы Президента о дальнейших шагах по реформированию экономики, выборы в Олий Мажлис на многопартийной основе и многое другое — первые шаги на пути к действительно демократическому обществу.

Другой исторический урок: узбекское, традиционалистское по своей сути, общество имеет свой ритм развития социальных процессов. Тот бешенный темп политических преобразований, который свойственен России, неприемлем для неторопливого среднеазиатского общества. В противном случае может быть подорван естественный ход исторических процессов, который только-только восстанавливается в регионе. Подстегивать их — совсем в духе большевизма российского образца.

Методы решения возникающих и существующих проблем могут быть многовариантны. Мы не будем сейчас перечислять конкретные шаги в этом направлении — это дело политиков и практиков. Но мы не можем обойти вниманием одну важнейшую задачу — необходимость научного анализа и прогнозирования проблем теории и практики многопартийности.

На наш взгляд, республике сейчас, как никогда, необходимы исследования системы общественных интересов, сути политических партий как субъектов социального управления, места и роли многопартийности в системе республиканского управления, в формировании гражданской активности населения.

Требуют своего научного изучения проблемы сотрудничества государственных структур, средств массовой информации с политическими партиями и движениями. Это позволит определенным образом моделировать механизмы обеспечения стабильности в обществе. Необходимо республике и

сравнительный анализ зарубежного опыта многопартийности.

Таким образом, формирование многопартийности в республике — проблема сложная, многогранная, требующая не только знания нынешней социально-политической ситуации, но и изучения исторического опыта республики, других стран. Помимо политологических моментов, данная проблема имеет социально-философский, правовой, социологический, экономический и многие другие аспекты.

Руководство, политические деятели Республики Узбекистан ведут осторожные, но результативные поиски в этих направлениях. Помочь определиться в возникающих вопросах — задача всех обществоведов, в первую очередь — философов, политологов и социологов республики.

2.3. РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОПОСРЕДОВАНИЯ В УКРЕПЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ И СТАБИЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Любое демократическое государство не может нормально функционировать без взаимодействия с общественными и политическими структурами. Наиболее актуальной задачей нынешнего развития Узбекистана является не только укрепление гражданского общества, но и формирование механизмов обратной социальной связи, налаживание взаимодействия государства и гражданского общества, а в перспективе — и подчинение первого контролю второго.

Президент И.А.Каримов в своих выступлениях неоднократно отмечал, что развитие демократии в республике осуществляется с учетом сложной и противоречивой социально-экономической ситуации в регионе, а также интересов ее граждан. Именно исходя из этого, по мнению Президента, решается двуединая задача: во-первых, создание мощной государственности, укрепление независимости республики, во-вторых, переход к цивилизованным рыночным отношениям.

Главными условиями успешности этих процессов являются мир, стабильность, гражданское и национальное согласие.

Большую роль в реализации данных процессов, кроме политических партий, играют институты политического опосредования. Партии — не единственный посредник между

государством и гражданским обществом, между народом и властью. Сходные функции выполняют и другие компоненты политической системы — институты, которые не являются, однако, исключительно политическими. Это — профсоюзы, союзы молодежи, национальные культурные центры, творческие союзы и другие общественные объединения, средства массовой информации, трудовые коллективы и т.п., которые в развитых государствах по прямому своему назначению принадлежат, главным образом, к гражданскому обществу и лишь в ситуациях, когда власть не обеспечивает условия для их нормального функционирования, институты эти "прорастают" в политическую систему, включаются в политическую борьбу. (Данные институты играют важную роль в формировании политической системы в переходные периоды).

Но это вовсе не означает, что во имя достижения стабильности в узбекском обществе государство всемерно усекает или тормозит процессы политической и общественной плюрализации. Главное в другом — в способности и подготовленности институтов политического опосредования выдвинуть конструктивные программы социально-политических и экономических преобразований и иметь на это соответствующий полномочный мандат народа. Хотя в новой Конституции определяется, что "никакая часть общества, политическая партия, общественное объединение, движение или отдельное лицо не могут выступать от имени народа Узбекистана",¹ данное положение не является препятствием для выступления с конструктивными программами преобразований, отражающими те или иные грани общественного, коллективного, группового или собственного мнения.

Обострение взаимоотношений наступает лишь при посягательстве институтов политического опосредования на независимость государства, при попытках подрыва его демократических основ, стремления монопольного навязывания той или иной идеологии, того или иного государственного или политического устройства. Последствия этого явления, пик развития которого пришелся на постперестроечный период, до сих пор дают знать о себе. В настоящий период

¹ Конституция Республики Узбекистан. — Т.: Узбекистан, 1992. — С.10.

институты политического опосредования не только определили свое место в политической системе общества, но и выразили свою конкретную позицию и свое видение государственного устройства республики.

Характерные на начальных этапах независимости чистой воды критicism, огульное охаивание всего и вся ради популярности и получения дивидендов политического свойства, использование плюрализма для отвода внимания общества от насущных на данном этапе проблем расценены общественным мнением как популизм и политиканство и не могут не рассматриваться иначе, как противление демократическим преобразованиям.

Одним из критериев оценки продуктивности и перспективности функционирования политической системы Узбекистана является то, что институтам политического опосредования открывается широкий простор в практической, идеологической и организационной деятельности, содействующей укреплению гражданского мира и стабильности. Это значительно поднимает престиж и авторитет самих институтов гражданского согласия и легитимизирует их функционирование, их участие в реализации политической власти. Уже сегодня это позволяет институтам политического опосредования демократическими методами смягчить экономическую и политическую напряженность, поддерживать жизненный уровень населения, особенно его социально уязвимых слоев.

Благодаря им в республике создана и принимает реальные очертания та политическая структура общества и государства, которая может и способна гармонизировать межличностные и межгрупповые отношения, оптимизировать государственные и общественные системы. Политическое многообразие заключается не в количестве организаций или партий, а в возможности конструктивного политического диалога, целью которого будет выход на общие точки зрения в понимании и осмыслении процессов и тенденций, совместной выработке платформ, выводящих республику на передовые рубежи.

Укрепление социального партнерства, солидарности узбекского общества — есть то главное и реальное, что должны

сделать государство, политические партии, институты политического опосредования для обеспечения действительной и фактической политической и экономической независимости, стабилизации обстановки в регионе и создания условий для быстрого роста благосостояния народа.

Прежде чем приступить к рассмотрению наиболее существенных особенностей и отличий различных институтов политического опосредования, закономернo было бы поставить вопрос об основаниях их классификации. Как и любые социальные феномены, институты политического опосредования можно классифицировать по различным основаниям — деятельности их членов, по самим членам, их роли, задачам и т.д. Но ценность социально-философского анализа составляет поиск и использование наиболее общего основания, которое позволило бы для реализации целей научного исследования охватить наибольшее число объектов изучения, воспроизвести в наибольшей степени всю палитру их качественных отличий и показателей. Нам представляется, что таковым в наибольшей степени могут быть интересы социальных групп, составляющих те или иные институты политического опосредования. Они, выступая осознанием условий, потребностей и целей субъектов данных институтов, детерминируют как саму их деятельность, так и выбор средств и методов для реализации целей, а также в определенной степени и результаты этой деятельности (см. подробнее во II главе, 2). Совпадение интересов, выбор средств и методов их реализации можно условно объединить в систему общих интересов, а объединившихся носителей этих интересов — в группы общих интересов.

В теории политической системы группы общих интересов подразделяют на два основных типа — первичные ассоциации, основанные на качествах, полученных от рождения или в результате семейного воспитания, и, как правило, не поддающихся изменению (пол, раса, вероисповедание, региональная или национальная принадлежность), и вторичные — организованные группы, с которыми индивид связывает себя сознательно.¹

¹ См.: Скидмор М. Дж., Трипп М. К. Американская система государственного управления. — М.: Квадрат, 1993. — С. 96-98.

На политический процесс первичные ассоциации в силу своей специфики (неорганизованности, отсутствия основы для структурной организации) не могут оказывать сколь-нибудь существенного влияния. Непонимание именно этого приводит некоторых зарубежных политологов к абсолютизации регионально-клановых интересов как, якобы, одного из наиболее существенных "двигателей" политических процессов в Узбекистане.¹ Но не стоит отрицать и степень определенного возможного воздействия первичных ассоциаций на политические процессы. Даже неорганизованные первичные ассоциации зачастую ощутимо влияют на осознание ее членами своих политических интересов, как это было, например, во всех национально-освободительных движениях. В партийных предпочтениях, при голосовании на выборах в какой-то мере находят отражение национальные, языковые или даже конфессиональные различия.

И все же гораздо более ощутимое влияние на политические процессы оказывают вторичные ассоциации. И хотя выбор индивида в этих группах зачастую бывает ограничен (нельзя, будучи физиком-ядерщиком, состоять, скажем, в профсоюзе обувщиков), все же сама система интересов здесь более многогранна, следовательно, более многогранны и методы политического воздействия на те или иные процессы. Это подтверждается движением шахтеров России, когда их экономические требования неоднократно приводили к неожиданным политическим результатам.

Такие политически активные группы общих интересов называют также группами давления. Здесь следует отметить, что группы давления в силу своей большей активности, наиболее восприимчивы (предрасположены) к политической трансформации. Важно уловить ту грань, за которой та или иная группа перестает быть вторичной ассоциацией, политически активной группой общих интересов и превращается, скажем, в политическую партию или в некую государственную структуру. Возможен и следующий вариант: несколько государственных структур объединяются в группу общих

¹ См., например: Средняя Азия. Справочные материалы (история, политика, экономика) / Под общ. ред. В. И. Игумова. — М.: Ин-т гуманитарно-полит. исслед., 1992. — С. 9-10.

интересов и затем — в политическую партию (Думается, именно такой подход позволил некоторым зарубежным политологам оценивать результаты выборов в Олий Мажлис Узбекистана "как победу партии Президента"). И, наоборот, различить путь того или иного компонента политической системы именно как вторичной группы, а не, скажем, партии (вспомним безуспешные попытки многих групп постперестроечного периода объявить себя политическими партиями).

Конечно же, не все группы общих интересов образуются во имя политических преобразований, но нет среди них ни одной, которая не была бы так или иначе связана с политикой, не использовала бы те или иные политические методы для реализации своих интересов. Лозунги о полной деполитизации показывают свою несостоятельность, так как "теория политического процесса, в центре которой стоят группы общих интересов, исходит из того, что при прочих равных условиях интересы, поддерживаемые организациями, имеют больше шансов одержать верх, чем без такой поддержки. Успех в значительной мере зависит от эффективности организации, имеющихся у группы ресурсов и их эффективного использования в нужных местах".¹

Продуктивность рассмотренной классификации групп общих интересов применительно к институтам политического опосредования заключается в выявлении систем интересов, их носителей, их деятельности, а также — их места и роли в политической системе в целом, и в политических преобразованиях — в частности. Таким образом, возможно и рассмотрение соотношения политического потенциала групп общих интересов, возможностей институтов политического опосредования в укреплении существующей политической системы.

Министерством юстиции Республики Узбекистан к концу 1994 г. зарегистрировано более 180 общественных объединений, организаций, движений, союзов, обществ, ассоциаций, центров и фондов. Дать их подробную характеристику в рамках данного исследования, естественно,

¹ Сидмор М.Дж., Трипп М.К. Американская система государственного управления... С.98.

невозможно, да и нет, наверное, необходимости. Политологическая наука, несмотря на свою относительную молодость, уже имеет методики отбора и анализа тех или иных компонентов политической системы. Наиболее важными критериями при этом выступает не только массовость того или иного объединения, не только универсальные для всех подсистем качества, но и его место, значение, потенциальные возможности в развитии политической системы.

Особым блоком стоит вопрос о степени участия данного компонента политической системы в политических преобразованиях. Поэтому и социально-философский анализ интересов социальных групп в качестве основания классификации компонентов политической системы ни в коей мере не противоречит, а, наоборот, дополняет анализ роли институтов политического опосредования в укреплении гражданского согласия и стабильности в Республике Узбекистан.

Таким образом, легитимность функционирования институтов политического опосредования обеспечивает прежде всего взвешенная, благоразумная политика, направленная на обеспечение стабильности, мира, межнационального согласия в узбекском обществе. Наиболее массовой общественной организацией являются профессиональные союзы Узбекистана. Председателем Федерации профессиональных союзов Узбекистана является Хулькар Джамалов.

Основной целью деятельности профсоюзов при переходе к рыночным отношениям является защита социальных, экономических, трудовых и моральных прав трудящихся. На основе заключенных в 1994 г. договоров с Кабинетом Министров, министерствами, ведомствами, хокимиятами, в сотрудничестве с политическими партиями и другими общественными организациями профсоюзы республики прилагают много усилий по обеспечению занятости, реальной социальной защите трудящихся, в особенности — малообеспеченных, пенсионеров, сирот, инвалидов, одиноких иждивенцев, поддержке студентов, молодежи, многодетных семей.

Эти шаги Федерации профсоюзов пользуются поддержкой как населения Узбекистана, так и ее руководства. Так, в 1992-1994 гг. были изданы 19 Указов Президента РУ о повышении заработной платы, пенсий и стипендий. Если в январе 1992г.

минимальная заработная плата была 350 рублей, то в марте 1994 г. она составила 45 тыс. сум-купонов. Если к концу 1994 г. ее размеры были определены 135 сумами, то в 1995 г. она возросла более чем в два раза. Профсоюзы республики оказывают материальную помощь более чем 22 тыс. малообеспеченных семей. За 1993 г. — первую половину 1994 г. профсоюзами рассмотрено около 2 тыс. заявлений и жалоб граждан, 150 раз профсоюзы защищали интересы своих членов в судебных органах.¹

Вместе с тем, ограничиваться только разовыми мерами явно недостаточно. Более того, нужны даже не упреждающие меры, а выработка стройной системы идеологии социальной политики, вернее — идеологии профессиональных союзов, которая обогатила бы идеологию национальной независимости Республики Узбекистан. Этому есть объективные основания.

Во-первых, профессиональные союзы Узбекистана являются наиболее массовым общественным объединением, насчитывающим в своих рядах около 7,7 млн. человек, или 98% всех работающих, студентов, учащихся ПТУ и пенсионеров. Идеология национальной независимости, из которой вытекает и составную часть которой составляет идеология национального профсоюзного движения, имеет в членах профсоюзов наиболее реальную силу. Суть этого заключается в том, что профессиональные союзы функционируют на основе социальной солидарности и партнерства, а не исходя из узкопартийных или классовых принципов. Это легитимизирует саму идеологию национальной независимости как выражения и реализации взаимодействия всех граждан республики во имя укрепления независимости Узбекистана, обеспечения стабильности, мира и согласия благосостояния всех членов общества.

Во-вторых, профсоюзы Узбекистана имеют широко разветвленную структуру. В составе Федерации функционируют 21 республиканский отраслевой орган, 12 областных, Каракалпакский республиканский, Ташкентский городской

¹ См.: Абдуллаев О. Аҳолини ижтимоий ҳимоя қилиш — қасб ва уюшмаларнинг бош масаласи // Истиқлол мафжураси: мақбала, муаммолар ва ҳал қилиш йуллари // Республикавий-пазарий конфтезислари. — Тошкент: Истиқбол, 1994. — 163-164 б.

межсоюзные профцентры, свыше 140 областных, 867 городских и районных комитетов, около 52,5 тыс. первичных профсоюзных организаций.

Профсоюзные звенья имеются практически на всех предприятиях, хозяйствах и учреждениях. Они вступают в партнерские отношения с любым региональным органом власти, с любым хозяйствующим субъектом на отраслевом и местном уровне. Должным образом организованная работа по реализации идеологии национальной независимости именно через эти структуры и взаимосвязи получает не только материальное подкрепление, но и способна выполнить свои концептуальные предназначения — взаимодействие, партнерство, солидарность во имя укрепления суверенитета Республики Узбекистан.

И, в-третьих, профсоюзные организации, в отличие от других объединений (политических партий, молодежных, ветеранских и пр.), согласно действующему законодательству формируются и действуют непосредственно в трудовых коллективах, имеют наработанный механизм и разветвленную сеть социальной инфраструктуры, а главное — доступ к каждому члену профсоюза непосредственно на его рабочем месте. Все это при рациональном использовании способно оптимизировать доходчивость и доступность идеологии национальной независимости, ее усвояемость каждым членом профсоюза.

Практика показывает, что как лозунги о деидеологизации, так и протаскивание узкопартийных и узкогрупповых идеологических интересов всегда на руку отдельным ораторствующим политикам. В сфере реализации национального суверенитета идеологического вакуума не существует. Поэтому в политической системе общества профсоюзам как подлинно массовой общественной организации, имеющей четкую организационную структуру сверху донизу, многообразную функциональную нагрузку, непосредственно влияющих на главные сферы жизнедеятельности людей, в деле реализации идеологии национальной независимости принадлежит особая роль.

Развиваемая профессиональными союзами идеология национальной независимости выражая и во многом направляя общественные настроения и мнения масс, служит своеобразным индикатором социальной жизни, важнейшим средством связи государства со всеми слоями населения, главным

инструментом своевременного выявления и цивилизованного разрешения любых назревающих в обществе противоречий.

Не только от эффективной организационной работы профсоюзных организаций, призванных выражать и защищать трудовые и социальные права и интересы трудящихся, широких слоев населения, но и продуманной, стройной системы мер идеологического воздействия зависят стабильность и согласие в обществе. Идеология, имеющая это своей основной целью, вправе жить и развиваться.

Вместе с тем следует признать, что на современном этапе наблюдается определенная невостребованность больших потенциальных организационно-управленческих и идеологических возможностей профдвижения. Это не результат кризиса профсоюзов или затухания их активности, а следствие сложностей переходного периода, незавершенности формирования рыночных отношений, неотработанности механизма взаимодействия различных звеньев общественной структуры в условиях многоукладной экономики.

Большой вред деятельности профкомов наносит беспринципность, безынициативность, выжидательная позиция в разработке упреждающих механизмов социальной защиты. Мало внимания уделяется проблеме сокращения числа способных и желающих работать иждивенцев, вопросам галопирующей инфляции, роста цен. Не видна роль профсоюзов в производственных отраслях, где действуют свыше 6 тысяч одних только первичных организаций. Все больше сказывается ухудшение социального уровня жизни трудящихся от снижения производительности труда, хронических недопоставок комплектующих, простоев, нехватки сырья, несвоевременной выдачи заработной платы, морального и физического износа техники и оборудования, устаревших технологий. Необходима активизация деятельности профсоюзов в области науки, культуры, сферы образования и здравоохранения.

Недостаточно научное теоретико-методологическое обеспечение как в целом профсоюзного движения, так и программ его деятельности и взаимодействия с другими субъектами становящейся политической системы. Однако затягивать этот процесс нельзя. Переход к каждому этапу рыночных преобразований должен сопровождаться созданием

и отладкой механизма социального партнерства, которое призвано стать одним из основных идеологических принципов взаимодействия государственных, хозяйственных органов и профсоюзов на современном этапе и на перспективу. В самом общем плане суть вырабатываемого правительством и профессиональными союзами принципа социального партнерства в экономической политике, способной продуктивно действовать в условиях рыночных отношений, может заключаться в следующем:

— государство, субъекты экономического хозяйствования и профсоюзы несут одинаковую ответственность друг перед другом. Субъекты рынка — правительство, предприниматели и профсоюзы функционируют на равноправной основе, на основе системы трипартизма. Государство фондами материальных и денежных ресурсов поддерживает необходимые программы, реализуемые предприятиями (провольственную программу, производство медикаментов, товаров первой необходимости и пр.). Предприятие, осуществляя самостоятельное экономическое развитие, все же в целом ориентируется на национальные интересы Узбекистана;

— Совет Федерации профсоюзов Узбекистана, ее членские организации, действуя на основе Конституции РУ, закона "О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности" по принципу социального партнерства, налаживают взаимодействие не только с администрацией предприятий и отраслей (коллективные договоры, отраслевые тарифные соглашения), но и с органами государственной власти и управления на местном, региональном и общенациональном уровнях;

— на уровнях СФП Узбекистана подписываются генеральные соглашения с Кабинетом Министров, на региональном — соглашения с хокимиятами. Не обладая правом законодательной инициативы, профсоюзы, вместе с тем, активно участвуют в проработке и экспертной оценке законодательных и нормативных актов, касающихся трудовых и социальных прав граждан;

— применение жестких административных санкций со стороны государства к предприятиям, пренебрегающим в угоду собственным интересам национальными интересами, должно быть нормой для всех социальных партнеров.

Идеология социального партнерства еще только встает на ноги, естественно, что на этом этапе задействованы и использованы не все ее возможности и механизмы. Играет свою роль и то, что многие позиции отраслевых тарифных и региональных соглашений, коллективных договоров научно не выверены, носят декларативный характер. Не отлажен механизм приведения их в действие, контроля за выполнением изложенных в них положений и требований. Идет процесс формирования третьего партнера — союза работодателей.

Новые социально-экономические условия требуют новых идеологических подходов и критериев. Поэтому профсоюзное движение переживает процесс реформирования и по содержанию, и по формам перехода от функций участия в управлении производством к партнерству с другими субъектами управления рынком, многоукладной экономикой, прежде всего — рынком труда.

Узбекистан — трудоизбыточный регион. Неизбежен еще больший рост безработицы на каждом очередном этапе рыночных преобразований. Но это не означает неизбежность обвального роста безработицы: каждый потерявший работу, должен быть социально защищен. И не только при помощи пособий по безработице, а прежде всего благодаря дальнейшему стимулированию сохранения и создания новых рабочих мест на базе ускоренной реорганизации производства, системы переподготовки кадров, субсидированию программ развития малого и среднего бизнеса, финансированию общественных работ, содействию межотраслевым и общереспубликанским программам занятости, обеспечению условий для становления негосударственных систем жизнеобеспечения, формирования новых сфер приложения труда, развитие ремесел, семейного бизнеса, негосударственных пенсионных и стипендиальных фондов (например, профсоюзного), систем негосударственного страхования и т.д.

Осуществляемая на многих предприятиях республики техническая и научная модернизация должна опираться прежде всего на решение проблем занятости путем структурно-технологической перегруппировки мощностей действующих предприятий, а не за счет сокращения рабочих мест.

Реализуя приоритетные цели и задачи идеологии

социального партнерства, профсоюзы, став единственный массовой организацией в трудовом коллективе, с одной стороны, должны оправдать ожидания работников по защите их трудовых и других социальных интересов, а с другой — быть социальным партнером в поиске путей нормального функционирования производства, ориентированного на рыночный спрос и конкуренцию. Из этого следует, что следующим системообразующим фактором идеологии профессиональных союзов Узбекистана должен выступить поиск баланса интересов социальных партнеров. Дальновидный руководитель не может вести дело без равноценного партнера по трудовому процессу. В свою очередь, и профсоюз заинтересован в деятельности крепкого и надежного социального партнера.

Только при таком подходе и возможен поиск компромисса, баланса интересов в установлении справедливых цен на труд, нахождении точек соприкосновения в "дележе доходов" по труду и капиталу, разумном распределении средств между потреблением и накоплением. Четкая дифференциация интересов, установление очередности в их реализации — основа гармоничного сочетания всей системы интересов социальных партнеров.

Реализация идеологии национальной независимости профессиональными союзами невозможна без взаимодействия с основным социальным партнером — государством. В целях становления самой идеологии социального партнерства, повышения роли профсоюзов в обеспечении трудовых и социальных прав трудящихся, укрепления стабильности в обществе приоритетным в деятельности профсоюзов должно выступить не противостояние, а оптимизация отношений взаимодействия с государством. В идеологическом и политическом плане это предполагает:

- формирование чувства ответственности и контроль за выполнением коллективных договоров и соглашений не только со стороны профсоюзов, но и государственных органов как одного из партнеров этих соглашений;

- разработка и поэтапное внедрение различных мер государственной поддержки профессиональных союзов (льготное налогообложение профсоюзных средств, предпринимательской деятельности профсоюзов и т.д.);

— проработка механизмов тесного взаимодействия профсоюзов с государственной службой занятости в целях смягчения проблем безработицы и переквалификации кадров; выработка систем безболезненной адаптации к меняющимся условиям рынка;

— всемерная поддержка негосударственных общественных фондов как важнейших средств социальной защиты населения;

— развитие профсоюзных инициатив в деле укрепления многосторонних международных связей стран СНГ и всего мира.

Мы придаем государственной поддержке профсоюзов столь большое идеологическое значение в силу того, что это будет способствовать активизации профсоюзов в реализации идеологии национальной независимости Республики Узбекистан, краеугольными камнями которой выступает политика социальной защиты, включение различных слоев населения в сферу укрепления социального партнерства, стабильности и гражданского согласия в обществе.

Таким образом, в целях активизации участия профсоюзов в реализации идеологии национальной независимости Республики Узбекистан, в экономических преобразованиях, в развитии социального партнерства государственные структуры должны оказать содействие Федерации профсоюзов в укреплении единства профдвижения, его организационной и финансовой дисциплины, в работе с кадрами.

Профессиональные союзы Узбекистана поддерживают линию Президента И.А.Каримова на создание сильного государственного управления. Исходя из этого, необходимо создать сильный национальный профцентр, способный включить в систему социальной защиты широкие круги населения.

Становление и развитие идеологии профессиональных союзов Узбекистана, в основе которой лежит переход к социальному партнерству, а не конфронтация, по новому формирует взаимоотношения государства, профессиональных союзов и предпринимателей, является составной частью идеологии национальной независимости республики, важной проблемой в теории политической системы общества, предполагая глубокое изучение как практики его реализации, так и разработки теоретических аспектов его формирования и развития.

Происходящие в Узбекистане перемены в социальной жизни общества накладывают свой отпечаток на все слои населения и обеспечивающие их политические, экономические и общественные структуры. Не остается в стороне и молодежь.

Призвана отражать ее интересы массовая общественная организация — Союз молодежи Узбекистана, объединяющий в своих рядах свыше 2 млн. 200 тыс. человек, входящих в 12 областных, Каракалпакскую республиканскую и Ташкентскую городскую, а также 210 районных организаций (комитетов). Высшим органом Союза молодежи Узбекистана является Съезд, собирающийся раз в 4 года, а в период между съездами ее деятельностью руководит Центральный Комитет. На XXVI съезде Союза молодежи Узбекистана, состоявшемся ровно через 70 лет после образования 5 апреля 1924г. ЛКСМ Узбекистана, первым секретарем ЦК СМ Уз был избран Алишер Тешабаев. Печатные органы — газеты "Туркистон", "Азия-Экспресс", "Тонг юлдузи" и "Молодежь Узбекистана". Союз молодежи является учредителем журналов "Еш куч", "Сирли олам", "Гунча".

Основными целями деятельности Союза молодежи Узбекистана, как было декларировано на ее XXVI съезде, является обеспечение мира и стабильности граждан, межнационального согласия, пропаганда идеологии национальной независимости, защита гражданских социальных, политических, культурных, юридических и личных прав молодежи, воспитание ее в духе патриотизма и т.д. XXV и XXVI съезды Союза молодежи явились поворотными в судьбе этой общественной организации. Были сломаны жесткие идеологические догматы, сковывающие процессы демократизации жизни Союза, провозглашена независимость от всяческих "измов" и политики, Союз молодежи расширил для своих членов возрастной ценз (от 14 до 30 лет, а не 28, как раньше).

Вместе с тем, анализ и материалов XXVI съезда СМ, и его последующей деятельности показали, что нынешнему руководству не под силу (в силу объективных и субъективных причин) выработка не только самостоятельной политики, но и координация молодежного движения. Взятый руководством СМ курс на одобрение и всемерную поддержку инициатив вышестоящих инстанций, отсутствие самостоятельной позиции

по многим социально-политическим и экономическим аспектам молодежного движения, конечно же, не способствуют оптимизации молодежной политики и не прибавляют авторитета руководству

СМ из-за отсутствия самостоятельности и собственной позиции. Руководству СМ, больше занятому вопросами финансирования собственного аппарата и выдвижения (продвижения) своих кадров, объективно не хватает времени для серьезного анализа тенденций социального развития молодежи в изменившихся условиях. А они больше чем тревожны.

Одна из таких тенденций — наличие высокого уровня социального иждивенчества. Так, в республике на начало 90-х годов 12,9% относились к категории молодежи трудоспособного возраста. 37% молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет не были задействованы в народном хозяйстве, в составе безработных доля молодежи составляла 51,8%. Практически все они находились на попечении семьи и государства. К середине 90-х годов эта и другие подобные тенденции еще более усилились.¹ Другая тенденция — низкий уровень профессионализации и социализации молодежи. В Узбекистане более 60% молодых людей, впервые вступающих в самостоятельную жизнь и трудовую деятельность, не имеют специальностей и профессий, а свыше 70% — заняты в производственных сферах на мало- и неквалифицированных видах труда. Степень интеллектуализации качественных социальных параметров развития молодежи не превышает 15-20%.

Третья тенденция — появление в молодежной среде признаков ее гражданско-правовой атрофированности. Возрастает социальный и правовой нигилизм, молодежь все более отчуждается от самостоятельного участия, осмысления и анализа политических процессов и социальных явлений. В различных социальных группах молодежи эти показатели колеблются от 48 до 76%.

Четвертая тенденция — снижение уровня духовности и нравственности, самостоятельности в оценке и использовании

¹ См.: Правовое государство — независимость, нация, экономика, идеология, политика. В 4-х томах. — Т.: Адолат, 1994. — Т.2. С.146-171.

для собственного саморазвития демократических и гуманитарных ценностей. От 40 до 60% молодых людей никогда не бывали в театрах, концертах классической музыки, не читают художественную литературу и т.д.

Пятая тенденция — усиление физической деградации молодежи. По данным медицинских обследований, около 13,7% молодых людей страдали избыточным весом, 30% — имели хронические заболевания и соответствующие профессиональные ограничения. Эти тенденции были бы еще более тревожными при анализе социально-экономических проблем молодежи, молодежной преступности, смертности и т.д. "От того, какой будет молодежь, — отмечал Президент И.А.Каримов на 1-й сессии Олий Мажлиса, — зависит не только наша безопасность, но и то, будет ли воплощена идея национального возрождения, обеспечено процветание нашего государства".¹ Поэтому в целях оптимизации развития молодежного движения в Республике Узбекистан предполагается целесообразным следующее:

1. Создать молодежную общественно-государственную организацию нового типа — Организацию демократической молодежи Узбекистана ("Узбекистон демократик қшлари ташкилоти"). Руководство и координацию деятельности центральных и местных органов целесообразно возложить на Консультативный (координационный) Совет, подотчетный Конгрессу данной организации и Совету по делам молодежи при Кабинете Министров Республики Узбекистан (либо аналогичный отдел, который должен быть создан).

2. Для этого необходимо создать отдел по делам молодежи при Кабинете Министров, либо активизировать работу Республиканского совета по делам молодежи, аналогичных советов (отделов) в Республике Каракалпакстан, областных, районных и городских хокимиятах, а также в кратчайшие сроки обновить и укрепить эти отделы (советы) компетентными специалистами по проблемам молодежного движения. Всем отделам (советам) необходимо в месячный срок

¹ Народное слово. — 1995. — 24 февраля.

Всем отделам (советам) необходимо в месячный срок рассмотреть кандидатуры назначаемых руководителей организаций демократической молодежи, осуществить проработку и экспертную оценку имеющихся концепций молодежной политики, представить предложения, программу и рекомендации по ее реализации и улучшению и в установленном порядке внести на рассмотрение Кабинета Министров Республики Узбекистан.

3. Основными направлениями программы реализации молодежной политики должны быть определены: решение задач по эффективной государственной поддержке молодежного движения (разработка целевых государственных программ развития молодежи, обеспечение ее правовой и социальной защиты, создание справедливых стартовых возможностей для самореализации и совершенствования, государственное экономическое стимулирование молодежного предпринимательства, поддержка талантливой молодежи, вопросы ее общеобразовательного, культурного, нравственного и физического совершенствования и т.д.).

4. Первостепенное внимание создаваемой Организации демократической молодежи Узбекистана следует уделить выработке самостоятельной социальной и экономической политики среди молодежи, последовательному повышению уровня членов активности и инициативности, развитию чувств патриотизма и ответственности за судьбу независимости Республики Узбекистан, гражданский мир и согласие в регионе. Приоритетами деятельности данной организации должны выступить поэтапная демократизация социального пространства молодежи, выработка самостоятельной позиции в реализации молодежных проектов, целевая государственная программа жизнеобеспечения молодежи.

5. Финансирование деятельности Организации демократической молодежи Узбекистана целесообразно осуществлять по принципу необходимой достаточности. Вместе с тем, необходимо предоставить организации и наибольшие возможности в финансировании собственных проектов и замыслов. При этом возможна разработка и поэтапное внедрение различных дополнительных мер государственной поддержки данной организации (льготное налогообложение ее средств, предпринимательской деятельности, финансирование

отдельных перспективных программ и проектов, выдвинутых организацией и прошедших всестороннюю экспертную оценку и т.д.). Государство имеющимися механизмами законов и системы налогообложения может всемерно поддерживать создаваемые данной организацией молодежные фонды как важнейшее средство социальной защиты молодежи.

В определенной мере смягчить проблему финансирования данной организации способна проработка механизмов тесного взаимодействия данной организации с государством, профессиональными союзами по проблемам занятости и переквалификации кадров. Детские и юношеские подразделения организации способна поддерживать система народного образования, студенческие — вузовская система и Академия наук и т.д.

6. Вопросы материально-технического обеспечения организации возможно решить за счет тщательной инвентаризации имущества и средств Союза Молодежи, помощи негосударственных учреждений и организаций. Всемерную поддержку в этом могли бы оказать министерства, ведомства, хокимияты различных уровней, правительство Республики Узбекистан. Научное и теоретическое обеспечение деятельности данной организации способен реализовать выведенный из подчинения СМ и обновленный Институт молодежных проблем, который финансировался бы государством и, вместе с тем, за счет собственных научных разработок, выпуска печатной продукции, проведения исследовательских работ и т.д.

7. Уже сейчас необходимо усилить внимание министерств, ведомств, общественных организаций, творческих союзов, национально-культурных центров, Академии наук к развивающемуся молодежному движению. На основании конкурсов и экспертных оценок необходимо подготовить научно обоснованные рекомендации по оптимизации молодежной политики в Республике Узбекистан.

Одной из кардинальнейших задач, стоящих перед новой политической системой Узбекистана, является обеспечение межнационального согласия в республике, где проживают представители более чем 120 национальностей. Это означает, в первую очередь, создание одинаковых возможностей в реализации национальных интересов народов и общностей, как имеющих, так и не имеющих свои национально-государственные

образования. Именно с этой целью в республике созданы более 70 национально-культурных центров и обществ. В одном г. Ташкенте действуют русский, казахский, киргизский, таджикский, уйгурский, корейский, башкирский, татарский, азербайджанский, армянский, еврейский, немецкий, дунганский и др. культурные центры. Аналогичные центры функционируют в областях и районах Узбекистана. Они прилагают много усилий для укрепления межнационального согласия, развития у братства, добрососедства, подлинного интернационализма, возрождения национальных культур, языков, традиций, улучшения социально-психологического самочувствия представителей различных народов и наций, населяющих республику.

Выделяя их в качестве приоритетных, они пытаются на этой почве добиться социальной справедливости и равных возможностей людей в достижении своего материального благосостояния, повышения жизненного уровня, культурно-духовного роста.

Мощным средством массового воздействия на саму политическую систему, происходящие события, формирование общественного мнения выступают средства массовой информации. Не случайно еще в 50-х годах американский журналист Дуглас Кейтер назвал их "четвертой ветвью власти" озаглавив так свою книгу¹. Сила средств массовой информации — в их массовости, в оперативности передачи информации, в способности быстро формировать нужное общественное мнение, необходимые социально-политические стереотипы, рейтинг того или иного субъекта политической системы. Именно поэтому любая официальная власть стремится держать под своим контролем четвертую, общественную.

С обретением независимости Республики Узбекистан средства массовой информации получили большой простор для деятельности. Прежде всего было снято идеологическое табуирование Москвой освещения проблем духовного возрождения, культуры, истории и самобытности народов Узбекистана. Газеты, радио, телевидение, журналы стали главными проводниками идей независимости, реформирования общества, возрождения нации.

¹См. об этом: Скидмор М.Дж., Трипп М.К. Американская система государственного управления. С.120.

Все периодические издания включены в систему идеологического обеспечения деятельности государства, определенных общественно-политических сил. В республике средства массовой информации отражают мнение разных партий, общественных объединений и, конечно же, официальную точку зрения. Но их всех объединяет общая цель — необходимость успешного проведения экономических реформ, создания надежных демократических институтов власти, обеспечения мира и порядка в стране. А это предполагает решение ряда проблем, касающихся всех средств массовой информации республики.

Во-первых, существующее однообразие суждений, форм подачи материалов, конечно же, не способствует демократизации социального пространства Узбекистана. Здесь вряд ли можно согласиться с Л.Н.Соном, который оправдывает существующее положение следующим: "...пресса — зеркало жизни. И каждый народ имеет ту прессу, которую заслуживает (подчеркнуто нами — Р.Ж). Страницы наших газет, журналов, теле- и радиопередач отражают уровень общественного сознания, политических институтов и, конечно же, отношение самого государства в целом к четвертой власти. Образно говоря, журналисты не смогут прыгнуть выше потолка нашего общего дома".¹ Заблуждение данного автора настолько очевидно, что нет необходимости его комментировать.

Поэтапная плюрализация информационного пространства, демократизация общественной жизни — необходимость, реализовать которую должны, в первую очередь, журналисты, все граждане Республики Узбекистан, ибо тотальная зависимость СМ от государства приводит к утрате обратной социальной связи, патологическому развитию общества и самих СМИ.

Также остро стоит и проблема дефицита свежей, разносторонней информации. Речь идет о создании информационного рынка, собственных каналов получения объективной информации из-за рубежа, передачи таковой из Узбекистана. Говорить о сложившемся информационном рынке пока рановато. Он еще только на стадии становления. В средствах массовой информации зарубежных стран в отношении Узбекистана чувствуется настоящий информационный вакуум, голод. Информацию и в США, в Турции, и во Франции, в

¹Сон Л.Н. Роль средств массовой информации в укреплении независимости Республик Узбекистан //Идеология независимости: истоки, проблемы и пути реализации. II часть — С.178.

Германии зачастую получают из "вторых" и даже "третьих" рук. Естественно, что она преломляется через призму национальных интересов стран-поставщиков информации об Узбекистане. Наиболее острый информационный голод чувствует многочисленная узбекская диаспора за рубежом, бизнесмены, предприниматели. Именно этим можно в определенной мере объяснить неспешность западных бизнесменов в инвестировании нашей экономики. То же самое можно сказать и о сфере туризма, науки, культуры.

Сегодня республика не может, да и не имеет права пользоваться услугами, скажем, ИТАР-ТАСС. Необходимо создавать широкую сеть коррпунктов за рубежом, через них формировать неискаженные понятия образы, представления, имидж Узбекистана. Расходы на создание собственных каналов информации не менее окупаемы, чем введение собственной национальной валюты, а по значимости первое в политическом, и в экономическом плане важно для успешной реализации всех намечаемых реформ.

Таким образом, мы рассмотрели наиболее значимые и, вместе с тем, наиболее характерные компоненты становящейся политической системы Республики Узбекистан.

Существуют и иные подходы к определению элементов политической системы. Вышеупомянутые П.Шаран, например, главными называет власть, интересы, политику и политическую культуру; Т.Парсонс выделяет лидерство, органы власти и регламентацию. В этом вопросе, на наш взгляд, не существует еще единого подхода, выбор структуры почти всегда зависит от конкретной задачи. Важно, чтобы совокупность элементов была наиболее полна, но, вместе с тем, наиболее полно соответствовала выбранному основанию структурирования политической системы. Нам представляется, что использование в качестве наиболее общего основания интересов социальных групп и извлеченные из этого теоретические выводы и практические рекомендации говорят о большой научной эвристичности и продуктивности данного подхода.

Таким образом, рассмотренные элементы политической системы проявляют себя в качестве ее подсистем на вертикальном срезе социальной пирамиды. Их совокупность составляет институциональную структуру политической системы Узбекистана. Поэтому не случайно рассмотренные компоненты были охарактеризованы как институты политического опосредования. На горизонтальных же срезах различного уровня обнаруживаются региональные и местные подсистемы, в той или иной мере воспроизводящие

институциональную структуру политической системы в целом и объединенные отношения соподчинения уже в другую, иерархическую структуру. Они сами представляют собой политические системы уменьшенных масштабов, характеризующиеся тем меньшей замкнутостью, чем сильнее их зависимость от верхних эшелонов власти.

В целом рассмотрение взаимосвязи институциональной и иерархической структур, формирования и развития новой структуры власти во взаимодействии с политическими партиями, движениями и другими институтами политического опосредования представляется, во-первых, наиболее предпочтительным при исследовании политических процессов для потребностей управления, в рамках управленческой политологии, и, во-вторых, наиболее продуктивным и научно-эвристичным в теоретико-методологическом обосновании процессов социально-политического и экономического реформирования Республики Узбекистан.

ГЛАВА III. УКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ФАКТОРОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

3.1. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В УКРЕПЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Как известно, 21 ноября 1990 г. лидеры стран-членов Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (КБСЕ) в Парижской хартии не только официально объявили конец холодной войне и подтвердили принципы демократии, но и установили следующую связь между экономикой и политикой: "Свобода и политический плюрализм являются необходимыми элементами для достижения нашей общей цели, а именно развития рыночной экономики в направлении устойчивого экономического роста, благосостояния, социальной справедливости (подчеркнуто нами — Р.Ж.), расширения занятости и эффективности использования экономических ресурсов"¹. Наверное, на сегодняшнем этапе мирового развития все меньше становится тех, кто не желает видеть преимуществ рыночных отношений, являющихся решением многих экономических и политических проблем. Но как сторонники, так и противники рыночных отношений едины во мнении, что государство должно играть определенную роль в экономике. Все теоретики и практики принимают идею смешанной экономики, хотя и придерживаются крайне

¹ См.: Демократический журнал. С.4.

различных взглядов относительно оптимального соотношения между государством и рынком. Критически важным является взаимоотношение между демократией и экономическим ростом в развивающихся странах.

Как мы уже отмечали, конец XX-го века характеризуется двумя эпохальными событиями, свидетелями которых мы являемся. Это, во-первых, развал социалистического лагеря и распад СССР. И, во-вторых, медленный эволюционный переход модернизирующихся авторитарных режимов в Азии на пути демократического развития. И можно с уверенностью сказать, что Узбекистан оказался в самой сердцевине этих воистину исторических событий. Из чего это следует?

Динамичный характер преобразований, осуществляемых в Республике Узбекистан и направленных на поддержание стабильности в регионе, обеспечение мира и благосостояния, прав человека, свободы и демократии, не могут не сказаться на процессе развития социально-политического самосознания каждого гражданина страны.

Конечно, процесс массовой политической социализации сознания, который был характерен для конца 80-х, в настоящее время несколько пошел на убыль. Вместе с тем, можно с большой долей определенности сказать, что у граждан республики за последние четыре года выработались более-менее четкие ориентиры в оценке политической ситуации, развития и укрепления суверенитета и демократии в Узбекистане, в анализе стиля, методов и действенности руководства тех или иных лидеров и властных структур.

Во многом этому способствует честная, открытая политика, осуществляемая руководством республики, уровень благосостояния граждан Узбекистана, стабильная социально-политическая ситуация и перспективы дальнейшего развития страны по пути укрепления суверенитета, развития демократии, улучшения благосостояния каждого гражданина, следовательно, — укрепления гражданского общества.

Здесь необходимо остановиться на одном немаловажном обстоятельстве. Выступление Президента И.А.Каримова на I сессии Олий Мажлиса республики дало ощутимый толчок в исследовании особенностей становления и развития гражданского общества. Однако зачастую даже в солидных

публикациях можно встретить легковесные суждения о необходимости создания гражданского общества. Возникает вопрос: а что, его раньше не было? Вообще, можно ли по желанию создать или упразднить гражданское общество, либо представить то или иное государство без соответствующего сопутствующего ему гражданского общества?

Нельзя, так как даже социальный статус индивида как гражданина вытекает из его принадлежности к тому или иному государству. Поэтому говорить не только об отсутствии гражданского общества, но даже и о необходимости его создания — значит отождествлять все общество с государственным механизмом. Это, конечно же, хорошо работает в идеологических целях, но вряд ли отражает реальную ситуацию даже в самом что ни на есть тоталитарном государстве.

Гражданское общество в Узбекистане существовало всегда. Оно, наряду с государством, всегда выполняло функцию консолидации населения во имя тех или иных целей. Гражданское общество посредством махаллинского самоуправления, различных форм общественной деятельности — хашаров, вспомоществования, соблюдения традиций и т.д. объединяло людей сложным переплетением реализуемых интересов. Другое дело, что структура, формы существования, уровень развития гражданского общества на разных этапах были различны. Поэтому говорить о необходимости создания гражданского общества — все равно, что признавать существование государства без общества или, наоборот, безгосударственного общественного строя.

Предвосхищая могущие возникнуть возражения или вопросы, отметим лишь два момента.

Во-первых, уровень развитости гражданского общества зависит от степени его связи с государством и гражданином, с их степенью развития. Так, социальный статус гражданина, развитость его гражданского сознания и уровня жизни зависит от определенным образом реализуемых гражданских прав. Поэтому об отсутствии гражданского общества можно говорить только в том случае, когда человек как гражданин не состоялся, он — только лишь подданный и т.п., или же абсолютный властитель, вне взаимосвязи с другими людьми (под взаимосвязью здесь подразумеваются отношения не

только зависимости или независимости, но прежде всего (взаимозависимости), над ними. Поэтому и ограничение прав гражданина, конечно же, рождает деформацию общественных связей, но при этом гражданское общество (в данном случае — пусть даже ограниченное) не перестает существовать. Пример Южной Кореи периода 70-80-х годов, Испании 60-70-х годов, СССР 70-85-х годов, на наш взгляд, подтверждает это.

Во-вторых, было бы ошибочным рассматривать гражданское общество как будущее качественное состояние. Можно судить о степени развитости или неразвитости гражданского общества, но говорить о нем как о еще несуществующем, но чрезвычайно необходимом было бы также нецелесообразно, как и о том же безгосударственном обществе, или же безобщественном государстве. Для большей наглядности мы бы сравнили гражданское общество с человеческим организмом — его самому человеку можно лишь совершенствовать, или довести до истощения, самоуничтожения, но в данный момент он существует. Есть человек — есть функционирующий тем или иным образом человеческий организм, есть гражданин — есть и гражданское общество той или иной степени развитости. Это и снимает, на наш взгляд, начавшие появляться сейчас зачастую утопические характеристики гражданского общества, которое, якобы, необходимо построить. Интересно, что порою употребляемые эпитеты ничем не отличаются от известных определений "будущего коммунистического общества". Является ли государство правовым, а гражданское общество — демократическим, как добиться этого — вот, на наш взгляд, коренные вопросы сегодняшнего дня и дня грядущего, все остальное — либо пропагандистские потуги, либо схоластические попытки "развить тему".

Государство и гражданское общество тесно взаимосвязаны. Это проявляется в определенном совпадении их функций — консолидации, мобилизации населения страны, их управления и самоуправления. В этом плане государство и гражданское общество вырабатывают противоположные, но тесно дополняющие друг друга механизмы функционирования социальной жизни. Если гражданское общество детерминирует, направляет жизнь индивидов в виде горизонтальных межличностных связей, характеризующихся сложным

переплетением системы частных интересов, то государство отношениями зависимости, независимости и взаимозависимости, нахождением различных путей оптимальной реализации всей системы социальных интересов консолидирует, мобилизует людей для достижения тех или иных целей.

Эти два метода социальной регуляции, конечно же, не исключают, а дополняют друг друга как единство прямой и обратной связи в системе управления. Социально-философское значение этой взаимосвязи заключается не только в том, что государство и гражданское общество выступают соответственно в качестве субъекта управления и управляемого объекта, а в том, что различия в характере их взаимосвязи определяют характер политической власти, ее структуру и функционирование, ее типологию. Именно это позволяет говорить о диктаторском, тоталитарном, демократическом, либеральном и т.п. режимах. В этом плане чрезвычайно важно уяснение сути функциональных взаимосвязей гражданского общества и правового государства. Именно это имел в виду Президент И.А.Каримов, отметив следующее: "По мере становления нашей государственности многообразные функции управления будут передаваться самому народу, общественным органам самоуправления".¹

Это означает, что существовавший многие десятилетия лозунг "Все — во имя человека, все — на благо человека" должен наполняться сейчас все более реальным содержанием. Именно такой подход к развитию гражданского общества дает максимальную свободу человеку — свободу жить наиболее полно в рамках существующих законов, свободу организовывать эту жизнь самому, управлять ею. То есть акцент делается с управления деятельностью человека на самоорганизацию деятельности.

Такая форма самоуправления в корне отличается от прежнего "управления народом посредством народа", которое привело на самом деле к поглощению государством общества. Нынешний курс на самоорганизацию деятельности означает превращение человека в самостоятельного субъекта эконо-

¹ Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана. — Т.: Узбекистан, 1995. — С.12.

мического хозяйствования, не зависимо от государства товаропроизводителя, реализующего свои потребности и интересы, ориентируясь на свободный труд и личные доходы (которые именно "во имя человека, на благо человека"). Конечно, это ни в коей мере не означает отрицания роли управления).

Очевидно, что только личность, обладающая широким спектром политических и экономических прав, может развивать гражданское общество. Предпосылкой развития такого общества в республике являются последовательные шаги по пути укрепления независимости Узбекистана. Необходимо отметить, что "управление народом силами народа", на деле обернувшееся поглощением государством едва появившихся демократических ростков гражданского общества, не могло не формировать зачастую уродливые межличностные связи. Но нормальные межличностные связи существовали всегда, они и составляли то, что мы называем "здоровыми соками общества". Именно они служат основанием гражданского общества, основанием политической системы, вносящим в последнюю элементы демократизма, дух неприятия любой формы диктата. Поэтому задачей нынешнего социального развития республики является выведение этих нормальных межличностных отношений наружу, создание возможностей нашему обществу изжить деформированные отношения без всякого репрессивного давления извне.

В реализации этой задачи немаловажную роль играет политическая власть. Демократизирующееся гражданское общество на всех этапах своего развития взаимодействует с ней, но основной детерминантой социального развития является все-таки регулирование общественных отношений на основе взаимодействия гражданского общества с неполитическими властями и авторитетами и растущей ограниченности воздействия на него официальных структур. Само гражданское общество, в свою очередь, горизонтальными, межличностными связями стабилизирует не только себя, но и закрепляет политическую власть. Именно это составляет основу процветающих гражданских обществ в ряде стран Западной Европы и Азии, для которых характерна определенная саморегуляция и устойчивость даже при сменах правительства и политических кризисах.

Нам представляется, что при таком подходе нельзя подменять понятия "стабильность" и "устойчивость". Если стабилизация (от лат. "stabilis" — устойчивый) выступает как упрочение, приведение в постоянное и устойчивое состояние или поддержание этого состояния, то устойчивость, на наш взгляд, выражает состояние движения системы, не отклоняющееся при случайных воздействиях. Таким образом, стабильность системы — первый шаг к ее устойчивости. При этом не следует забывать, что условия, при которых имеет место устойчивое движение (критерии устойчивости) имеют не менее важное значение, чем сами средства и методы для его достижения. Рассмотрим некоторые из них.

Для достижения необходимой устойчивости, о которой мы упоминали выше, наряду с многочисленными факторами, необходимы еще несколько составных элементов политической системы — сильная государственная власть, активность различных общественных движений и организаций, проработка вопроса участия граждан в политических процессах и т.д. О необходимости сильной (не значит — силовой) политики уже неоднократно (в том числе и нами) говорилось, и многое в этом направлении уже делается. Но остальные факторы все еще нуждаются в своем теоретическом осмыслении и практической реализации.

Одной из идеологических и политических задач, стоящих перед независимым Узбекистаном, строящим правовое, демократическое государство с развитым гражданским обществом, должна явиться стратегическая проработка вопроса политического участия ее граждан в политических процессах. Известно, что одним из критериев демократичности общества является наличие возможностей и реальных механизмов включения в политические процессы всех граждан, испытывающих в этом необходимость, имеющих способность и желание выполнять ту или иную политическую роль.

Актуальной в наших условиях является выработка механизма, обеспечивающего равную доступность таких политических ролей. Основы для этого заложены в Конституции Республики Узбекистан, в ряде законодательных актов. Но, как показывает практика переходного периода, потребности в обеспечении устойчивости, сохранении согласия в обществе интересам Узбекистана и всего

Центральноазиатского региона в ближайшие годы в наибольшей мере будет соответствовать поэтапное, последовательное расширение демократического пространства.

Вообще, гражданское общество способно удовлетворять естественные потребности и интересы своих граждан. В таком обществе люди в определенной степени отдаляются от политики. Само развитие гражданского общества не требует столь широкого участия своих граждан в политических процессах. Данное явление актуализируется лишь на этапе, когда политическая система теряет свою способность удовлетворять потребности гражданского общества вследствие экономических и политических кризисов, межнациональных и межэтнических конфликтов.

Важнейшей причиной может также служить сужение основных демократических прав и свобод граждан. В этих случаях потребность обеспечить себе нормальное гражданское существование вовлекает людей в сферу политики.

В тоталитарном государстве призывы к повышению политической активности граждан, которая, якобы, должна обеспечить все более широкое "народовластие", на деле оборачивается борьбой с инакомыслящими, с "аполитичными", с диссидентами, не согласными с официальной политикой оболванивания.

Необходимо отметить, что политическая активность — явление двойственное. Во-первых, гипертрофированное широкое участие масс в разворачивающейся все более и более динамике политических процессов — первый признак нездоровья политической системы. Даже слабая политическая система может стимулировать, направлять, санкционировать все более растущую политическую активность масс для своей поддержки. Но это является показателем не дееспособности, а ее неспособности использовать другие имеющиеся ресурсы без излишнего манипулирования политической активностью граждан, без мобилизации поддержки из социальной среды.

С другой стороны, именно широкая политическая активность является "повивальной бабкой" рождающихся демократических институтов и отношений. Но после их рождения и начала функционирования, обеспечения стабильности в обществе политическая активность уступает место нормальному, устойчивому течению жизни гражданского общества.

(если, конечно, удастся создать предпосылки для его существования).

Таким образом, сам характер политической системы зависит от деятельности граждан, их политического поведения, уровня политической культуры, степени реализации их интересов и т.п.

Так, уровень массового политического сознания, массовой политической культуры, психологии способны корректировать или даже менять в каких-то моментах разворачивающиеся демократические преобразования, придавать развитию демократии специфические черты (как это происходит сейчас в нашей республике).

Это не означает, что только в массовом сознании, поведении и культуре заложен неисчерпаемый потенциал демократических преобразования. Попытки извлечь из гражданского общества то, чего там нет, или что еще не созрело, могут привести к очередному бездумному экспериментированию, волонтаризму и авторитаризму.

Вызывают беспокойство попытки некоторых руководителей излишне политизировать процессы самоорганизации деятельности граждан, наделить, например, махаллю некоторыми не свойственными ей формами государственного управления. Махалля всегда несла в себе, прежде всего, воспитательный, духовно-нравственный потенциал для регулирования общественной жизни граждан. И если на нее декретирующим порядком возложить функции, скажем, активизации тех или иных политических процессов, распределения материальных благ, то в лучшем случае мы забюрократизируем самоорганизацию жизни людей, расстроим вековые связи и традиции, в худшем — сведем на нет самую идею махаллинского самоуправления.

Поэтому курс на поэтапное создание правового демократического государства с одновременным развитием гражданского общества — наиболее продуктивный путь, отвечающий интересам как самой политической системы, так и граждан Узбекистана.

В процессе поэтапной демократизации общества более выпукло выступает не только значение политических ролей, но и способы их распределения в политической системе. Дело в том, что способы политического рекрутирования

могут (а на переходном этапе — и должны) быть многоварианты. Если в тоталитарном обществе политическое рекрутирование осуществлялось в основном на элитарной основе, по иерархическому принципу, по признакам личной преданности вождю или системе (что зачастую рассматривалось как одно и то же), то при переходе на рельсы демократизации старый механизм не удастся сломать сразу (да это и нецелесообразно). В переходный период механизм политического рекрутирования обновляется за счет сочетания избрания и назначения, протекает этот процесс чаще на добровольной и широкой основе, все большую роль начинает играть профессиональное соответствие. В соединении с наработанными методами заполнения ролей в политической системе это может дать большую эффективность, чем прежде. Главное, чтобы данные методы способствовали сближению создаваемого правового государства с гражданским обществом, где потребностью последнего всегда будет поэтапное расширение демократии в сочетании с широкой социальной основой рекрутирования, добровольностью, профессионализмом, высокими нравственными нормами.

Как уже известно, демократизация представляет собой автономный социальный процесс, на который оказывают влияние, обуславливают, детерминируют различные факторы: политические, религиозные, этнические, исторические и т.п. Зачастую эти факторы не зависят от уровня экономического развития, но тем не менее, они оказывают огромное влияние на облик и возможности демократии. Предыдущее подчеркнуто не случайно, ибо даже если мы рассмотрим сущность западной демократии, то увидим, что в различных странах он имеет различную специфику — американскую, французскую, шведскую и т.п. Точно так же предыдущая социальная структура, геополитическое положение, этнический состав, сосуществование наряду с исламом различных конфессий, особенности культуры, быта, традиций, воспитания и психологии народов Узбекистана, то есть факторы, непосредственно не связанные с экономикой, напрямую влияют на облик формирующейся в республике демократии.

Необходимо отметить, что либеральная демократия в странах Востока всегда интерпретировалась иначе, чем в Северной Америке или Европе. Если на Западе универ-

сальными признаками демократии выступают равенство и индивидуализм, то в патерналистских обществах Азии с существующими традиционными иерархиями, пронизывающими все социальные и духовные структуры общества, хаотический индивидуализм западной демократии отторгается как чужеродное тело. Возьмем, к примеру, Японию, которая часто выступает в качестве модели для всего азиатского региона. После поражения во Второй мировой войне Япония приняла многие лозунги западной индустриализации, которые, как тогда считалось, вытеснили бы в ближайшем будущем традиционные элементы общества и политической системы, приведших, якобы, Японию к поражению. Однако именно эти традиционные элементы — упор на согласие в группе, вертикальные отношения, "махода" ("дело и слово", "честность") — комплекс японской морали, корпоративный дух и т.п. в значительной мере обусловили как замечательный экономический успех, так и переоценку роли традиционной культуры в развитии современного японского общества.

Ныне японцы традиционную культуру считают не постыдным пережитком прошлого, а источником силы и неотъемлемым компонентом "японского чуда".

Действительно, традиционная культура во многом противостоит зачастую деструктивной техногенной культуре. Другое дело — насколько эта традиционная культура является открытой, восприимчивой, нестационарной, насколько она способна воспринять другие ценности. Не следует путать традиционную и патриархальную культуры, последняя может служить одной из многих основ для развития первой. Вместе с тем, традиционная культура, сочетая в себе две противоположные, но взаимодополняемые тенденции, во-первых, некоторую замкнутость, сопротивление внешним влияниям и, во-вторых, чрезвычайную открытость, имманентно содержит в себе возможности будущего развития. Традиционная культура не должна основываться на какой-то одной только стороне — или автаркии, или слепом восприятии. Если это произойдет, то данная культура, как и общество, базирующееся на этой культуре, рано или поздно обречены. Только лишь опираясь на вековые традиции, этику, религиозные и нравственные принципы, психологию, можно противостоять негативному влиянию модернизации и, прежде всего, хаотическому индивидуализму.

Действенность такого подхода к модернизации доказана опытом большинства азиатских стран, идущих по пути к стабильной демократии. Рискнем сделать прогноз, что ширящиеся и набирающие силу процессы демократизации потребуют принятия традиционных азиатских систем ценностей за счет западных демократических норм.

Необходимо также подчеркнуть, что с возрождением государственного суверенитета Узбекистан имеет шанс невиданного доселе расцвета культуры, торговли, хозяйственной жизни и т.п.

При нынешних условиях вполне возможно повторение "узбекского чуда". Ведь когда-то наши предки удивляли современников своими великими делами на различных поприщах человеческой деятельности — от военного искусства до искусства ремесленничества.

Замечено историками: расцвет хозяйственной и культурной жизни в Средней Азии происходил с возрождением торговли. Оживленная жизнь Великого Шелкового Пути явилась стовым хребтом этого расцвета. Причем, не всегда крушение той или иной династии означало прерывание культурной традиции. Культура продолжала развиваться благодаря стабилизирующей роли торговли. И в период коммунистического режима именно торговая активность населения, восточный рынок стали факторами неистребимости народного духа. Ведь рынок — это сфера культивирования особой, в некотором роде демократической, этики поведения. Для торговца неважно, какой расы и вероисповедания покупатель. Важна торговая выручка. А это и есть ключевой элемент договорного права, в свое время ставшего основой демократии европейского образца.

Отсюда следует, на первый взгляд выглядящий парадоксальным, вывод: Узбекистан, несмотря на очевидный восточный консерватизм, находится ближе к правовому, демократическому государству, нежели Россия, где и сегодня огромные запасы человеческой энергии, минуя сферу мирной торговой деятельности, без сожаления расходуются в политических ристалищах. "Упоение в борьбе" не способствует достижению общенационального консенсуса. Но ведь именно в достижении общественного согласия, а не в политическом самовыражении каждого, заключен главный смысл демократического процесса.

Демократия — вовсе не антитеза консерватизма, но и не синонимична нигилизму. Для ее торжества вовсе не обязательно разрушать авторитеты и традиции. Так, колыбель западной демократии — Великобритания — по сей день сохранила не меньше традиций и условностей в этике и образе жизни, чем конфуцианский Китай.

Точно также традиционализм поведения узбеков, как и других среднеазиатских народов, вовсе не является препятствием к прогрессу в области гражданского и политического устройства.

Институтом, на котором вполне может быть основана демократия "узбекского образца", может стать, помимо естественного "восточно-рыночного" договорного права, такая своеобразная национальная форма самоорганизации, какой является традиционная узбекская община — махалля. Как и восточный базар, махалля, ее ритуально-обрядовая и повседневно-бытовая жизнь, служила отдушиной от идеологического гнета тоталитарной системы. Сохранив в своем лоне коды традиционного жизнебытия, махалля, как только ослабили вожжи жесткого централизма, невероятно регенерирует национальную культуру. Махалля является тем микрокосмом, в котором сохранились ростки традиционной этики взаимопомощи и человеческой солидарности (радости и горести жизни встречать вместе). Ислам, как часть национальной культуры и народной нравственности, также сохранился в лоне махаллинской жизни. И в настоящее время махалля и базар остаются важнейшими стабилизирующими факторами, удерживающими людей от проявлений экстремизма. Возможно, именно благодаря этим специфическим образованиям Востока, наш регион и по сей день сохраняет ту спасительную уравновешенность, осторожную неторопливость в переходе к новым формам общественного устройства, которую кое-кто скоропалительно объявляет отсутствием всяких реформ. "Махалля, — отмечает Президент И.А.Каримов, — должна стать надежной опорой и действенным средством осуществления реформ в нашем обществе".¹

¹ Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана. — Т.: Узбекистан, 1995. — С.12.

"Цель без средства — ничто", но такое же пустое место, мы подчеркиваем это еще раз, сами средства и условия без определения целей, четко прочерченной их иерархии и тем более — без моделирования процесса реализации целей. Это, казалось бы, самые общие философские принципы любого процесса целеполагания и целереализации. Но недостаточно было бы ограничиться в реальной практике лишь данными принципами. Все дело коренным образом может измениться, если встанет вопрос о соответствии или несоответствии целей личности целям общества или социальных групп. И если искать наиболее общие, универсальные причины любого социального катаклизма, то именно несовпадение целей и является одной из исходных. Дело в том, что под целью следует подразумевать моделируемую и реализуемую программу определенных потребностей и интересов, вытекающих из объективных условий.

Если с главной, наиболее общей и важной целью — построением суверенного демократического, правового государства мы отождествляли нашу перспективу и это не вызывает особых разночтений, то как обстоит дело с остальными задачами, занимающих важное место в реализации и иерархии целей? Соответствуют ли "паритеты целей" населения с программными установками руководства республики? Что наиболее значимо для граждан республики сейчас? Какие задачи необходимо решить в первую очередь?

События в соседнем Таджикистане, армяно-азербайджанский конфликт, этнические столкновения в Грузии, война в Чечне и других "горячих точках", словом, горький опыт закономерного распада огромного тоталитарного государства и все вытекающие из этого события и следствия, еще раз показали, что высшей ценностью любой социальной системы является Человек, его права, интересы, цели, жизнь, в конце концов. Поэтому, как показывают наши исследования, на первом этапе перехода к рынку обеспечение стабильности и порядка в стране являлось задачей номер один. В качестве приоритетной ее называло 49% опрошенных. Тем более жгучей становится данная проблема, если она затрагивает жизненные интересы. В 1994 г. борьбу с преступностью назвали задачей, которую важно решать сейчас, а не позднее, 97,6% респондентов; борьбу с

коррупцией и взяточничеством — 96,9%; снижение уровня инфляции — 87,9%.

Так, задачу поддержания порядка в большей степени выделяли национальные меньшинства Узбекистана (русские — 54,9%, другие — 56,5%), ибо горький опыт других регионов показал, что именно перед ними в первую очередь маячит угроза миграции, утери нажитых, накопленных материальных и духовных ценностей. Очевидно, что высокий рейтинг Президента Узбекистана И.А.Каримова среди представителей национальных меньшинств обусловлен в неменьшей степени и проводимой им национальной политикой, направленной на достижение мира, благополучия и процветания всех граждан Узбекистана, независимо от их языка, национальности и вероисповедания. Добавим к этому, что проблему эмиграции русскоязычных в 1994 г. в республике оценивают как отрицательное явление 51,9%, а как положительное — лишь 16,2% респондентов.

Показательно, что задачи демократизации общественной жизни, которые занимали в 1993 г. большое место в российских средствах массовой информации, особенно — в "демократической" прессе, и преподносились ими как самая насущная для нашего региона (им, наверное, из Москвы виднее?!), самим населением республики не принималась в качестве первоочередной (независимо от национальности, возраста и места проживания респондентов). Так, задачи "большого участия народа в принятии важных правительственных решений" и "защиты свободы слова" называли наиболее важными лишь 5,9% и 2,7% опрошенных респондентов. Думается, что горький опыт Таджикистана, где манипулировали сходными лозунгами как фундаменталисты, кстати, морально подогреваемые тогда не только западными, но и многими московскими средствами массовой информации, так и их оппоненты, многому научил жителей Узбекистана. Берем на себя смелость утверждать, что как бы прекрасны и возвышенны не были лозунги о свободе и демократии, но если они прикрывают нарушение основного права человека — на жизнь, они все — пустая и злонамеренная демагогия.

Стабильность и поддержание порядка в стране для каждого человека преломляется прежде всего в стабильном,

благополучном существовании его самого. Но примечательно то, что несмотря на инфляцию, рост цен, определенное ухудшение уровня жизни населения, в 1993 г. борьбу с ростом цен на первое место поставило значительно меньшее, чем в первом случае, число респондентов — 30,5%. Конечно же, события 1993 г. — введение национальных валют в ряде республик СНГ, проволоочки правительства России в налаживании единого с Узбекистаном и Казахстаном рублевого пространства, что подстегнуло процесс введения национальной валюты в Узбекистане, а самое главное — вытекающие последствия из такого вынужденного шага, не могли не повлиять на изменение приведенной выше цифры.

Действительно, в результате проведенных аналогичных исследований в 1994 году самой серьезной проблемой, стоящей перед Узбекистаном, наши респонденты из более 25 проблем выделили отсутствие или дороговизну товаров в государственных магазинах (15,7%), проблемы падения уровня жизни, нехватки заработной платы, пособий и пенсий (15%), проблемы инфляции (8,1%), хотя экономическое положение своей семьи 8,3% респондентов оценили как очень хорошее, 52,5% как достаточно хорошее, 30,6% как достаточно плохое и 7,5% как очень плохое. Причем, экономическое положение семей за последний год (т.е. с января 1993 г. по декабрь 1994 г.) улучшилось — у 43,9%, ухудшилось — у 35,9%, осталось без изменений у 19,3% респондентов. 64,8% респондентов уверены, что их жизнь в 1995 г. улучшится, и только 9% — что ухудшится. При этом 72,7% респондентов уверены, что в течение следующего года можно ждать улучшений в экономической ситуации в Узбекистане.

Как видим, спектр предложенных на рассмотрение респондентов задач, направленных на реализацию основной цели — достижению политического, экономического и духовного суверенитета, чрезвычайно разнообразен, тем не менее — очевидное совпадение принципов внешней и внутренней политики руководства Узбекистана и позиций граждан республики налицо.

По данным Института социологии Российской АН, похожие проблемы волнуют и граждан России¹. Так, в проведенном в июле 1993 г. опросе общественного мнения респондентам в числе прочих был задан вопрос: "Выделите три наиболее тревожащих Вас главных проблем из перечисленных ниже". При ранжировании ответы распределились следующим образом:

- 1 — рост цен, инфляция
- 2 — преступность
- 3 — загрязнение окружающей среды

В числе важных были названы проблемы безработицы (4 ранг), борьбы с коррупцией (5 ранг) и т.д.

Граждане России, также, как и граждане нашей республики, считают, что для улучшения ситуации необходим строгий контроль за ростом цен (67,6% — "за"), процессом приватизации (67% — "за"), укрепление авторитета российского рубля (49,2% — "за") и другие сходные проблемы.

В 1993 г. в другом опросе нашим респондентам был предложен несколько иной список, содержащий не первоочередные задачи, а иерархию целей, к которым следует стремиться Узбекистану.

На вопрос "Какую из перечисленных целей Вы считаете самой важной?" были получены следующие ответы:

- борьба с преступностью — 55,9%;
- утверждение гуманизма и уважение прав человека — 17,2%.

Еще 14,3% респондентов указали, что "все цели одинаково важны". Другие же цели из предложенного списка не набрали больше 6%.

Рассмотрим эти данные подробнее. Итак, с точки зрения респондентов, наиболее важной является борьба с преступностью. Корреляционный ряд построен с дисперсией от 52,8%

¹ См.: Monitoring: The 1993 Russian Citizens' Opinion Poll Results /July. Moscow, 1993. — Moscow: The Russian Academy of Sciences, The Institute of Sociology, 1993. — Pp.12, 21-22.

¹ См.: Monitoring... P.6-9. Кстати, аналогичные проблемы, тревожащие граждан России, были выявлены и в ходе социологического РГТРК "Останкино" в феврале 1995 г., хотя наиболее тревожащей проблемой россиянами была названа война в Чечне.

до 62,1%. Причем, наблюдается прямая тенденция возрастания значимости данного показателя в соответствии с увеличением возраста респондентов.

Именно в возрасте от 50 лет и старше респонденты чувствуют свою наибольшую уязвимость, незащищенность, именно этой возрастной группе присуща наибольшая степень тревожности (это подтверждают и их ответы в графе о значимости борьбы с ростом цен — 29% старше 60 лет, 34,2% — 50-59 лет). Как видим, показателям именно этой возрастной группы обязана столь большая разнообразность данных. В целом же дисперсия наиболее плотная (минимальная): от 52,8% до 56,6%, что встречается не так часто.

Таким образом, очевидно, что обе указанные ценностные ориентации граждан республики жестко детерминируются общим мотивационным аспектом — их тревожностью. Мы уверены, что эти показатели несколько ниже, чем в районах межэтнических конфликтов, в регионах, испытывающих сильный экономический кризис.

Более того, на эти показатели оказывают негативное или позитивное влияние средства массовой информации. Как нам представляется, смакование деталей конфликтов, катастроф, неурядиц, кризисов со стороны отдельных СМИ способно лишь усилить уровень тревожности населения и тем самым создать стрессовую ситуацию.

В данном разделе тесно связано с этим изучение ценностных ориентаций на утверждение гуманизма и уважения прав личности. (Отметим, что число респондентов, отдавших приоритет этой цели, примерно равно числу тех, которые выразили мнение, что все цели одинаково хороши. Оба показателя находятся примерно в равном соотношении в промежутке от 11 до 20%).

Из данного интервала выбиваются лишь показатели респондентов, отличающихся по национальной принадлежности. Так, для русскоязычных граждан положение о гуманизме и уважении прав находится на одном уровне со значимостью антиинфляционной борьбы, (соответственно: 28,2% и 28,9%), в то время как большинство представителей коренной национальности проблему утверждения гуманизма и уважения прав личности не выделяют в качестве приоритет-

ной. Количество же выделивших (12,9%) приближается к тем, кто считает, что все цели одинаково важны (15,9%). Думается, что такие показатели в нынешних условиях, когда Республика Узбекистан обрела и укрепляет свой суверенитет, вполне естественны. И они будут выравниваться по мере того, как социально-политическое и экономическое положение все более будет стабилизироваться и государство обретет в полном объеме возможность быть гарантом утверждения и отправления демократических прав и свобод человека.

Таким образом, приведенные ответы ярко свидетельствуют о том, что подавляющее большинство жителей республики стремится прежде всего к стабильности — социально-политической, экономической, нравственно-духовной. Поэтому граждане Узбекистана высказываются за усиление борьбы со всем, что подорвало бы эту стабильность — с преступностью, неоправданным ростом цен, нарушением элементарных человеческих прав и т.д. В этих пунктах политический курс руководства Узбекистана и общественное мнение граждан республики полностью совпадает, и это, в свою очередь, является еще одним стабилизирующим фактором. Положение может измениться лишь в том случае, если не будет решена проблема инфляции и связанная с ней проблема укрепления национальной валюты. Влияние также могут оказать определенные перекосы в борьбе с преступностью (превратиться в очередную кампанию, правоохранительными органами борьба будет вестись поверхностно или с нарушениями закона, будут ущемляться права граждан, будет иметь место незаконное санкционирование деятельности граждан республики и т.д.).

Следующий вопрос, который мы должны рассмотреть: "Что понимают граждане Узбекистана под "демократией"? С чем они ее отождествляют, какие принципы являются для нее основополагающими?"

Коррелирование показателей демократичности государств по возрасту и национальной принадлежности респондентов показало, что первые две позиции занимают прежде всего равенство всех граждан перед законом и затем экономическое благополучие страны. Эти показатели колеблются в первом случае от 26,6% до 37,1% и во втором случае — от 24,7% до 38%. Как видим, правильно выделяя один из

признаков демократичности государства — реальное равенство всех перед законом в качестве приоритетной, респонденты наряду с этим выделяют и принцип экономического благополучия, необязательно являющегося субстанциональным признаком демократии.

Следующую, третью по значимости, позицию занимает такой показатель, как обеспечение государством основных материальных нужд граждан, занимающий объем от 7,7% до 18,4%. Это вызвано тем, что в современной ситуации именно материальное благополучие является одним из основных мотивационных аспектов деятельности людей. Именно по этому показателю граждане Узбекистана судят о степени демократичности государства, ибо в развитых демократических государствах наших в общем-то свободных граждан поражает прежде всего материальное благополучие. Хотя последнее, как мы уже подчеркнули, не всегда присуще самым демократическим государствам, типа Индии. Но тем не менее, данное обстоятельство нельзя игнорировать, если мы хотим создать действительно социально ориентированные рыночные отношения.

Граждане Узбекистана еще меньшее значение в 1993 г. придавали наличию или отсутствию конкурирующих партий на выборах (всего 10,3% респондентов эту черту называли самой существенной, причем узбеки — 13,3%, русские — 2,1%, другие — 3,3%), тогда как в 1994 году возможность голосовать за разные партии в свободных и честных выборах была важна уже для 69,8% респондентов против 16,4%, для которых эта проблема была не столь важна.

Складывается впечатление, что традиционно принимаемая на Западе за основную черта демократии — свобода выборов, гражданами республики в 1993 г. еще не актуализировалась. Остальные показатели, такие, как свобода критики правительства, свободная рыночная экономика в стране значительно меньше привлекала внимание респондентов.

Респондентам был задан и следующий вопрос: "Согласны ли Вы с утверждением: Граждане имеют право выпускать газеты любой политической ориентации..." Интересно, что в 1993 г. были согласны с этим мнением 43,3% респондентов, а в 1994 г. — 47,9%, не согласны соответственно — 45,4% и 34,7%, затруднялись ответить — 8,7% и 15,8%. Около 2%

респондентов совсем не ответили на этот вопрос, причем дисперсия национальности и места проживания незначительна — 3-4%. Полностью согласных и скорее согласных, чем не согласных русских несколько больше, чем узбеков (соответственно почти 50% и 40%).

Думается, на такую разницу не только в данных показателях, но и на демократию в целом, влияет не столько, скажем, "преклонение перед авторитетом", патернализм в узбекском мировосприятии, сколько своеобразие самого понимания сути демократии на Востоке, которое отличается от европейских стереотипов.

Конкретным примером своеобразия восточной демократии является Япония. Как показывают наши исследования, сходная ситуация складывается и в Узбекистане, и именно такое понимание демократии у узбеков выражает суть "своего собственного пути" к правовому, демократическому государству.

Именно с европейской точки зрения и европейской логики (но не восточной) были бы непонятны и следующие данные. На вопрос: "Как, по Вашему мнению, правительство Узбекистана должно строить свои отношения с оппозиционными партиями и движениями?", ответы в 1993 г. распределялись следующим образом:

	Всего (в %)	до 35 лет	35-50 лет	Свыше 50 лет
Предоставить полную свободу	30	24,4	33,3	42,9
Временно ограничить их деятельность	3940	39,6	28,6	
Временно запретить их деятельность	13	11,1	16,7	—
Совсем запретить их деятельность	11	17,8	6,3	—
Не знают, затрудняются ответить	6	6,7	2,1	28,6
Нет ответа	1	—	2,1	—

Жители Узбекистана не проявляли больших симпатий к оппозиции (уж слишком были свежи воспоминания о таджикском синдроме!). Более того, они считали, что своими

действиями оппозиция не способствует развитию демократии в Узбекистане.

Эволюция взглядов жителей Узбекистана на развитие демократии в республике наиболее выпукло проявилась к концу 1994 г. в ходе наших дальнейших исследований. Это связано с рядом объективных причин. Укрепление мира, правопорядка и стабильности в стране, сформировавшиеся сильные ветви власти, обрисовавшийся контур стабильной политической системы детерминировали либерализацию политического сознания большей части населения республики. Так, 57,9% респондентов в 1994 г. были уверены, что голосование на выборах дает им возможность влиять на решения правительства. 45,8% респондентов считали, что политическая оппозиция необходима для демократии (против 24,8% не согласных с этим утверждением). Наши респонденты (70,5%) считают, что люди должны быть свободны в выражении своего мнения, даже если это усиливает напряженность в обществе, хотя для успешного решения экономических проблем страны согласны пойти на определенное ограничение политических прав и свобод (53,4%). Жители республики однозначно против всякого экстремизма и проявлений воинствующей идеологической масти (72,6%). Большинство респондентов (64,2%) согласны с тем, что забастовки, политические демонстрации и другие подобные действия являются недопустимыми формами общественного поведения.

Жители республики имеют различные взгляды на то, каким должно быть общество, в котором они хотели бы жить. Какие приоритеты они выделяют прежде всего? Несомненно, проблема социальной защиты, в частности, бесплатного получения образования, врачебной помощи не может отойти на второй план. Важными реализацию этой возможности назвали 95,3% респондентов. В неменьшей мере респонденты заинтересованы в укреплении правовой системы, в равной степени защищающей всех, независимо от их положения в обществе, национальности и вероисповедания (91,5%). Жители республики однозначно "за" возможность каждому свободно выражать свои политические убеждения (83,9%), голосовать на многопартийных выборах (69,8%), независимость средств массовой информации от государства (57,8%).

Во многом исходя из этого они оценивают деятельность нынешнего руководства Узбекистана. Так, наши респонденты считают, что правительство Узбекистана успешно решает задачи:

I	гармонизации межнациональных отношений	89%
II	сохранения гражданского мира и порядка в Узбекистане	86,8%
III	развития рыночной экономики	54,4%
IV	обеспечения обороноспособности Узбекистана	50%.

Высоко оценивается и внешнеполитическая и внешне-экономическая деятельность руководства Узбекистана. Вместе с тем, вопросы обеспечения достаточного количества продуктов решаются правительством не столь успешно ("не очень успешно" считают 53,5% и "совершенно безуспешно" — 16,9% респондентов). Такая же картина и по вопросу обеспечения социальной поддержки безработных, престарелых, многодетных семей и других, нуждающихся в помощи (соответственно 39,1% респондентов оценивают как "не очень успешно" и 11% как "совершенно безуспешно"). Внушает оптимизм тот факт, что на нынешнем этапе перехода к рыночным отношениям решение именно этих задач определены Президентом И.А.Каримовым как наиболее приоритетные. Это было особо подчеркнуто на IV сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

В целом наши исследования, проведенные в 1993-1995 гг., показывают, что политические шаги руководства Узбекистана и лично Президента И.А.Каримова полностью поддерживаются широкими слоями населения республики. Поэтому политика реформ Президента И.А.Каримова, направленная на стабилизацию обстановки в Узбекистане, ее процветанию и благополучию, получает на ближайшую перспективу "зеленый свет".

Но успокаиваться на достигнутом еще рано. Необходимы всесторонние научные исследования по выработке долгосрочной стратегии и тактики укрепления политического и экономического суверенитета Узбекистана, определения перспектив социального и духовного развития республики, изучения и формирования

общественного мнения. Существующие академические институты, государственные структуры не в состоянии справиться с таким объемом работ в силу отсутствия у них компетентных специалистов, материальной и научно-информационной и технической базы и т.п.

Немало полезного в решение этих задач внесла бы и организация Узбекского Национального Центра проблем парламентаризма при Олий Мажлисе республики, название которого говорит само за себя. Созрела необходимость в создании и развитии широкой сети независимых центров и фондов изучения и формирования общественного мнения, банков информационных данных, выработке долгосрочных программ формирования общественного мнения в республике и за ее пределами.

Наши исследования, посвященные проблеме развития демократии в Узбекистане, являются одними из первых в республике, и вполне возможно, что многие выводы и прогнозы покажутся спорными. Вместе с тем, они далеко не закончены, отслеживание динамики развития политической системы, становления гражданского общества, укрепления демократии, их постоянный анализ, а также выработка прогнозов и рекомендаций, возможно, внесут многие коррективы в нынешние результаты, что и составляет цели нашей дальнейшей научно-исследовательской деятельности.

3.2. РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В УКРЕПЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Процессы политического и экономического реформирования социального пространства республики набирают силу, характеризуются все возрастающим динамизмом и внутренней неоднозначностью.

Это проявляется и во всем идеологическом пространстве страны, существование которого налицо, сколь бы ни отрицали его сторонники превратно понятой "деидеологизации". Именно вследствие последней на смену провалившемуся вульгарному социологизму, составлявшему корень прежней идеологии, в последнее время начали посягать на научную объективность и истину в конечной инстанции концепции

"экономических потребностей", "экономического человека", которые при близком рассмотрении оказываются наиболее детерминированными узкоспецифическими функциями производителя и потребителя товарного производства, пассивно поддающемуся манипулированию потребительским спросом или способами хозяйственного или политического управления. Уже наметились и последствия реализации таких концепций — все возрастающая индивидуализация, десоциализация, равнодушие к социальным интересам, эгоизм, черствость, замкнутость, жестокость, нигилизм. Одной из наиболее тревожащих тенденций является растущая коммерциализация значительной части молодежного субэтнуса.

Одновременно происходит частичная подмена подлинных культурно-духовных ценностей и ориентаций низкопробной и антигуманной интеллектуальной продукцией. А это, в свою очередь, не может не привести к нарастанию и усилению процессов проникновения в образовавшийся идейный вакуум фундаменталистских или экстремистских мировоззренческих систем и концепций.

В этих условиях, для сохранения самооценности человека, осмысления его роли и значения в происходящих процессах, определения путей и методов его дальнейшего развития и перспектив и должно составлять основное содержание идеологического обеспечения процесса социального реформирования. В силу этого моделирование новой идеологии и дальнейшее разворачивание реформ — единые по своей направленности процессы. Основной целью, а не средством социально-государственного, духовного, экономического, культурного обустройства общества в этом контексте всегда должна выступать личность, индивидуальность. Именно она является единственным залогом стабильности, мира и процветания.

В отличие от прежних политизированных идеологий моделируемая идеология более очеловечена и приближена к реальной действительности — поэтапному переходу к развитым рыночным отношениям. В ее основу положены механизмы правовой защиты и социальной поддержки многообразия идей, мировоззренческого и духовно-нравственного пространства и потребностей личности. В том числе — в потребности и праве иметь собственные взгляды и

убеждения, праве выбирать свой собственный путь развития.

Отчуждение человека от идеологии противостоит естественной и несовместимо с принципами основных свобод и прав личности. Тоталитарная идея формировала казарменное мышление, базировавшееся на выборе единых для всех мировоззренческих догматов и стереотипов, лозунгов, постулатов, нетерпимости к инакомыслию в теории и идеологии. Волна перестроечных процессов привела к курсу на деидеологизацию и деполитизацию общественного сознания, что изначально не оправдало себя и оказалось чревато весьма серьезными последствиями: образованием идейного вакуума, идеологическим разбросом мнений, крайней поляризацией взглядов, трениями между различными идеологическими течениями и системами.

В современном цивилизованном обществе человек должен быть свободным созидателем идеологического пространства, творцом духовной жизни. В условиях демократизации интеллектуального производства в духовной сфере возникает свободный рынок идей, как средство удовлетворения разнообразных человеческих потребностей и как способ обогащения всех слоев населения самыми разнообразными идеями, мыслями, чувствами, представлениями, переживаниями и т.п. Если идеология не привязана к какой-либо конкретной партии или классу, а имеет общенациональный характер, то она обладает большим спектром отражения интересов, более широким диапазоном влияния, полнотой функционального действия, гибкостью и мобильностью с точки зрения проникновения и адаптации в человеческой среде. Идеологию, которая наиболее полно воплощает в себе эти качества, можно отнести к подлинно народной. В таком случае ее жизненность и дееспособность соизмеряются категориями высшего порядка.

Идеологию национальной независимости необходимо рассматривать как внепартийный и внеклассовый социальный феномен, как исторически необходимый и объективный факт, вызванный к реальной действительности качественно новыми процессами и тенденциями. Она должна иметь объектом своего воздействия конкретного человека с его индивидуальным самосознанием и психологией,

приверженностями и предпочтениями, убеждениями и воззрениями, ценностными ориентациями и менталитетом. Идеология не должна противодействовать им принудительностью и давлением в радикализации сложившегося образа мышления, психологии, межгрупповых и межличностных отношениях, философии, уклада жизни.

Наоборот, данная идеология, учитывая, что в обществе нет рафинированной личности, свободной и раскрепощенной в полном соответствии с природной человеческой сущностью от общественных отношений, лишь предусматривает возможность гармонизации личностного менталитета с общегосударственной и общенациональной идеей независимости и суверенитета.

Это единство и целостность обеспечиваются декларируемыми новой идеологией гуманистическими принципами и нормами, интегрированными и синтезированными в качестве приемлемых и доступных для использования, внедрения и взаимообмена идей, мировоззрений, концепций и стереотипов, апробированных и испытанных на прочность и эффективность. Среди них выделяются в качестве ведущих и определяющих наиболее сущностные и производные: равноправие и справедливость, терпение и милосердие, патриотизм и интернационализм, единство слова и дела, дружелюбие и добрососедство, взаимоуважение и взаимопомощь, братство и товарищество, достоинство и честь, верность традициям и обычаям предков, долг перед Родиной и государством, любовь к родному очагу, близким, семье, природе, уважение к личной и частной собственности, отношение к человеческой жизни и здоровью как к величайшей ценности, стремление к знаниям и овладению профессиями, честность и добросовестность, мужество и храбрость и другие гуманистические черты и качества, имеющие общечеловеческие приоритеты, значимость и ценность, и несущие в себе мощный нравственный заряд и созидательный потенциал.

Эти принципы естественным образом ставят надежный заслон против монопольности и диктата какой-либо одной идеологической установки или мировоззренческого течения, и в то же время создают основу для признания равноправности их существования и уважения декларируемых ими гуманистических норм и ценностей. В моделируемой идеологии не

стоит цель конструирования какой-то мировоззренческой позиции в качестве господствующей, в качестве политического инструмента для укрепления политической власти. Данная идеология по своему смыслу и содержанию, целевой направленности органически вписывается в целостную структуру общегосударственной концепции национального возрождения и избрания собственной модели общественно-политического устройства и социально-экономического развития Узбекистана.

При выработке качественных ориентиров и критериев, содержательности и смысловой загрузженности, определении нормативных границ и приемлемых положений в своей деятельности она опирается на многоплановую источниковую базу: свободолюбивые идеи и нравственно-этические ценности мыслителей и просветителей древнего и средневекового Востока и Средней Азии, исторические, прогрессивные национально-традиционные ориентации, общепринятые в демократических странах, интегрированные правила и кодексы человеческого общежития, позитивные достижения в сферах культуры и духовности советского периода, Конституцию Республики Узбекистан, основные принципы социального реформирования, отражающие особенности и своеобразие собственного пути развития суверенного государства.

При этом должно учитываться состояние и степень идеологической плюрализации общества, уровень психологической подготовленности населения к востребованию, восприятию и усвоению качественно новой идейной системы.

Таким образом, в социально-духовной основе вырабатываемой идеологии национальной независимости Узбекистана лежат:

1. Учет регионально-исторических истоков и национально-традиционных особенностей духовности и свободомыслия суверенного народа республики.
2. Интересы различных социальных слоев населения, целостность нравственно-этического и идейно-мировоззренческого пространства.
3. Потребности государства и нации в консолидации всех национальностей и этнических групп населения, в духовном

единении народа на базе общей идеи — укрепления независимости Республики Узбекистан во имя стабильности, мира, благополучия и процветания каждого ее жителя.

4. Приверженность демократическим и общечеловеческим принципам самореализации человека, идеи свободного выбора воззрений и духовной самостоятельности людей.

Любая идеологическая концепция, если она не проповедует идеи, подрывающие морально-нравственные устои общества или противоречащие духу народа, не направлена на дестабилизацию или устранение существующего строя, может полнокровно функционировать в рамках государства в соответствии с установленными им системами правовых отношений. Моделируемая идеология должна полностью отвечать юридическим нормам, законодательным актам республики и обладать правовым статусом самостоятельной и независимой. Ни в коей мере она своими целевыми установками и задачами, содержанием и характером, методами и способами не должна быть противопоставлена Конституции республики, другим идеологическим системам и течениям.

В этой трактовке принципы, идеи, нормы конструируемой идеологии имеют правомочность сосуществования в равной степени с конституционными и законодательными положениями, быть внедряемыми и осваиваемыми населением. В то же время они вкладывают в ее содержание новые идеи законности и правомерности, имея в виду уголовную и гражданскую, юридическую и моральную ответственность любой партии в целом и каждого ее члена в отдельности, независимо от занимаемой должности, социального и служебного положения, политического статуса и т.д. перед народом и нацией, обществом и государством за последствия своих теоретических и практических действий и принимаемых решений в области общественного сознания, культуры и духовности.

Хотя идеология, в сравнении с законом, пользуется другой системой категорий и понятий, критериями и нормами, сходство того и другого видится в том, что категории и критерии закона и идеологии на уровне обыденного сознания воспринимаются и оцениваются осознанно, разумом и чувствами, в одинаковой степени

значимости и усвояемости. На этой почве возможна гармонизация принципов закона и идеологии, взаимное их обогащение и обмен.

Другая отличительная особенность идеологии в том, что ее категории и критерии более гибки и подвижны, чем постулаты и нормы закона, и их долговременность в использовании определяется мерой синхронного отражения идеи в массах, а ценность квалифицируется частотой использования в культурно-духовном человеческом пространстве. Эффективность же законов и законопослушание зависят, в свою очередь, от степени морально-психологической подготовленности человека к соблюдению установленных норм, правил, кодексов.

Именно из этих позиций и надо исходить, придавая идеологии национальной независимости правовой статус, так как перечисленные принципы и критерии на деле несут в себе нормативную нагрузку.

Использование правовых и идеологических стереотипов лишь тогда обретает обязательность в исполнении, реализации, когда люди признают их в качестве элементов образа жизни и поведения, повседневного применения на уровне массового сознания.

Поэтому весьма важно и актуально на начальном этапе формирования правовой и идеологической системы не противопоставление принципов идеологии и права, не поиски отличий, а выявление общих черт, возможных для взаимного дополнения и закрепления на уровне нравственно-мировоззренческой концепции и законодательного акта.

Вопрос и проблема не стоят в подмене одного другим, ибо идеология может развиваться лишь в системе законов, а ее функционирование — обеспечиваться общепринятыми правовыми нормативными документами.

Идеология национальной независимости декларирует новую систему отношений между человеком и обществом, паритетность прав и обязанностей личности и государства. В такой трактовке человек воспринимается и интерпретируется, а в правовом отношении конституируется как субъект государственного строительства и как объект государственной поддержки, воспитания и защиты. Даже в условиях усиления и укрепления сильной исполнительной власти

взаимообусловленность и взаимодействие двух сторон должны покоиться на демократических началах, причем свободы и права личности должны быть исключительно приоритетны. Здесь недопустимы волонтаризм и посягательство на них каких-либо государственных структур, попытки их принижения, ущемления и ограничения, вольного комментирования законодательных положений правозащитными, правоохранительными и судебными органами. В то же время, включаясь в систему правовых отношений, личность облекается определенными обязательствами перед государством. В том и другом случае гарантом защиты интересов человека и государства выступает Конституция Республики Узбекистан.

Но в сложной политической структуре общества личность оказывается под воздействием не только государственной машины, но и внегосударственных институтов, которые нередко придерживаются иных взглядов и мнений на государственное устройство, систему отношений, исповедуют крайние, умеренные или центристские идеологические концепции, принимаемые к использованию различными слоями населения. Таким образом, в одном геополитическом пространстве человек оказывается под активным давлением нескольких далеко не адекватных и не тождественных теоретических течений.

Процесс самореализации человека в сложной системе социальных отношений далеко не однозначен. Решение вопроса о соотношении индивидуального и общественного, составляющего стержень любой идеологической системы, в моделируемой идеологии должно выйти за рамки абстрактного теоретизирования.

Подлинная их диалектичность должна раскрываться в практической жизни, в естественной реализации их единства и взаимного противостояния, то есть их взаимном функционировании, самообосновании.

Что это означает?

Во-первых, сущность и специфика любого социального образования не всегда тождественна с бытием, интересами, потребностями отдельного индивида. Их структура и функции менее дифференцированы, более нормативны и инерционны, чем отдельные люди. Несмотря даже на оптимальные условия жизнеобеспечения индивида, наличие противоречие

между социальным и изменчивым, многообразным индивидуальным опытом членов сообщества. И хотя это противоречие является основой всех драматических коллизий между обществом и человеком, оно и есть источник развития как самого общества, так и человека.

Поэтому в моделировании различных идеологических конструкций, имеющих одну общую цель — достижение стабильности, мира, благополучия и процветания человека, необходимо осознать все значение личностного фактора. Рассмотрение личности в подлинно живом диалектическом взаимодействии с конкретно-историческим процессом составляет суть, стержень всего философского фундамента идеологии национальной независимости Республики Узбекистан.

Во-вторых, важнейшим во "внутреннем механизме" функционирования любой идеологии является такой системообразующий фактор, как взаимодействие в деятельности — политической, экономической, нравственно-ценностной и т.д. Но сами данные формы деятельности не являются целью формирующейся идеологии, как и не должно являться целью усвоение (присвоение), оправдание, обоснование существующей или создаваемой политической власти, выражение об определенной форме ее потребностей, интересов и целей.

На наш взгляд, практическая реализация идеологии должна исходить из методологического осмысления сущности и развития идеологии как важнейшей формы общественного сознания.

Начнем с одного, на первый взгляд, незначительного, но по сути дела важного в методологическом плане замечания.

Зачастую в качестве однопорядковых для характеристики создаваемой идеологии употребляются термины "новая", "народная", "национальная", "государственная" и т.п. Создаваемая идеология, суть которой очень точно отражена в узбекском языке словами "истиклол мафкуриси", включает в себя черты национального и общенационального, народного и государственного, нового и позитивного старого. И акцентирование внимания на одной лишь стороне обедняет как этимологически, так и содержательно всю создаваемую систему, которую мы называем идеологией национальной независимости Республики Узбекистан.

Здесь мы подходим к несколько иному (нежели традиционное) пониманию самой сущности идеологии. Идеология — не цель, не самоцель, не средство управления массами, и даже не совсем выражение интересов той или иной социальной группы, класса, партии.

Идеология прежде всего есть выражение отношений, взаимодействующих во имя определенных целей людей, то есть то, как люди осознают себя, свое место среди других людей, как оценивают их, как на основе этого моделируют совместную деятельность, направленную на дальнейшее развитие или, наоборот, разрушение существующих общественных отношений. Именно поэтому идеология — не цель, а выражение цели, средство для реализации цели.

Можно было бы здесь ограничиться указанием на то, что главной целью всякой гуманистической политической, идеологической деятельности является человек, личность, его конкретные потребности, интересы и т.п. Но провозгласить человека самой высшей ценностью, целью и т.д. и этим ограничиться — значит оставаться на уровне тех же аморфных, абстрактных категорий, о которых уже было сказано. Поэтому, подчеркнем еще раз, выявление глубокой диалектической противоречивости в системе интересов, фундаментальных, основополагающих интересов личности и интересов различных социальных групп, максимальная, предельно четкая дифференциация самой системы интересов по различным основаниям, определение степени очередности в их удовлетворении — актуальнейшие проблемы не только философского, но и политического, идеологического характера.

В силу этого моделируемая идеология как выражение цели (интересы личности прежде всего), вместе с тем должна содержать в определенной мере и программу реализации этой цели — пути достижения свободы, демократии, обеспечения прав человека, то есть свободы жить наиболее полно в рамках существующих законов, организовывать самостоятельно, суверенно свою жизнь, управлять ею.

Это, в свою очередь, предполагает:

— стимулирование развития той культурно-духовной среды, которая позволяет человеку в полной мере осознать, освоить и использовать предусмотренные законами свободы и права;

— содействие личности в гармонизации сложившихся и утвердившихся в ней мировоззренческих, нравственных, этических и других норм и принципов с государственно-правовыми нормативами на уровне ее взаимоотношений с обществом;

— предоставление человеку соответствующей инфраструктуры для обретения каждым практического опыта и навыков, углубления знаний по применению законодательства в целях собственного саморазвития;

— создание системы защиты мировоззрения, взглядов, мнений и т.п. от посягательства и вмешательства в личную духовную сферу государственных и других властных структур;

— разработку мер по ликвидации имеющейся отчужденности государственной системы, аппарата исполнительных органов от духовных потребностей трудящихся и приближения их функций к содействию в их реализации;

— включение основных принципов и норм духовности и нравственности, декларируемых идеологией национальной независимости, в систему государственного образования и воспитания;

— поэтапную либерализацию информационного пространства в целях обеспечения более свободного и полного функционирования в человеческой среде гуманистических по характеру, содержанию и направленности теоретико-мировоззренческих, нравственно-этических тенденций и концепций;

— признание правомочности и равноправия функционирования в геополитическом пространстве республики этнонациональных, традиционных идеологических форм, исходящих из исторического наследия.

Всестороннее развитие личности, ее духовно-нравственная целостность и богатство должны осуществляться при непосредственном участии, содействии и поддержке государства, политических и народных движений, культурно-просветительных независимых образований, принимающих на вооружение основные принципы идеологии национальной независимости.

Поэтому моделируя совместную деятельность, направленную на дальнейшее развитие и укрепление суверенитета, необходимо сконцентрировать все интеллектуальные силы

республики, все усилия по выработке идеологической обеспеченности социальной и экономической политики. Процесс этот — творческий и противоречивый одновременно.

Во-первых, идеология демократического государства, каковым становится наше Отечество, есть, по-существу, воплощение высочайших ценностей, стремлений и нравственных принципов его многонационального населения.

Но фактор многонациональности делает вопрос о содержании идеологии особенно щепетильным. Конституционно закреплённое демократическое положение о праве всех групп населения республики на духовное самоопределение изначально исключает какой-либо шовинистический идеологический крен. Вместе с тем, Узбекистан — республика национальная. И тенденция к манифестации национальных приоритетов коренного населения независимого государства — дело вполне естественное.

И здесь скрывается первая крупная методологическая сложность: творческий процесс формирования и развития идеологии национальной независимости должен избежать впадения в одну из представленных крайностей — шовинизма или аморфного космополитизма. Точное — в методологическом и корректное — в нравственных аспектах решение этой проблемы всегда будет важнейшей задачей, стоящей перед творцами идеологии национальной независимости Узбекистана.

Во-вторых, Узбекистан — республика не только многонациональная, но и имеющая развитую традицию политического плюрализма, устоявшуюся за истекшие 5-6 лет. Независимость народа — это, прежде всего, независимость и зрелость образа мыслей людей. Сознательное и глубокое осмысление отношения человека к миру, к социуму и к нравственным идеалам не имеет ничего общего с политическим мракобесием и духовным тоталитаризмом.

Конституция республики провозглашает демократические принципы политического самоопределения, законодательство не предусматривает больших ограничений на свободу политического волеизъявления, чем те, что оговорены в "Декларации прав человека".

Общеизвестно, что одним из важных факторов, стабилизирующих становящееся гражданское общество, является взаимодействие сильной государственной власти с сильной оппозицией. Причем последняя, совершенно справедливо замечает И.А.Каримов, "должна быть конструктивной"¹.

Эта фраза как бы резюмирует вторую методологическую сложность в деле формирования идеологии национальной независимости. Действительно, демократическое государство не подавляет свободомыслия населения, а скорее базирует свою идеологию на лучших духовных традициях народа. Вместе с тем, главной задачей формирующейся идеологии остается целенаправленное управление общественным мнением с целью его активизации и ориентации на решение важнейших общенациональных проблем. "Оппозиция должна быть конструктивной" — это значит, что идеология не может идти на поводу у бесконечных дискуссий, амбиций и борьбы за приоритеты.

Но всегда ли легко провести границу между конструктивной оппозицией и амбициозным нигилизмом? Тем более в условиях кризиса, когда приходится принимать и срочно реализовывать болезненные для народа решения. Идеолог обязан уметь проводить это различие с математической точностью, иначе он — дилетант. А дилетантизм в идеологии и политике оплачивается страданиями людей.

В-третьих, люди, творящие и воспринимающие идеологию, относятся к разным поколениям и придерживаются разных убеждений. Можно назвать десятки признаков, по которым возникают социальные группировки и противостояния.

Возьмем, однако, на себя смелость провести границу по самому общему признаку: консервативность.

Как и во все времена, в нашу эпоху живут и творят жизнь общества люди более или менее консервативные.

Но кто они такие, наши консерваторы?

Это в основном воспитанные на прежней идеологии. Было бы несерьезно сегодня недооценивать могущество и влияние этой доктрины на широкое общественное

¹ Каримов И.А. Готов спорить с любым оппонентом. //Труд — 1993. — 26 мая.

мнение. Она провозглашала принцип, от которого не откажется ни один человек, на нем устоявшийся — принцип абсолютного равенства.

И чем глубже становится реальная, экономическая и имущественная пропасть между социальными группами, тем острее ностальгия по этой, может быть внешней, но весьма действенной атрибутике человеческого общества, как гаранту равенства.

Нельзя забывать, что те, кого называют консерваторами, помнят времена, когда имущественное положение не связывалось напрямую с социальным обликом человека. Для политика не помнить об этом в эпоху перехода к рыночной экономике означает обрекать себя на многие неприятные неожиданности.

Разумеется, многократно уже доказано, что опора на люмпенизированное "равенство" и "братство" есть авантюризм. Но все ли из нас, ныне живущих, согласны добровольно признать свое фактическое социальное неравенство, безболезненно отнестись к льготам, связанным с более высокими материальными возможностями сограждан? Не в этом ли секрет успеха Жириновского и других политиков-популистов?! Легко ли оставаться приверженцем свободы предпринимательства, фактически теряя имущественное равенство в условиях рынка? Популистский авантюризм в странах СНГ делает ставку на уникальное достояние народов бывшего СССР — возможность считать себя равноправным, независимо от того, как ты трудишься, сколько зарабатываешь.

Конечно же, максимальная дифференциация интересов различных конкретных представителей различных социальных групп — задача архитрудная и на первый взгляд может показаться неразрешимой. Но пути решения наметить не только возможно, но и необходимо. И основной путь — выявление противоречивости самой системы интересов.

Не останавливаясь подробно на этой проблеме (это тема специальных дальнейших исследований), затронем сейчас один из ее факторов — противоречия между традиционным и новаторским подходом к созданию новой идеологии.

Неизбежно, что традиционный методологический подход к идеологии повлечет и старые подходы к реализации такой идеологии. Нам представляется, что построить новую

идеологию невозможно как без опоры на новое идеологическое мышление, нетрадиционное восприятие и осмысление действительности, так и отрицая позитивный опыт прошлого.

Здесь возникает и другая проблема — "проблема поколений" в создании идеологии. Макс Планк утверждал, что "человек не меняет убеждения, он умирает вместе с ними". В этом плане в нынешних условиях наиболее близки к адекватной практической реализации новой идеологии убеждения и мировоззрение тех, чей разум не затуманен реакционным или революционным туманом, тех, кто уже переступил порог юношеского нигилизма и еще не заостенел в кругу определенных догм и теорий.

Одной из основных идеологических доминант большевизма, приведших его, кстати, к кризису, явилась та, что это была доктрина борьбы с тем, чего не должно быть, т.е. она не решала вопросов созидания. В то же время любая идеология, претендующая на жизненность, должна, на наш взгляд, опираться на проблему "что было, есть и может быть". Причем эвристическую, наиболее плодотворную нагрузку несет последняя часть этой триады. И это не случайно.

Моделируя будущее развитие, очерчивая его контуры, мы приближаем это будущее уже сегодня, меняя тем самым настоящее. В футурологии этот феномен известен как "эффект Мэртон". Неучет этого фактора чреват не только кризисом той или иной идеологической парадигмы, но и серьезными социально-экономическими и политическими потрясениями.

На наш взгляд, прогнозы нестабильности, трудностей, экономических потрясений и кризисов, на которые были щедры идеологи "деидеологизации" и "перестройки", явились не только бумерангом для них самих, но и одним из важных социально-психологических факторов, обусловивших нынешний кризис во многих регионах СНГ. Поэтому феномен бумеранга в прогнозировании будущего (что есть неотъемлемая черта любой идеологии) должен быть постоянно в поле зрения тех, кто создает эту идеологию.

Вплоть до недавнего времени, куда включается и известный этап "перестройки" всех и всяческих структур, за идеологией (любой) признавались в качестве основы преро-

гативы управленческая, пропагандистская, воспитательная и т.п., предполагающие "субъектообъектное" взаимодействие. Не распространяясь подробно на эту тему (в советской философской литературе это изучено достаточно подробно), отметим лишь, что сторонники идеологии "деидеологизации" вольно или невольно исходили именно из такой идеологической посылки ("активный субъект воздействует на пассивный объект") и всячески отрицали, все, что связано с этим, в том числе и идеологию.

Такое, не совсем верное, понимание методологических основ обусловило и традиционное понимание идеологии, которое мы можем встретить во всех учебниках того периода. Но, как нам представляется, в основе идеологических отношений должны лежать отношения субъектов совместной деятельности, направленной на реализацию какой-либо цели. "Многосубъектность", активный характер каждого субъекта, который детерминирует другого, подобного себе, и испытывает обратное воздействие — вот методологические параметры идеологических взаимоотношений. Сама же идеология как система взглядов отражает именно эти взаимоотношения людей во имя реализации общей для всех цели. Поэтому целеформирование и целереализация есть два основных момента любой идеологической системы.

Взаимодействие в целеформировании — процесс многосложный, внутренне противоречивый и, что самое главное — динамичный. Изменяются социальные реалии, поэтому и общая цель дополняется, обогащается, изменяется — это естественный процесс. Но наиболее многотрудная задача — гармонизация взаимной деятельности по реализации цели.

Изменения в социальной практике воздействуют на теоретическое обеспечение цели. Наиболее консервативна в этом отношении деятельность, мышление и психология конкретного человека. Но задача заключается не в том, чтобы ломать эту психологию и мышление, а обеспечить нахождение оптимального варианта среди множества результатов мышления тысяч людей. Поэтому все вновь возвращается к старой как мир проблеме — изучению человека.

Это предполагает: знание условий его жизни; изучение его потребностей; изучение его интересов, целей, его ценностей и образа жизни; максимальную дифференциацию

интересов и установление степени соблюдения и очередности в их удовлетворении; определение круга средств, используемых для достижения этой цели; определение форм сочетания духовной, политической, экономической и т.д. деятельности для реализации этой цели.

Следовательно, мало наметить отличия новой идеологии от старой, то есть — что мы не хотим создать, хотя это тоже очень важно, а, во-первых, необходимо знать то, что мы создаем сейчас и каковы последствия этого созидания. И, во-вторых, как детерминировать будущим настоящее?

В собственно методологическом плане создателям новой идеологии предстоит решить задачу, на первый взгляд, давно уже решенную. Это чисто философский вопрос о том, как трактовать понятия "демократия", "равенство", "свобода".

С одной стороны, эти понятия вошли уже как ключевые в тексты конституций всех республик Содружества. Но именно эти понятия лежат и в основе лозунгов оппозиции. Смысловая нагрузка слов порой становится диаметрально противоположной. А игра этими словами возбуждает социальные страсти тем сильнее, чем более вульгарно и примитивно их связывают с популистскими лозунгами.

Для идеолога игра слов — серьезнейший вопрос.

В-четвертых, особенностью общественного сознания нашей республики можно назвать "духовную многоукладность". В Узбекистане официально действуют минимум три религиозных института: мусульманский, православно-христианский, иудейский. В республике можно развести, как минимум, и два типа образа жизни: традиционный национальный и урбанистический.

На пересечении этих двух факторов образуется огромное многообразие типов социального менталитета.

В бывшем СССР идеологи относительно легко справились с фактором "духовной многоукладности". Его попросту ликвидировали. Был провозглашен некий усредненный вид "народного сознания", без религиозной веры, без национальных традиций. Деревня притягивалась к уровню и стилю города (на самом деле она фактически устремилась в город), исчезла как самостоятельная культурная единица. Религия обрела фактический статус полулегального, но весьма действенного социального феномена.

К счастью, декларируемое не стало реальным. Религия, несмотря на гонения со стороны властей, не утратила авторитета, а скорее приумножила его, а национальные обычаи всегда заставляли с собой считаться.

Но исчезла ли проблема многоукладности вместе с отменой старых бесчеловечных законов?

Что касается религии, то в "эпоху перестройки" многочисленные встречи за одним столом представителей различных культов, под лозунгом приоритета "общечеловеческих ценностей", решая задачи "народно-дипломатические", усугубили проблемы доктринальные.

Нужно воздать должное гуманизму, гражданской ответственности и высокому дипломатическому такту нынешних руководителей мусульманского и христианского культов, ищущих совместно пути облегчения духовных страданий людей в трудный момент нашей истории. Они подают друг другу руку дружбы, в то время как их предшественники сделали свои церковные карьеры, призывая к борьбе с иноверцами.

Но союз религий вовсе не означает взаимной ассимиляции. А веротерпимость государства не снимает проблем восприятия идеологии национальной независимости верующими от разных религий.

Нельзя забывать о том, что религия оказывает неоценимую помощь в тех случаях, когда идеология не теряет связей с корнями народной духовности. Но она жестоко мстит государству, воздвигающему свою идеологию над личным мировоззрением людей.

Идеология, не базирующаяся на тактичном и глубоко научном отношении к религии, есть профанация.

Далее, ни одна религия не существует в отрыве от традиционного национального уклада в образе жизни людей. Такие мировые религии, как ислам, христианство, буддизм и иудаизм, несмотря на свою доктринальную цельность, имеют десятки конкретных особенностей в отправлениях культа, в зависимости от того, в какой национальный уклад они включены.

В настоящее время официально провозглашается право человека руководствоваться собственными нравственными принципами и исповедовать собственные ценности.

Но вопрос о взаимоотношении между идеологией и ценностями национального жизненного уклада не стал проще. Дело в том, что как и в случае с религией, идеология, поверхностно соотношенная с национальными духовными ценностями, позволяющая себе небрежность и фамильярность в отношении ценностей национального образа жизни, теряет свой авторитет, а политик, допускающий это -- дискредитирует себя. Такая идеология утрачивает влияние, ибо национальные устои, укоренившиеся на протяжении веков, пережили многие правительства и идеологии. Они требуют к себе вдумчивого, уважительного и серьезного отношения. Без науки здесь не обойтись.

В связи со сказанным здесь представляется уместным затронуть один вопрос, играющий вроде незаметную, но важную роль в становлении интегральной культуры нашей республики в целом.

Переход к современным рыночным экономическим отношениям как бы сам собой стал подразумевать развитие новых технологий жизнеобеспечения, современного урбанизированного уклада. В этом деле республика имеет немало искренних союзников в лице наиболее развитых европейских государств.

Уже не первый год идет активное внедрение западного оборудования, технологий и товарной продукции на внутреннем рынке Узбекистана. Вместе с технологиями и продукцией приходит реклама и низвергается лавина информации, пропагандирующей "западный" образ жизни. Особенно это заметно в области культуры: чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть репертуары наших кинотеатров, видеозалов, поток выпускаемой "художественной" литературы и т.д.

Думается, что именно сейчас, когда культура Узбекистана получает с обретением независимости мощный импульс для развития, назрела острейшая необходимость теоретико-методологического, философского осмысления ее взаимоотношений с культурой других регионов мира, с которыми устанавливаются все более тесные контакты.

Контакты необходимы, они оптимизируют развитие экономики, повышают благосостояние граждан республики, обогащают саму культуру — это аксиома. Но также очевидно

и другое — все более усиливается тенденция к выхолащиванию подлинной культуры, тех ценнейших национальных пластов, которые живительными соками подпитывают ее становление и развитие. Можно с уверенностью сказать, что суррогатная массовая культура — объективная реальность в нашей культурной жизни.

В недавнем прошлом искусство народов бывшего СССР характеризовалось как "национальное по форме, социалистическое по содержанию". В этом, на первый взгляд, невинном лозунговом утверждении, тем не менее, столько аморфного, расплывчатого, декларативного, что на нем следует остановиться подробнее.

Более глубокий анализ соотношения содержания и формы в культуре социалистического общества показал бы, что в предшествовавшие годы искусство как феномен культуры в содержательном и в формальном плане являлось выхолащенно-национальным и недостаточно интернациональным.

Известно, что любая национальная культура, любое национальное искусство несет в себе черты общечеловеческого, отражения общезначимых и ценных для всех людей явлений и феноменов. Именно поэтому любую национальную культуру, любое национальное искусство необходимо в той или иной мере считать интернациональными и по форме, и по содержанию. Но определяющей чертой подлинной культуры, ее лицом и душой являются, на наш взгляд, ее национальные пласты, отражение в культуре того или иного народа специфических, характерных лишь для него ценностей. Поэтому подлинное искусство народа, несмотря на различные идеологические выверты, попытки выхолащивания подлинно национального в ней, остается национальным и по форме, и по содержанию.

Подлинное, потому что оно исходит от народа и возвращается к нему, живет с ним, разделяя его трудности и моменты подъема. Отсюда богатство мысли и красок, мудрость и удивительная человечность такого искусства, такой культуры, чего явно не хватало искусству "национальному по форме, социалистическому по содержанию", всей массовой культуре, какие бы формы она не принимала.

Не следует думать, что массовая культура создает лишь произведения второго сорта, "духовную жвачку", как об этом

часто пишут некоторые ее критики. Массовая культура не проникала бы в сознание людей, если бы не опиралась на серьезную материально-техническую и идеологическую базу. При этом особенностью массовой культуры является все-таки отсутствие какого-то определенного самостоятельного предмета или объекта.

Массовая культура спекулирует на любом содержании, любой народной, национальной традиции, фундаментальных основах самого бытия того или иного народа. Однако, используя эти традиции из классического наследия, массовая культура стирает национальные черты, стереотипизирует, стандартизирует культуру того или иного народа, сохраняя при этом разве что лишь язык, на котором создается данное произведение. Какой бы образчик массовой культуры мы ни взяли — будь то знаменитые "Кубанские казаки", очередной сериал типа "Далласа", "Богатые тоже плачут", "Просто Мария" или "Дикая Роза", или столь популярные у нас индийские фильмы "про любовь", или же романы и повести о шпионах и т.д., можно увидеть, что они рассчитаны на всех и каждого — те же нехитрые мелодраматические сюжеты, одни и те же стилистические приемы, одна и та же тривиальность содержания и способа потребления.

Массовая культура идеологична прежде всего в том, что создавая некритичное сознание, она непременно манипулирует им во имя тех или иных мифов и норм, пропаганды секса, насилия, бездумного потребления очередной порции "пищи", приносящей ее создателям многомиллионные барыши. И сколь бы не открещивались "крестные отцы" массовой культуры от термина "идеология", именно в воздействии стереотипизированных, стандартизированных программ на сознание людей, народов, размывании основ национальной культуры и состоит главная идеологическая функция массовой культуры.

Мы не хотим в очередной раз заниматься поиском врагов, но опасность экспансии массовой культуры должна быть очевидна не только специалистам, занимающимся проблемами культуры. Кстати, одной из стран, первой не только ощутившей на себе негативное воздействие массовой культуры, но и ударившей по поводу этого в набат, была Франция. Позволим себе процитировать мнение бывшего

министра культуры Франки Жака Ланга, резко осудившего политику культурной экспансии: — Давайте называть вещи своими именами: хотя этот финансовый и интеллектуальный империализм не направлен на захват чужих территорий, он захватывает сознание людей, их образ мышления. Речь идет, по существу, о своеобразной форме вмешательства во внутренние дела государства, или точнее говоря, о наиболее опасной форме вмешательства — об интервенции в сознание граждан других стран¹.

Думается, опыт такой страны, как Франция, актуален и чрезвычайно полезен в нашей республике именно сейчас, когда культура Узбекистана стоит, с одной стороны, в самом начале своего будущего невиданного подъема (очень хочется в это верить) и с другой — испытывает на этом пути серьезные трудности. А их предостаточно. Возникают поистине диалектические задачи. Скажем, как сочетать зрелищность и глубину содержания, как соединить вынужденную необходимость коммерциализации искусства с сохранением драгоценных национальных пластов культуры, каким быть национальному телевидению, кино, театру и т.д. Кому эти задачи решать, ведь многие "теоретики" культуры сейчас "меняют ориентиры", а "практики" или же бездействуют, или же "нет денег". У кого есть деньги, тот предпочитает или совсем не вкладывать их в культуру, или же вкладывать их в организацию различного рода шоу и представлений.

Думается, что это общая задач и решать ее комплексно необходимо всем — министрам, депутатам, ученым, деятелям культуры, всем гражданам республики.

И еще один немаловажный момент. Говоря об экспансии массовой культуры, мы ни в коей мере не умаляем роли и значения обмена культур, культурных контактов, которые есть непереносимое условие обогащения любой национальной культуры. Но мы против стандартизирующей массовой культуры, не способствующей взаимному обогащению различных культур, убивающей, извращающей национальное своеобразие культур народов Узбекистана. Мы против

¹ См.: Всемирная конференция по политике в области культуры. Заключение. доклад. — Париж: ЮНЕСКО, 1982. — С.18.

тривиальности, стереотипизации мышления, нашего миро-восприятия, мы против культа насилия, порнографии, эскапизма, против культа наживы любой ценой. Мы за интеграцию национальных культур, за развитие контактов со всеми культурами мира, развивающихся на основе уважения прав человека, идеях свободы и демократии, мы за культуры, идущие от народа и развивающихся во имя Человека.

Нельзя не считаться с тем, что западная информация несет яркий отпечаток западной идеологии. Другими словами, наши идеологи в настоящий момент изначально поставлены в условия конкуренции со своими западными коллегами. Правда, рынок здесь — не товарный. Это — рынок чечовеческих душ, да простится нам метафора.

Если принять тезис о том, что идеология есть искусство побеждать в борьбе за признание народа, то уместно, вероятно, и задаться вопросом: на чем базируется конкурирующая идеология?

Здесь вырисовывается довольно любопытное, обще-известное и хорошо забытое обстоятельство. За последние годы прослеживается все возрастающий интерес к духовной жизни в нашей республике со стороны западных политологов и востоковедов. Следует отметить, что концептуальная база западных исследований Средней Азии значительно модифицировалась за последние 5-6 лет.

Если взять американских ученых, то долгое время центром тогда еще "советологических" исследований Средней Азии был "Колумбийский центр" под руководством доктора Олвордса. Кстати, этим центром было выпущено немало прекрасных трудов, имеющих несомненную научную ценность. Подход доктора Олвордса отличался фундаментальностью и исключительной научной добросовестностью. Выпущенный под его редакцией в 1972 году коллективный труд "Central Asia", представляет собой глубокий обзор истории основных направлений узбекской культуры: литературы, театра, музыки и т.д. Были освещены вопросы, связанные с творчеством выдающихся деятелей узбекской культуры прошлого, надолго "забытые" отечественной наукой и литературой в силу господствовавшей тогда идеологической парадигмы.

Книга написана по уникальным материалам архивов узбекской эмиграции. Она и по сей день хранится в фундаментальной библиотеке АН Республики Узбекистан.

Начиная с 1990 года в республике разворачивается работа представителями и других научных центров. Частыми гостями становятся у нас такие "азиаведы", как М.Олжот, Р.Фирман из Кол-Гейтского центра и из университета штата Индиана, и многие другие.

Меняется и исследовательский подход. Теперь это уже не публикация архивов или раскрытие забытых имен. Ведутся широкие социологические исследования, проявляется глубокий интерес к современному состоянию духовной культуры и запросов в Узбекистане. Новый подход мы бы условно назвали "инженерным". В отличие от прежнего, "архивного", он преследует цели не разоблачения, а скорее "привязки" западных коммерческих и политических инициатив к социально-политическим, экономическим и духовным условиям Республики Узбекистан.

Однако оба они — старый и новый подходы — объединяются вокруг одного и того же принципа, восходящего еще к предрассудкам классического западного востоковедения. А именно: рассматривать среднеазиатский, вообще восточный менталитет как преимущественно иррациональный.

Мы называем это мнение предрассудком востоковедения, ибо он странным образом уживается с общеизвестными истинами, опровергающими его. В самом деле, алгебра, логика, химия, астрономия, медицина — области сугубо рациональные, имеют своих провозвестников в истории Средней Азии в лице таких личностей, как Аль-Хорезмий, Аль-Фараби, Беруни, Ибн-Сина и др.

Однако миф об иррациональности восточного сознания имеет давние корни и рождает бесполезные стереотипы у современных западных исследователей, часто подводя к концептуальной неадекватности в вопросах истории, филологии, религиоведения, общественной психологии и т.д. Здесь фигурирует целый ряд шаблонных представлений о народных ценностях.

Вопрос этот, разумеется, выходит за рамки нашей темы. Но мы сочли уместным упомянуть о нем здесь, поскольку он представляется поучительным в связи с формированием

идеологии национальной независимости. Совершенно очевидно, что есть проблемы, в которых западные научные технологии пока слабы.

Это — сфера духовной жизни народа, сознанию которого присущи те же ценности, свободы, демократические права человека, которые, как утверждалось "советологами", "азиавед-ами", характерны лишь для западного менталитета. Рационализм народов Средней Азии, давших миру имена выдающихся ученых, мыслителей, поэтов, приемлет эти ценности, исходит от них, живет с ними. Становящаяся идеология, питаемая такими истоками, естественно, не может быть какой-то особой, "иррационалистичной", "восточной", она органически впишется в систему ценностей всего цивилизованного мира.

Опыт мирового сообщества, практика новых независимых государств, образовавшихся после распада бывшего СССР, показывают, что процесс укрепления независимости, поиск собственных путей обновления и прогресса невозможны без единой общенациональной идеи, без идеологии национальной независимости.

Республика Узбекистан в этом плане является одним из первых регионов, где своевременно осознали всю необходимость, значимость и широкомасштабность решения задачи создания и полноценного функционирования данной идеологии — системы, выражающей отношения взаимодействующих людей во имя своего независимого, свободного, полноценного развития и самореализации.

Можно констатировать, что система, вбирающая в себе весь спектр идей, мировоззрений, мнений, норм и ценностей наций, народов, классов, социальных групп, партий, индивидов относительно выбора образа жизни, мышления, деятельности, развития и самореализации уверенно начинает жить и полноценно функционировать. В ней нет места диктату и монополизму, догматизму и схематизму, абстрактному теоретизированию и схоластике.

Идеология национальной независимости должна опираться на многовековые драгоценные пласты мудрости народов мира, Средней Азии, традиции, культуру, духовность народов, населяющих Узбекистан, общечеловеческие ценности, интересы национального возрождения

и интернационализма. Лишь такая идеологическая система имеет право на существование в качестве общенациональной.

В целом разрабатываемая ныне идеология должна характеризоваться многоплановостью, комплексным подходом ко всем рассматриваемым социальным проблемам — будь то вопросы демократизации общественной жизни или перспективы построения правового государства и развитого гражданского общества, вопросы становления и укрепления политической системы и т.д.

Такая установка имеет большое практическое значение как в процессе создания идеологии национальной независимости, так и в процессе политического и экономического реформирования социального пространства Республики Узбекистан.

3.3 СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ОСНОВА ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

В основе реализуемых широкомасштабных преобразований, как известно, лежат пять принципов рыночных реформ, разработанных Президентом И.А.Каримовым, и, прежде всего, социальную защищенность людей и целевую адресную поддержку малообеспеченных групп населения. Президент включил ее в качестве одного из ведущих элементов концепции социально-экономического и культурно-духовного обновления Узбекистана и оценил как сильную. Придание социальной политике статуса сильной, приоритетной не случайно.

На IV сессии Олий Мажлиса Президент И. А. Каримов подчеркнул следующее: "Мы должны отдавать себе отчет в том, что по мере углубления рыночных отношений и структурных преобразований экономики неизбежно проявляются и издержки, которые усиливают свое влияние на уровень жизни населения. Поэтому мы не должны забывать о сильной социальной политике"¹. Отметив необходимость дальнейшего укрепления механизма социальной защиты, Президент И. А. Каримов вновь указал на недопустимость в нашем

¹ "Народное слово" — 1995 — 23 декабря.

обществе резкого социального расслоения людей, появившимся на фоне богатых людей нищенствующих и бедствующих, излишке большого необоснованного разрыва между очень богатыми и бедными, противостояния между ними. И это не случайно.

Последовательная защита трудовых и социальных прав и интересов трудящихся, широких слоев населения не только обуславливает стабильность и согласие в обществе, но и обеспечивает легитимность придерживавшейся этой линии политической системы.

Нам представляется, что одним из факторов, приведших к распаду советскую политическую систему, выступило то, что советское государство с самого начала протнорировало этот подход, излишке его политизировало и наполнив классово-идеологическим содержанием. Несмотря на громогласные декларации, социальная политика КПСС на деле оказалась неэффективной и второстепенной. На практике это выразилось в процессах резкого падения жизненного уровня людей, духовного обнищания и нравственной деградации населения.

Особо сильно убогость проводимой КПСС социальной политики сказалась в национальных окраинах бывшего СССР. Отсутствие самостоятельности в выборе собственной концепции социальной политики, на практике приводило к значительному разрыву уровня социальной зрелости коренного населения, степени социализации и интеллектуализации трудовых ресурсов, развитости региональной социальной сферы и инфраструктуры, социальных потребностей и интересов разных республик. Декларированная на протяжении десятилетий теория "выравнивания и сближения" на самом деле была одним из тех детонаторов, которые не только привели к распаду СССР, но и разожгли костры конфликтов почти на всем огромном геополитическом пространстве бывшего Союза. Тотальная интернационализация экономической, социальной и духовной жизни не только противоречила, но и разрушала традиционные ценности, образ жизни, психологию различных народов. Несмотря на громогласные заверения о "гуманизме" проводимой социальной политики, ее "теоретики" волею или неволею подводили фундаментальные методологические основания,

закрепляющие тотальный социальный контроль всех и каждого. Так, в одном из крупных научных трудов социальная политика определяется как воздействие партии, государства и общественных организаций на изменение и совершенствование социально-классовой структуры общества и т.п.¹

Во всех подобных определениях очевидна их детерминированность партийным и классовым подходом, отвергание любых иных методов и принципов осмысления социальной политики.

К серьезным просчетам можно отнести методологически неверно избранный объект этой политики, который регламентируется как положение классов и социальных групп, наций и народностей и характер отношений между ними, а не конкретный человек со всем его спектром потребностей, интересов и целей. В ущерб развития личностных качеств и способностей человека акцент делался на всемерную реализацию коллективистских и общественных начал, что не могло не приводить к формированию однотипных социальных структур и систем не только в самом СССР, но и огромном "социалистическом лагере".

Конечно, сейчас не столь трудно критически осмысливать и анализировать прежнюю социальную политику. Разработка концепции социальной защиты населения — многосложный процесс. Во-первых, нельзя не учитывать то, что пройденное не исчезает бесследно. Как справедливо отмечает И.А.Каримов, "за последние десятилетия сформировалось определенное общественное сознание людей, со всеми ценностями, которое проявляется в стремлении к социальному равенству, приверженности к гарантированному праву на труд, всеобщему бесплатному образованию и медицинскому обслуживанию"², и которые нельзя игнорировать. В то же время независимое государство не может и далее

¹ См.: Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма — М.: Политиздат, 1979. — С.10. А также: Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. — М.: Политиздат, 1987. — С.7 и др. работы.

² Каримов И.А. Узбекистан: свой путь обновления и прогресса. — Т.: Узбекистан, 1992. — С.13.

поощрять практику консервации иждивенчества. Ведь складывалась тупиковая ситуация. Если в западных регионах СНГ, в прибалтийских государствах на каждого работающего приходилось один-два иждивенца, то в Узбекистане их — пять. Две трети населения республики проживало за счет помощи государства¹. Как в этих условиях укреплять экономическую и политическую независимость Узбекистана, обеспечить мир и согласие в обществе, стабильность и благосостояние его граждан?

Президент И.А.Каримов, исходя из сложившейся ситуации, указывает два приоритетных направления развития государственной политики в переходный период:

I — создать модель нового государства, нового строя;

II — выработать сбалансированную и подвижную систему социальной поддержки населения, опирающуюся и учитывающую все возможности законов, права, власти и экономики.²

На IV сессии Олий Мажлиса на этой задаче Президентом И. А. Каримовым было акцентировано особое внимание: "Мы должны сделать все для защиты интересов человека-труженика. Но мы не должны потворствовать развитию иждивенческих настроений. Мы обязаны организовать дело таким образом, чтобы проводимые государством меры по социальной защите населения не снижали трудовую активность населения и были направлены на поддержку тех слоев, которые не в состоянии своим трудом обеспечить нормальные условия жизни, то есть обеспечить максимальную адресность этой помощи".³ Эти задачи в единстве и целостности создают реальный каркас для моделирования нового типа и характера социальной политики. В них прочно увязываются все ее составные компоненты с государственными гарантиями и правовой защитой, механизмами и средствами материального и политического обеспечения.

Вместе с тем, объективные условия реализации данной политики вызывают потребность в моделировании стройной, последовательной теоретической и мировоззренческой

¹ Народное слово. — 1993. — 15 мая.

² См.: Правда Востока. — 1993 — 20 февраля, 15 мая.

³ См.: Правда Востока. 1995. — 23 февраля.

конструкции, направленной на оптимизацию названных процессов. Причем, все теоретико-методологические концепции должны исходить из принципа идеологического плюрализма, то есть не должны претендовать на монополию в той или иной сфере общественной жизни. И все же основным стереотипом, проявляющимся многообразные идеологические конструкции, имеющие целью оптимизировать социальную политику, должен быть конкретный человек, его интересы и потребности, моральное состояние и социальное самочувствие, условия его обитания и среда его жизнедеятельности. Это и определяет функциональную нагрузку идеологии социальной защиты населения.

Выстраиваемая концепция социальной политики в этом плане представляется как модель, отражающая активное взаимодействие субъектов политической системы в развитие социальной среды и воздействие их на те элементы, которые тормозят процессы выравнивания и стабилизации социального уровня людей. В то же время данная идеология не отрицает, а предполагает определенные варианты регулирования социального развития человека. Наиболее характерными чертами моделируемых концепций должны выступить осознание исторических условий и истоков реализации социальной жизни, знание его нынешней специфики и особенностей восприятия негативов в социально-профессиональной сфере не с позиций поощрения индивидуальности, милосердия или благотворительности, а с точки зрения использования всего потенциала политической и экономической системы для устранения причин, порождающих эти негативы. Это еще одна из основных функций социальной политики. Это, в свою очередь, усиливает роль таких компонентов политической системы, как партии, общественные объединения, движения и организации, в поиске разнообразных форм материального и идеологического подкрепления реализуемой государством социальной политики.

Современная социальная политика независимого государства только зарождается, и, естественно, ее трудно пока представить в целом со всеми структурными компонентами, нормами, критериями, ценностными ориентациями и т.д. Однако основные черты новой социальной политики уже вырисовались, и можно уверенно констатировать, что она не

противоречит мнениям и взглядам, имеющим хождение в теории социальной политики в других государствах.

Так, немецкий социолог Г.Альбрехт утверждает, что "социальную политику в ее общем значении можно понимать как совокупность преобразований (в наше время — преимущественно государственных) для защиты тех групп общественной системы, которые, вследствие своего экономического положения, подвержены убыткам, нужде, недостаткам, с целью обеспечения социального мира и прочности развития народа и государства"¹. С этой точкой зрения согласуется высказывание И.А.Каримова, считающего, что социальная политика должна быть направлена прежде всего "на обеспечение гарантированных прав наиболее уязвимых слоев населения — престарелых, инвалидов, сирот, многодетных семей, учащейся молодежи — со стороны государства"². Таким образом, выделяется основная функция социальной политики, проводимой руководством Узбекистана — обеспечение гражданского мира и согласия.

Обеспечение стабильности политической системы невозможно без опоры на определенную большую социальную группу. Если в бывшем СССР такую функцию выполнял "революционный рабочий класс", который уже в силу своей "революционности" не мог обеспечить социальную стабильность (не случайно поэтому отвергание "классиками" идеи социальной солидарности в угоду солидарности классовой!), то в условиях строительства действительно демократического общества такую функцию способен выполнять лишь средний класс. Государство сильно не опорой на люмпенизированные слои, а опорой на те социальные группы, которые обеспечивают технологический, технический, научный и духовный прогресс общества. Именно интеллектуальная элита и способна не только сохранять социальную стабильность, уравнивать "социальные весы", но и обеспечить легитимность поддерживающей ее политической элиты. Поэтому система, если она хочет быть сильной, должна не только

¹ См.: В кн.: Правовое государство — независимость, нация, экономика, идеология, политика... Т.1.— С.138.

² Каримов И.А. Узбекистан: свой путь обновления и прогресса... С.18.

растить, но и всячески поддерживать нарождающийся "средний" класс.

При нынешнем уровне жизни, благосостоянии, условиях деятельности интеллектуального потенциала страны, конечно же, трудно говорить о его элитарности. Но, как говорится, "процесс пошел". Подготовка классных специалистов за рубежом, стажировки ученых, научные и культурные обмены, стимулирование и инициирование частного предпринимательства и многое другое свидетельствует о твердом намерении руководства Узбекистана создать и укрепить базу, обеспечивающую легитимность и развитие становящейся политической системы.

Политическая система, функционирующая на основе односторонней зависимости, неустойчива, хотя бы в силу того, что основная часть населения скрыто или явно отказывает руководящей элите в легитимности. Легитимна лишь такая политическая власть, которая своими целями, принципами, способами действия соответствует установившимся в обществе традициям и нормам, нашедшим или не нашедшим отражение в законах, власть, которую основная часть населения добровольно признает полномочной, законной, что, в свою очередь, гарантирует устойчивость политической системы.

Вместе с тем, наиболее глубокие предпосылки легитимности политической власти коренятся в экономических интересах доминирующих социальных групп. Поэтому в данном случае политическая власть, чтобы пользоваться долговременным признанием общества, должна, во-первых, обеспечить стабильность в обществе, во-вторых, иметь опору в тех классах и слоях, с интересами которых она прежде всего связывает материальное благополучие населения.

"История человечества, — отмечает И. А. Каримов. — показывает, что именно благодаря этому слою людей общество обрело устойчивость, стабильность, основу прогресса". Говоря о среднем классе, в который мы включаем интеллектуальную элиту, мы ни в коей мере не должны умалять роль людей, "обладающих реальной собственностью, пусть

¹ Каримов И. А. Путь созидания — основа скорейшего процветания Родины
// Народное слово — 1995 — 23 декабря.

незначительной по своим масштабам, но собственностью, которой он дорожит, которая составляет основу его материального благополучия. Это так называемый класс средних собственников¹.

Говоря о рынке, государство должно в первую очередь заручиться поддержкой и само поддерживать тех, кто создает этот рынок — рынок идей, технологий, ценных бумаг, материальных богатств. В идее о классе собственников, высказанных Президентом И. А. Каримовым, лежит более широкий позитивный смысл, чем это может показаться на первый взгляд. Класс собственников — это не только производители или владельцы определенного имущества — недвижимости, земельного надела, малого предприятия. Это и в первую очередь собственники, производящие и реализующие свою интеллектуальную собственность, разрабатывающие новые технологии, "ноу-хау", оригинальные научные идеи. Сегодня спрос на рынке идей переживает противоречивый характер — с одной стороны общество ощущает огромную потребность в новых подходах, смелых разработках, результатах творческого осмысления, с другой — до сих пор чувствуется невостребованность уже существующих или создаваемых наработок в области науки, культуры, сферы образования. Это противоречие объясняется существующими до сих пор в вузовской, академической, старыми критериями оценки интеллектуальной продукции, зачастую — невозможностью (из-за высоких материальных затрат, удорожанием бумаги, типографских услуг и т.д.) публикации результатов творческого поиска. Особенно остро это ощущается в сфере образования. "Нашим детям, молодежи, — отмечал Президент И. А. Каримов на IV сессии Олий Мажлиса, — нужны не только современные компьютеры, технические средства обучения, а прежде высококвалифицированные педагоги, наставники, преданные родной земле, ее великому будущему. Всем нам следует воспринимать профессию учителя, тяжелый труд педагога как исключительно важную и благородную работу."² Никто более, чем наставник, педагог, не может сильнее

¹ Каримов И. А. Путь созидания — основа скорейшего процветания Родины // Народное слово — 1995 — 23 декабря.

² "Народное слово" — 1995 — 23 декабря.

воздействовать на души подрастающего поколения — это прописная истина. Но насколько ему трудно "сеять разумное, доброе, вечное", если он преподает в старом, неприспособленном, зачастую неотапливаемом помещении, если он перебивается с зарплаты до зарплаты, если он каждый день ходит в одном и том же поношенном пиджаке вот уже три-четыре года. Вот уж поистине живой пример пословице "То, что говорит учитель — делай, то что, он делает — не делай!"

А ведь наряду с предпринимателями, собственниками, именно учителя, ученые, деятели культуры составляют тот средний слой, который обеспечивает экономическую устойчивость и политическую стабильность процветающих обществ и на Западе и на Востоке. Интеллектуалы всегда были политическим фундаментом, демократического развития общества. И недопустимо, чтобы в этой политической основе поступательно демократических преобразований образовались пустоты, подрывающие прочность создаваемой конструкции.

Мы все должны себе четко представить динамизм и последовательность избранной стратегии обеспечения легитимности существующей политической системы. Дело в том, что само обеспечение стабильности не следует рассматривать как самоцель, это чревато дальнейшей стагнацией общества. Стабильность — момент накопления сил и возможностей для дальнейшего прорыва. Экономическая устойчивость и политическая стабильность — не цель, и тем более — не самоцель, это — средства реализации основной цели — благополучия и процветания каждого конкретного человека — жителя независимого Узбекистана. Реализацию этой цели, прорыва к этой цели способен осуществить именно средний класс, который поддерживает данную политическую власть и пользуется ее поддержкой.

В политологии различают три уровня легитимности политической власти: идеологический, структурный и персональный.¹ Можем сказать, что нынешняя политическая власть в Узбекистане по-настоящему эффективна и устойчива в силу легитимированности на всех трех уровнях. Рассмотрим это подробнее.

¹ См.: Пабров О.Ф. Политическая система: структура, типология, устойчивость. — М.: Луч, 1993. — С.11.

Идеологическую легитимность политическое руководство Узбекистана обретает признанием обществом реализуемых ею целей государственной политики, системы ее ценностных ориентаций. Укрепление независимости Узбекистана, возрождение национальной государственности, древней культуры и традиций народов, населяющих республику, взвешенная национальная политика и т.д. не могут не обеспечить поддержки населением реализуемой политики. Так, в ходе проведенных нами социологических исследований на вопрос: "Говоря в целом, Узбекистан движется в правильном направлении или в неправильном направлении?" подавляющее большинство (82,5%) ответило "в правильном". Лишь 5,5% респондентов оценило развитие Узбекистана как неправильное и всего 2,9% считают, что нет никакого движения.

Структурную легитимность обеспечивает признание правомерными способами реализации, целей, структуры политической системы. Узбекское общество согласно рассматривать нынешний политический режим в качестве единственного законного. Наши граждане высоко оценивают как политику, проводимую Президентом И.А.Каримовым, так и его личный авторитет (референдум о продлении сроков полномочий Президента — наглядное подтверждение этому). Достаточно высоко население республики оценивает деятельность Олий Мажлиса республики, правительства Узбекистана, его армии, местных органов власти. А это выступает персональным уровнем легитимности нынешней политической системы.

Легитимированная на всех этих уровнях политическая власть в качестве цементирующей основы реализует сильную социальную политику. Это осуществляется по причине и вследствие следующего — социальная политика, реализуемая руководством Узбекистана

- отражает потребности и интересы нации на собственную государственность, экономическую независимость и духовно-культурное возрождение;

- выполняет функции государственного механизма, сдерживающего процессы материального и духовного обнищания нации, и сохраняющего ее нравственный и физический генофонд от вырождения;

— сохраняет оптимизм, социальный тонус и самочувствие нации при переходе к резким потрясениям рыночных преобразований;

— ограждает общество от разрушительных и непредсказуемых революционных взрывов и конфронтаций.

Когда мы говорим "нация", то не подразумеваем только паспортную, давшую название данной стране. "Наша модель — отмечал на IV сессии Олий Мажлиса Президент И. А. Каримов, — строится на идее сохранения и укрепления исторически сложившейся на нашей территории многонациональной структуры общества и использования данного фактора для осуществления конечных целевых задач создания демократического правового государства"¹. И в получении социальной защиты каждый гражданин Узбекистана, согласно его Конституции, имеет одинаковые права и свободы, равен перед законом без различия пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения². Таким образом, в республике созданы конституционные гарантии невозможности проведения различной социальной политики, например, для групп населения, причисляющим себя к различным религиозным конфессиям, политическим партиям, общественным движениям, государственно-управленческому аппарату. Но это не означает, что государство оказывает всем слоям населения одинаковую социальную помощь. В центре внимания социальной политики любого цивилизованного государства должны быть те, чье социальное благосостояние зиждется на государственной защите и поддержке. А таких в республике немало.

Прежде всего, это малоимущие, малообеспеченные и низкооплачиваемые слои населения. Так, в 1992 г. в Узбекистане 62,1% населения имели среднедушевой доход ниже нормативно-минимального потребительского бюджета. 19,7% — ниже предельного прожиточного социального минимума³. Кроме того, в 1993 г. в республике относились

¹ "Народное слово".

² См.: Конституция Республики Узбекистан. — С.12.

³ Занятость и социальная защита населения. Опыт, проблемы и пути решения /Сб.науч.-методич.разработок и рекомендаций. — Т.: Минтруда ГУз, УзПИИтруда. Ч.I и II. — 1993. — С.322.

к категории малообеспеченных 475,5 тыс. многодетных семей, имеющих 7 и более детей в возрасте до 18 лет, 56,9 тыс. семей, потерявших кормильца с 3-мя и более нетрудоспособными членами, 22,7 тыс. семей, в которых имеются репрессированные в 30-50 годы и реабилитированные, 22,5 тыс. семей погибших военнослужащих, 17,6 тыс. семей, имеющих в своем составе инвалидов I и II групп и неспособных к работе и т.д.¹. Значительной поддержкой данных категорий населения выступили в 1994-95 гг. увеличение минимальной заработной платы и снижение подоходного налога с него, увеличение пособий по уходу за детьми в малообеспеченных семьях, помощь ветеранам в преддверии 50-летия со Дня Победы над фашистской Германией и т.д.

Большую группу составляют наиболее "социально уязвимые" — дети до 16 лет, чей удельный вес в республике достигает 44%, пенсионеры — 10,5%, в числе которых 93,6% получают пенсию (с 1 марта 1995 г. — не менее 350 сумов) и 6,4% — социальные пенсии.²

Все эти слои населения требуют к себе особого внимания и дифференцированного подхода, и, естественно, выработки специальных целевых программ их социального развития. На IV сессии Олмй Мажлиса Президент И. А. Каримов привел такие цифры: только за 9 месяцев текущего года через органы самоуправления в виде материальной помощи выплачено более одного миллиарда сумов, а получило ее более 800 тысяч семей. В качестве примера можно было бы назвать также целевую государственную программу "Соғлом авлод учун", охватившую проблемы здоровья, нравственного, духовного и физического совершенствования подрастающего поколения. Примеров можно привести много, но несомненно одно — социальная политика Узбекистана будет сильной постольку, поскольку она будет способной охватить все группы и реагировать на малейшие изменения в социальном самочувствии населения.

Естественно, одно само государство не в состоянии выполнить эту многосложную задачу социальной защиты во всем ее комплексе. Сохраняя в ведущих сферах социальной поли-

¹ См.: Экономика и статистика. — 1993. — № 11. — С.23.

² См.: Занятость и социальная защита населения. — С.339.

тики свои прочные позиции, государство решает задачи социальной защиты населения поощрением деятельности негосударственных образований в социальной сфере. Сюда можно отнести различные фонды, частные образования и медицинские учреждения, ассоциации. Все большую роль начинает играть деятельность коммерческих образований в социальной сфере. Именно последние способны наиболее продвинуть благотворительную работу среди населения. И это не случайно, так как осуществляемая ими деятельность более конкретна, адресна, у них более широкие возможности выделения определенной части прибыли на поддержку сирот, малоимущих, пенсионеров. В этом отношении заслуживает всяческой поддержки деятельность многих коммерческих структур по оказанию помощи школам, детским домам, домам престарелых и т.д. Не случайно на IV сессии Олий Мажлиса Президент И. Каримов в качестве примера привел действительно благородный, достойный самого высокого уважения поступок предпринимателя из Куvasая набижона Махмудова, построившего на свои личные средства школу. И тем более отрадно, что такого рода усилия должны, по мысли Президента, получить самую широкую государственную поддержку. Осуществить данную поддержку предполагается при дифференциации налоговых облажений, предоставлении режима наибольшего благоприятствования и т.д.

Расширяет свою социальную базу внесударственной поддержки населения и еще один важнейший институт политического опосредования, функции которого наиболее кристаллизуются в социальной политике — трудовые коллективы предприятий и хозяйств. В Законе "О предприятиях в Республике Узбекистан" ст.27 регламентировано, что "вопросы социального развития, включая улучшение условий и продолжительности труда, отдыха, жизни и здоровья, гарантии обязательного медицинского страхования членов трудового коллектива и их семей, осуществляемого за счет фонда потребления предприятия, решаются трудовым коллективом с участием администрации в соответствии с законодательными актами Республики Узбекистан. Предприятие обязано производить отчисления в фонд государственного страхования и в пенсионный фонд в порядке и

размерах, установленных действующим законодательством"¹. Реализация этих правовых положений направлена прежде всего на Человека труда, его жизнь и здоровье, его благосостояние.

Нынешнее состояние реформирования экономики и производства, перестройки структурной политики свидетельствуют о том, что тенденция и процессы вхождения республики в рыночные отношения становятся необратимыми и определяющими в сфере общественных отношений. Это означает, что вместе с этим в сознание и психологию личности неизбежно проникают новые представления, воззрения и мотивации на собственность, занятость, труд, систему распределения и т.д.

На базе их стихийно и спонтанно формируются новые ценностные нормы, устанавливаются по вертикали и горизонтали иные межличностные и межгрупповые экономические и хозяйственные связи, по другому оцениваются такие личностные черты, как предприимчивость и инициатива, профессионализм и компетентность, коммуникативность и контактность, социальная мобильность и производственная деловитость и т.д.

Человек все более и более начинает проявлять себя, реализовывать себя в субъективных решениях и способах действий. Объективной стороной этого процесса сегодня выступает растущая мобильность социальной структуры общества, изменяющая все традиционные отношения личности с существующими социальными группами. Плодом этих изменяющихся отношений является изменение в сфере потребностей, деятельности, находящихся под защитой государства, но это может породить у несформировавшейся личности и психологию иждивенчества, иллюзии на милосердие общества, его безграничную поддержку и заботу. Возрастает опасность появления групп и слоев населения с крайне индивидуалистической и паразитирующей психологией и идеологией, для которых стремление к наживе и достижение цели любым способом, выбор противоправных и противозаконных путей к увеличению личного богатства и капитала составляет нравственный кодекс мышления и

¹ Республика Узбекистан. Законы и Указы. С.283.

поведения. Такие тенденции отмечены даже в такой развитой стране, как США.¹

Но нельзя это драматизировать, так как возросший индивидуализм, пришедший на смену узкому общинно-групповому конформизму с его жесткодетерминированной зависимостью между индивидами, преодолевается в процессе созидательного труда. Достойное человека труда вознаграждение за его усилия способно выправить подобные перекосы, а само стремление обеспечить себя и свою семью должно носить высший нравственный смысл.

Труд — основа нравственной чистоты, духовной прочности, гражданской зрелости, материального благосостояния и финансового благополучия. Именно в труде и его результатах заключено и доброе имя человека, его честь и достоинство, его стабильность и процветание. Сегодня человека труда в межличностных отношениях отличает меньшая детерминированность жесткими социально-групповыми связями, более полное проявление своих индивидуальных особенностей (творчество, предприимчивость и инициатива). Качественно новый этап суверенизации личности, его реальное духовное возвышение проявляется именно через его труд.

Оптимизации этих процессов в Республике Узбекистан служит:

- государственная гарантированность и поддержка экономической и хозяйственной самостоятельности, производственной занятости и трудовой деятельности человека

- законодательное обоснование и обеспечение права выбора каждой форм собственности и хозяйствования, сфер приложения труда, источников существования, не противоречащих законам, общепризнанным нравственным принципам и нормам;

- создание общенациональной системы и правовых механизмов, смягчающих негативные последствия рыночных отношений в сферах производства и труда, занятости и сдерживающих тенденции роста индивидуализма;

- формирование систем государственной и общественной

¹ См.: Скидмор М.Д., Трипп М.К. Американская система государственного управления... С.308-313.

поддержки в стимулировании интересов и потребностей человека в повышении своего профессионального мастерства, развития социальной и производственной мобильности;

— установление правового статуса общеобразовательного ценза в качестве стартового уровня и первичного критерия в представлении предпочтений в ведении самостоятельной экономической и хозяйственной деятельности;

— развитие сети государственных общественных ассоциаций, объединений, фондов, движений, в программных документах которых в целевом порядке определена защита трудовых, производственных экономических интересов человека;

— настоятельная необходимость углубления социализации и интеллектуализации труда, рационализации рабочих мест, повышения мобильных качеств трудовых ресурсов.

В решении этих задач наиболее характерным является приверженность эволюционному подходу в разрешении противоречий, диспропорций, дисгармоний, возникающих в духовно-нравственной среде на почве коренных изменений в системе экономических и трудовых отношений. Это означает, что моделируемый в Узбекистане социально-ориентированный рынок призван сдерживать вероятность рождения идейно-мировоззренческих кризисов и политических стагнаций и служить наполнению духовного пространства приемлемыми и доступными для принятия и освоения человеком новых ценностей.

В своем выступлении перед депутатами на I сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан Президент И.А.Каримов, подчеркнув, что "мы стремимся построить не просто демократическое общество, а справедливое демократическое общество", особо отметил: "Идея справедливости сегодня, когда происходит объективный процесс социальной, имущественной поляризации общества, можно свести к очень лаконичной формуле: государство не должно допустить резкого расслоения общества на чрезмерно богатых и чрезмерно бедных".¹ Это ни в коей мере не означает отрицание появления богатых людей, речь идет об оптимизации правовых

¹ Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана /Доклад на I сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан // Народное слово. — 1995. — 24 февраля.

механизмов, обеспечивающих гражданам республики одинаковые стартовые условия для вхождения в рынок, справедливые возможности для самореализации, удовлетворения потребностей и интересов личности. В практическом плане это предполагает выработку целой системы нормативных и законодательных актов, органически входящих в целевую государственную программу "Узбекистан в XXI веке" и закрепляющих гарантии и защиту населения в социальной сфере.

В первую очередь это касается проблем постоянной индексации доходов населения и их регулирования в условиях инфляции и дальнейшей либерализации цен. Конечно же, до сегодняшнего дня принят ряд документов, скажем, "О мерах по поддержке жизненного уровня населения республики, находящегося на государственном обеспечении", "О мерах по социальной защите населения в связи с либерализацией цен", указы о повышении уровня заработной платы и т.д. На наш взгляд, они, конечно же, определенным образом смягчили остроту социального положения людей на первом этапе перехода к рынку, но сейчас государство вырабатывает долговременную целевую программу регулирования доходов населения, развития его потребительской корзины.

Основу этой программы составляет именно идея справедливости, а не пресловутой "уравниловки". Ведь не секрет, что на уровне обыденного массового сознания, несмотря ни на какие коллизии, сохраняется идея социального уравнивания доходов граждан. Такая психология, безусловно, порождает и развивает иждивенчество — антипод рынка. Поэтому, в основу разрабатываемой программы легло не обеспечение социального тонуса населения директивными решениями о сдвигах в тарифной шкале, а разработка правового механизма, позволяющего экономически активной части населения увеличивать свои доходы за счет наращиваемого производства массы товарной продукции. Поэтому справедливо не выравнивание доходов, а выравнивание возможностей в получении все больших доходов. Необходимо, чтобы заработная плата была действительно заработной, а не лишь государственным пособием на более-менее безбедное существование. Необходимо, чтобы мерилom богатства человека, его материального и социального

благополучия было его реальное вложение средств, энергии, усилий, инициативы и творчества в производство и труд. Государство, поддерживая тех, кто не может работать, поддерживает в первую очередь тех, кто хочет и может работать. В этом и заключается истинный смысл идеи справедливости, который ложится в основу строительства гражданского общества в республике.

Требуют своего законодательного обеспечения вопросы защиты трудовых сбережений, ценных бумаг, внутреннего потребительского рынка, разработки механизмов стабилизации цен и т.д. Одним из важных шагов на пути к этому явилось принятие Президентом Республики Узбекистан Указа об индексации денежных средств населения во вкладах и по государственному страхованию от 20 декабря 1995 года. Данный шаг является началом еще одного этапа по восстановлению социальной справедливости по отношению к населению, вкладчикам, сбережения которых, внесенные до 1992 года, оказались замороженными, в результате чего вклады 5 миллионов человек в республике потеряли свою покупательную способность. Предпринимаются и неотложные меры по социальным проблемам развития потребительской корзины населения. Президент И.А.Каримов считает, что для республики "первоочередная задача должна состоять в том, чтобы народы Узбекистана, в отличие от других народов, имели бы более высокую покупательскую способность и доходы. Если наши заработки будут приличные, значит и возрастут и доходы, повысится покупательская способность населения, и тогда нам не будут страшны цены".¹

В своем выступлении на IV сессии Олий Мажлиса Президент И. А. Каримов особо остановился об особенностях перехода Узбекистана ко второму этапу рыночных преобразований. Для республики, по мнению Президента, будут характерны дальнейшая стабилизация экономики, повышение уровня технологичности и производительности труда, насыщение рынка товарами и продовольствием и т.д. В социально-правовой сфере должны быть созданы не только конституционные гарантии и механизмы, но и экономические, материально-технические и др. условия для разработки

¹ Каримов И.А. Узбекистан — государство с великим будущим... С.58.

и продуктивного функционирования научно обоснованных, долгосрочных государственных программ и законов. Изменяющиеся условия рынка потребуют не только правового конституирования статуса владельца собственности, но и создания перспективного механизма оптимизации хозяйственно-экономической деятельности различных субъектов рынка, разработки антимонопольного законодательства, проблем конкуренции, занятия собственных ниш в рыночной инфраструктуре и т.д.

Данный вопрос тесно связан с проблемами занятости, качества трудовых ресурсов, повышением мобильности экономически активной части населения. Суть идеи справедливости в этом плане заключается в предоставлении человеку возможности самому решать проблемы собственного социального развития. Важно не убить в человеке его активного творческого и нравственного начала, необходимо направить его способности в новое русло трудовой деятельности, осуществить качественную перестройку характера и содержания его работы и расширить формы участия индивида в общественном производстве.

Главное здесь, по мнению И.А.Каримова, "заключается в том, чтобы создать правовой механизм, обеспечивающий равные начальные возможности для всех людей раскрыть и реализовать свои способности, удовлетворить свои потребности. А дальнейшее положение человека в общества должно определяться его желанием и умением трудиться. Каждый честно работающий член общества должен иметь возможность содержать свою семью, равные права в получении образования, медицинского обслуживания, в защите своей чести и достоинства, в защите своих близких"¹.

Энергичная социальная политика, проводимая руководством Узбекистана, является ключевым условием улучшения благосостояния граждан республики. В этой сфере, в отличие от других республик СНГ, достигнуто многое по предотвращению процессов массового обнищания, люмпенизации, физического и духовного вырождения. Но многое еще предстоит сделать. Необходимо, чтобы социальная политика

¹ Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана // Народное слово. — 1995. — 24 февраля.

была направлена не только на обеспечение элементарных условий существования всех групп населения... этого явно недостаточно. Более того, такая односторонняя социальная политика не плодила бы ничего и никого, кроме недовольных иждивенцев, которым в два раза увеличивают зарплату, а в двадцать раз — цены. Необходимо, чтобы социальная политика была направлена против процессов резкой поляризации населения, и самое главное, обеспечивала бы рост экономической активности, эффективной занятости, учитывала особенности быта, традиций, психологии, нравов народов, населяющих Узбекистан.

Приоритетным ориентиром социальной политики Республики Узбекистан является адресная поддержка социально незащищенных слоев населения. Правительство Узбекистана делает все возможное, чтобы усилить целевой характер социальной поддержки, направленность ее на нужды пенсионеров, инвалидов, многодетных семей. Но ограничиваться ориентацией на поддержку только незащищенных слоев населения явно недостаточно, более того, необходимо, чтобы каждый понял, что социальная защита не является синонимом государственной благотворительности. Ориентация социальной политики только на слабые слои на практике приводит к игнорированию процесса обнищания основной массы населения, к люмпенизации "средних" слоев и отодвигает назад проблему социальных гарантий каждому гражданину республики.

Поэтому в центре реализуемой социальной политики должна стоять проблема обеспечения каждому узбекистанцу достойных экономических, правовых, социальных и экологических условий жизни.

На IV сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан Президентом И. А. Каримовым в качестве приоритетной стратегической задачи было отмечено следующее: "Несмотря на все трудности переходного периода, мы сегодня должны думать о тех, кто придет вместо нас -- о молодежи, о детях. Мы должны думать об их духовном развитии и физическом здоровье, здоровье людей, здоровье нации"¹.

В этом плане приоритетами в области социальной поли-

¹ "Народное слово" — 1995 — 23 декабря.

тики является проблема охраны здоровья молодежи, их образования и культуры, поддержка молодежного предпринимательства, жилищного и бытового самообеспечения молодых семей, технических, просветительских, экологических проектов и программ молодежных объединений.

Социальная поддержка молодежи, основные принципы которой были изложены и на IV сессии Олий Мажлиса должна обеспечивать, наряду с доступностью образования и профессиональной подготовки, льготные условия первичной занятости и переквалификации особенно сельской молодежи. На втором этапе рыночных реформ будут также необходимы безотлагательные меры по созданию общегосударственных программ персональной поддержки наиболее одаренной молодежи. Не дотации, а кредиты — таково перспективное направление поддержки молодежи.

Развитые на IV сессии Олий Мажлиса принципы сильной социальной политики включают в себя и создание дифференцированной государственной семейной политики, экономических и юридических условий для обеспечения достойной жизни семьи на трудовой основе. Приоритетом в этой области должны выступить интересы матери и ребенка, создание всех необходимых условия для жизни здорового и физически, и духовно молодого поколения.

На наш взгляд, очень ценна идея Президента И.А.Каримова о гарантированной адресной поддержке нетрудоспособных членов семьи, в том числе пенсионеров, инвалидов, малообеспеченных семей, семей с одним кормильцем, молодых, студенческих, многодетных, пожилых, опекунских семей, и семей, имеющих инвалидов, больного кормильца.

Главный принцип в реализуемой поддержке семьи, материнства и детства — максимальная конкретность, адресность поддержки. Но нельзя ограничиваться только этим. Необходимо усилить целенаправленную защиту производственных интересов женщин, создание им подходящих условий работы, равное с мужчинами право занимать рабочие места, первоочередное решение вопросов, связанных с отпуском, уходом за ребенком, отдыхом и т.д.

Потребностям каждого узбекистанца отвечает и сохранение государственной системы дошкольных и внешкольных детских учреждений, обеспечение их доступности для каждой

семьи в сочетании с развитием форм воспитания детей на платной основе.

В целом, политика охраны семьи, материнства и детства должна включать в себя приоритетную материальную и моральную поддержку семьи, материнства и детства, ограждение их от пропаганды культа разврата и насилия, всех видов духовного и физического растления.

Защита интеллектуального потенциала республики, государственная поддержка науки, культуры, образования и здравоохранения — вот основные стержни, пронизывающие все компоненты политической системы Узбекистана. На II этапе экономического реформирования республики необходимо перейти к законодательному закреплению норм необходимого финансирования образования, науки, культуры и здравоохранения в процентах от валового национального продукта. Национальному возрождению, процессу становления духовного потенциала Республики Узбекистан, процессу обеспечения преемственности в развитии науки и культуры должна служить разработанная программа поддержки в этих сферах как наиболее одаренной молодежи, так и наиболее продуктивных авторитетных деятелей науки и культуры. Для повышения результативности образования и научных исследований надо продолжить целенаправленную работу над совершенствованием системы подготовки кадров высшей квалификации — кандидатов, докторов наук, соответствия этой системы мировым стандартам, конвертации дипломов, выданных в Республике Узбекистан. Думается, что новому составу ВАКа и Президиуму АН РУз эта задача по силам.

Важной социальной задачей, стоящей перед республикой, является сохранение доступности жилья и товаров длительного пользования для всех граждан Узбекистана. Более широкое наделение граждан земельными участками под застройку дома, расширение земельных участков личных подсобных хозяйств, предельное снижение первого взноса в ЖСК, развитие системы льготного кредитования молодых семей, желающих приобрести жилье или улучшить жилищные условия, купить товары длительного пользования, в том числе — качественных холодильных и морозильных установок, телевизоров, малолитражных автомобилей, производство которых должно быть налажено самым широким

образом в нашей республике, — первоочередные задачи, которые правительство Узбекистана пытается решать уже сегодня.

Необходимо еще раз подчеркнуть отмеченные Президентом И. А. Каримовым необходимость соблюдения принципов социальной справедливости в приватизации сферы быта, услуг и торговли. Мы солидарны с мыслью Президента о том, что не человек служит для торговли (сферы услуг, быта и т.д.), а торговля должна идти навстречу рядовому гражданину, который, как известно, "всегда прав".

Службы быта, торговли, услуг в своей деятельности должны исходить не из принципа необходимой достаточности, минимально необходимого набора услуг и т.д., а стремиться к расширению ассортимента товаров, услуг и снижению их розничных цен за эти товары и услуги.

В целом, политика Узбекистана в социально-культурной сфере призвана служить двум взаимосвязанным целям: с одной стороны, максимально возможному сохранению ранее накопленного потенциала обеспечения доступности товаров и услуг для всего населения республики, с другой — созданию предпосылок для качественного совершенствования услуг и роста их разнообразия на основе учета платежеспособности, спроса потребителей.

Подводя некоторые итоги, следует особо подчеркнуть, что вырабатываемая и реализуемая системой власти социальная политика максимально конкретна, далека от декларативности, абстрактности, максимально приближена к Человеку. Именно это импонирует не только гражданам Узбекистана, но и многочисленным экспертам из стран СНГ, Балтии. Они не только изучают, но и перенимают наиболее ценные стороны социальной политики, реализуемые Президентом И. А. Каримовым. И это не случайно, так как по своей значимости проблема социальной защиты населения стоит вровень с задачей обеспечения межнационального согласия, мира и стабильности. Не решив первой, нельзя добиться решения второй. А в условиях перехода к экономической устойчивости она приобретает приоритетное значение. Реализацию данной задачи способна осуществить только сильная политическая власть, опирающаяся на сильный "средний класс".

Вообще, на наш взгляд, нельзя не согласиться с позицией Президента Республики Узбекистан о неприемлемости

двойного гражданства и усилении роли узбекского языка в статусе государственного, и вместе с тем равноправного поступательного развития и полнокровной жизни всех наций и народностей, населяющих Республику Узбекистан. Обеспечение и охрана прав каждого гражданина, независимо от его национальности, вероисповедания, расы, языка — следующий основной вектор социальной политики Республики Узбекистан.

Политические и экономические реформы, обеспечивающие подлинную независимость Республики Узбекистан, требуют сильной власти. Именно поэтому новая социально-экономическая политика должна опираться на активную роль сильного государства, которое последовательно, эволюционным путем намечает ориентиры и прокладывает дорогу процессам политического и экономического реформирования.

Государство выступает основным арбитром в дифференциации и гармоничной реализации разнообразных социальных интересов. Ведущую роль в реализации социальных интересов играет Президент Узбекистана, выступающий гарантом национально-государственных интересов Узбекистана, ее социальной стабильности и дальнейшего социально-экономического прорыва. Поддержка курса последовательного реформирования социально-экономического пространства республики, поддержка сильной государственной политики, всемерное содействие этим процессам, их развитие должна составлять и составляют суть функционирования каждого компонента создаваемой политической системы в целом, и каждого конкретного гражданина Республики Узбекистан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Независимости Узбекистана исполнилось четыре года. И можно констатировать, что для первого, самого трудного этапа реформирования политической и экономической системы, пройденному республикой за этот период, были характерны как определенные достижения, так и некоторые трудности. Подводя его итоги, Президент И.А.Каримов отметил: "Сформированы правовые основы нашего государства, принята Конституция Республики Узбекистан, которая отвечает всем требованиям демократии. Создана одна из самых демократичных в мире систем представительной власти, впервые на многопартийной основе избран парламент Узбекистана — Олий Мажлис. Принят ряд законов, на основе которых реализован конституционный принцип разделения властей, сформированы исполнительная и судебная власти"¹. Поэтапно осуществляется приватизация организаций торговли, быта, сферы обслуживания, промышленных объектов, разгосударствлены тысячи совхозов и нерентабельных колхозов, жилой фонд республики. Многие предприятия министерств и ведомств реорганизованы в акционерные, созданы концерны и ассоциации. Сделаны первые шаги к оптимизации деятельности налоговой, банковской, таможенной служб республики. Нанесен большой урон организованной преступности, наркобизнесу.

Вместе с тем, в процессе поэтапного эволюционного политического и экономического реформирования были либо упущены, либо не использованы многие возможности в области конструирования правовой модели рыночных отношений,

¹Каримов И. А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития стран Узбекистан. // Народное слово. — 1995. — 24 февраля

законодательной системы, государственного строительства, кадровой политики. Неясности и сложности во взаимоотношениях с государствами СНГ, несрабатывание подписанных с ними договоров и соглашений, непрохождение платежей, несбалансированная, несогласованная финансовая политика этих стран и т.д. затруднили выход Узбекистана на экономически, социально и политически обеспеченный второй этап преобразований. Но тем не менее, с уверенностью можно констатировать, что подписание Узбекистаном, Казахстаном, присоединившимся к ним Кыргызстаном договора о создании в этом регионе единого экономического пространства, структурные изменения в политической и экономической системе страны, проведение в 1994 г. выборов в Олий Мажлис на многопартийной основе знаменуют собой выход ко II этапу политического и экономического реформирования всех сфер жизни республики. Для этого этапа характерными признаками должны выступить:

- дальнейшая демократизация социального пространства Узбекистана;

- зрелое развитие очищенных от политической конъюнктуры духовных и нравственных ценностей народов, населяющих республики;

- углубление экономических и социально-духовных интеграционных связей со странами Центральноазиатского региона;

- активное участие Узбекистана в мировых интеграционных отношениях;

- демократизация экономики, оптимизация процессов управления, рост удельного веса частного предпринимательства, урегулирование проблем налогообложения, конвертации национальной валюты;

- улучшение (значительное по сравнению с 1991, 1992, 1993 и 1994 годами) снабжения населения продовольствием, товарами народного потребления, определенной стабилизацией цен на внутреннем рынке республики и т.д. Это возможно лишь по пути стабилизации социально-экономического и политического пространства республики, а в дальнейшем — реально осуществляемой демократизации всех сфер жизни общества, активного участия здоровых патриотических сил в процессах социальных преобразований, реализуемых на основе Конституции Республики Узбекистан.

При подготовке конкретных мероприятий в этой области необходимо исходить из следующих принципиальных положений:

1. Демократизация всех сфер жизни общества возможна только по пути взаимодействия различных сил общества, действующих на основании Конституции Республики Узбекистан и существующего, постоянно совершенствующегося законодательства.

2. Оптимальность и результативность деятельности этих сил способна обеспечить законодательная деятельность Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

3. Фракционная деятельность в Олий Мажлисе должна явиться для различных партий и движений не самоцелью, не целью самоутверждения или прорыва к властным структурам, а средством реализации подлинных политических и экономических реформ во имя процветания и благополучия всех граждан Республики.

4. Участие партий в политической жизни республики должно позволить не только и не столько набрать в Олий Мажлисе определенное количество мест, сколько обеспечить в высшем законодательном органе республики представительство прогрессивных сил республики для оптимизации законотворческой деятельности во имя обеспечения социально-экономической и политической стабильности, гражданского мира и согласия. Депутатскому корпусу Олий Мажлиса Республики Узбекистан забота об интересах страны и его граждан должны стать не только политическим кредо, но и смыслом всей жизни.

5. Кардинальной целью деятельности всех конструктивных сил республики должно явиться всемерное обеспечение широкого и полного развития демократии и на основе этого — создание великого государства Республики Узбекистан.

6. Деятельность различных политических сил в Олий Мажлисе и на всем политическом пространстве страны должна быть направлена на обеспечение благосостояния народов Узбекистана на основе рационального использования его природных и интеллектуальных ресурсов, на развитие и оптимизацию предпринимательской деятельности, науки и культуры, наиболее эффективное использование всех возможностей края.

7. Создание и развитие моральной и духовной базы правового демократического государства — Республики Узбекистан и развитого гражданского общества, обеспечивающего процесс взаимодействия и согласия — наиболее общие приоритеты, которых патриотические силы должны придерживаться в последующий период.

8. Целью функционирования всей политической системы республики, в особенности — в сфере экономики, должен быть конкретный Человек, его жизнь, заботы, нужды, интересы. На деле гарантировать каждому равные возможности для обеспечения достойных условий существования — основное направление экономической деятельности руководства республики и всех конструктивных сил.

При этом важнейшей задачей становится сохранение и приумножение наработанного производственного и научно-технического потенциала. Основным источником стабилизации, а затем и становления Узбекистана в качестве великого государства должно явиться эффективное использование имеющихся в республике природных, людских и интеллектуальных ресурсов.

9. Необходимо усилить поддержку целевыми ассигнованиями приоритетные структурные сдвиги и очаги технологического прорыва, инвестирование отраслей, определяющих научно-технический прогресс (машиностроение, электронику, переработку сырья и продукции до конечного потребления и т.д.).

10. Одним из основных векторов политического и экономического реформирования должна явиться последовательность и тщательная научная проработка трансформации видов собственности в интересах как повышения эффективности производства и формирования цивилизованных рыночных отношений, так и соблюдения принципов социальной справедливости при осуществлении аграрной политики, приватизации. Приватизация должна дать гражданам равные стартовые возможности, а не превращаться в инструмент трансформации государственного монополизма в монополизм частный. Это все в комплексе создаст возможности открывать новые частные предприятия, разработать механизм правовой защиты предпринимательства, предотвратить обвальную коммерциализацию образования, здравоохранения, науки и культуры. В итоге можно будет создать оптимальные экономические и правовые условия для эффективного сосуществования и взаимодополнения коммерческих и некоммерческих организаций подобного типа.

11. В области финансовой политики необходимо приложить все усилия для укрепления курса национальной валюты, стабилизации денежного обращения, конвертации сума путем реального подъема экономики, комплекса целенаправленных мер денежной политики, упорядочения денежной эмиссии. В этих целях целесообразно активное участие всего интеллектуального потенциала республики в разработке моделей бюджетной и кредитной политики, подчиненных принципам социальной ориентированности, ясным и четким приоритетам экономического и социального развития Узбекистана.

12. На втором этапе экономического и политического реформирования объективной потребностью общества выступит придание все большей самостоятельности субъектам экономического хозяйствования, причем ведущие стратегические роли регулирования останутся за государством. Децентрализация экономики в нашем понимании — это отказ от попыток монополитизировать всю систему управления, свести все управление в руки центральных ведомств, министерств или какого-либо другого центрального органа.

Необходимо разграничить сферы ответственности, источников бюджетных поступлений республиканских и местных органов власти, профессиональных союзов, общественных объединений и организаций, развития между ними отношений партнерства и сотрудничества. Это позволит наиболее оптимально дифференцировать и поочередно реализовывать всю систему социально-экономических интересов субъектов власти, осуществлять совместную разработку и финансирование совместных политических, экономических и социальных программ.

В свою очередь, это высвободит возможности для оптимизации функций государственного регулирования процесса становления новых рыночных структур, поддержанию законности, усилению борьбы с бюрократизмом, организованной преступностью, нарко- и порнобизнесом. В законодательном плане это предполагает принятие целого комплекса мер, связанных с выработкой как правовых мер борьбы с нарушителями законов, так и системы правовой защиты населения в каждом конкретном случае.

13. Необходимо расширять взаимовыгодное сотрудничество с иностранными предпринимателями, широкое вовлечение

иностранных инвестиций в экономику республики, усиление наукоемких и высокотехнологических экспортных возможностей Узбекистана.

Такая экономическая политика способна не только стабилизировать народнохозяйственный комплекс Республики Узбекистан, но и создать возможности как для дальнейшего экономического прорыва, так и развития и укрепления демократических начал, уже сейчас в своей основе закреплённых в Конституции Республики Узбекистан и в законодательных актах. Она отвечает насущным интересам как отдельного гражданина, так и всей системе национальных интересов Республики Узбекистан.

Выход из кризисного состояния, наметившийся в нашем обществе, — не единовременный акт. Этот процесс требует длительных материальных, финансовых и духовных усилий, в стратегическом же плане — выработки новых подходов, новых методологических ориентиров в последовательной реализации экономических реформ. Учиться на ошибках прошлого — один из них. Суть его заключается в том, что в процессе дальнейшего разворачивания реформ мы должны отойти от нормативного экономического мышления, ибо попытки создать в нашей специфической реальности модели швейцарские, кувейтские и т.п. обречены на провал.

Мы считаем наиболее эффективным в сложившихся условиях сильное (не значит — силовое) регулирование со стороны государства процесса становления рыночных отношений. Помимо сильной социальной политики, это предполагает отказ от немедленного бездумного выталкивания в стихию рынка тех предприятия, которые в силу оставшейся в наследство иерархически построенной экономики с односторонней сырьевой направленностью в условиях рынка вдруг оказались малоэффективными из-за отсталой технологии, высоких издержек, несоответствия структуры управления велениям времени. Такое немедленное выталкивание этих предприятий в сферу хозяйственной свободы привело бы их к окончательному банкротству, а в итоге — быстрому разрушению скелета экономики, у которой новый каркас только-только намечается.

Суть вырабатываемых правительством новых подходов в экономической политике, способной поэтапно продуктивно реализовывать принципы эффективных рыночных отношений, может заключаться в следующем:

1. Государство и субъекты экономического хозяйствования несут одинаковую ответственность друг за друга. Государство фондами материальных и денежных ресурсов поддерживает необходимые программы, реализуемые предприятиями (продовольственную программу, производство медикаментов, товаров первой необходимости и т.д.).

Предприятие, осуществляя самостоятельное экономическое развитие, все же в целом ориентируется на национальные интересы Узбекистана. Применение жестких административных санкций со стороны государства к предприятиям, в угоду собственным интересам, пренебрегающим национальными интересами, должно быть нормой.

2. Определенные трудности, возникающие в переходный период, не должны приводить к сворачиванию, остановке производства достаточно широкого комплекса товаров — будь то продовольствие, товары первой необходимости или длительного пользования. Выживание в достаточно сложных экономических условиях не исключает, а включает в себя расширение производимого ассортимента.

3. Государственное регулирование экономики должно включать в себя дальнейшее регулирование ценовой и финансовой политики — контроль и регулирование заработной платы, цен на определенный минимум необходимых товаров и услуг, на перечень производственной продукции, необходимой для дальнейшего развития — продукции машиностроительной, станкостроительной, электронной промышленности. Вообще, производственные приоритеты должны лежать в основе любой формы реализуемой экономической политики. — будь то денежное обращение, предпринимательство, ценовая, внешне-экономическая деятельность и т.д. Вместе с тем, экспорт сырья, обеспечивающего валютные поступления, не должен отойти на второй план.

Особым приоритетом должен пользоваться агропромышленный комплекс республики, в особенности — производства, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье — фрукты, овощи, продукты питания и т.д. Необходимо подойти к решению вопроса льготного налогообложения, в случае необходимости — бюджетного ассигнования и льготного кредитования таких производств.

4. Иных подходов требуют и вопросы финансово-кредитной политики. Необходимо поэтапно перейти от дотирования

бесперспективных, малоэффективных производств на позиции выдачи кредитов лишь на условиях участия в прибылях и индексации выдаваемых кредитов с учетом темпов инфляции.

Существенным укреплением доверия населения государству должен быть строго дифференцированный, на основе закона реализуемый гуманный шаг по индексации сбережений и своевременному возвращению платежей, изъятых у населения в процессе введения новых видов платежных средств.

Названные аспекты экономического реформирования социального пространства Узбекистана создают прочную легитимную базу для преобразований в политической системе республики, для которой характерными чертами может выступить следующее:

1. Идея построения независимого государства с великим будущим, в котором будут обеспечены все гражданские права и свободы, мир и благосостояние, возможности для гармоничного развития и совершенствования личности являются главным фактором, образующим политическую основу Республики Узбекистан.

2. Основной направленностью, целью развития данной системы является конкретный Человек, его потребности и интересы, его жизнь и деятельность, его психология, обычаи, его духовный мир.

3. Функционирование политической системы Узбекистана определяет в конечном итоге политическая деятельность конкретных граждан. Не гражданин существует для политической системы, а политическая система должна исходить от человека, для человека, возвращаться к человеку. Только такая политическая система легитимна, только такая политическая система действительно устойчива.

4. Такое понимание целей развития и функционирования политической системы позволяет по-новому подойти к пониманию природы складывающихся властных отношений, которые представляются не иначе, как взаимодействие всех конструктивных сил республики во имя укрепления независимости Республики Узбекистан, обеспечения мира и гражданского согласия.

5. В реализации данной задачи власть всех ветвей — законодательная, исполнительная, судебная, и всех уровней — республиканская и местная, должна быть и далее сильной —

способной последовательно, поэтапно, неуклонно реализовывать все программы политических и экономических реформ.

6. Демократизация политической системы Узбекистана предполагает продуктивное взаимодействие всех конструктивных политических сил с сильной системой государственной власти. Это обеспечивает целостность политической системы и устойчивое функционирование как институциональной, так и иерархической структуры политической системы Республики Узбекистан.

7. Политическая система Республики Узбекистан легитимирована на идеологическом, структурном и персональном уровнях. Узбекское общество целиком и полностью признает основную цель государственной политики — построение правового независимого демократического государства и справедливого демократического гражданского общества. Идеология национальной независимости отражает потребности, интересы, цели каждого узбекистанца. Это обуславливает легитимированность политической системы на идеологическом уровне.

Народ Узбекистана на референдумах 17 марта 1991 г., 29 декабря 1991 г., 26 марта 1995 г. признали правомерными способ реализации, цели, структуру политической системы республики. Состоявшиеся выборы Президента Республики Узбекистан, Олий Мажлиса, продление полномочий Президента и т.д. свидетельствуют о согласии узбекского общества рассматривать существующий политический режим в качестве единственно законного, что обусловило структурный уровень легитимированности политической системы Узбекистана. И, наконец, проведенные социологические исследования общенационального масштаба, референдум 26 марта 1995 г. свидетельствуют об огромном личном авторитете Президента И.А.Каримова, что связано с персональным уровнем легитимированности политической власти. Таким образом, легитимируясь на всех трех уровнях, политическая система Узбекистана имеет все основания считаться и быть по-настоящему эффективной и устойчивой.

Вступление Узбекистана во второй этап социально-политических и экономических преобразований, потребности дальнейшей устойчивости, стабильности вызывают настоятельную необходимость оптимизации экстракционной, регулирующей, дистрибутивной, символизирующей, реагирующей возможностей политической системы республики, повышения ее адаптивной способности.

Как отмечал И.А.Каримов, "мы строим гражданское общество. Это значит, что по мере становления нашей государственности многообразные функции управления будут передаваться самому народу, общественным органам самоуправления". Иными словами, политическая система должна оптимально извлекать (экстрагировать) из гражданского общества требует дальнейшей оптимизации системы выборов в органы представительной власти, привлечения на государственную и военную службу, экспертно-аналитического обслуживания политических структур, налогообложения, других механизмов пополнения бюджета институтов политической системы и т.п. Дальнейшее стабильное функционирование политической системы возможно постольку, поскольку она имеет и использует эти ресурсные возможности, совершенствует их в своих целях.

Приоритетное значение при этом должно иметь использование интеллектуальных, нравственных и физических качеств человеческого потенциала в совокупности с богатыми природными, материальными ресурсами Узбекистана. Их поступления может обеспечиваться применением многогранной системы морального и материального стимулирования, обращением к потребностям, интересам, целям, чувству долга, патриотизму членов гражданского общества. Чем эффективнее и шире используется эта экстракционная возможность, тем сильнее зависимость существующей политической системы Узбекистана от становящегося гражданского общества, тем больше гарантий, предотвращающих любой тоталитарный диктат и произвол.

Одновременно расширяется и регулирующая возможность политической системы, которая именно через максимально реализуемую способность управлять, регулировать, координировать поведение индивидов и групп, воздействовать на гражданское общество, может считаться сильной. Сильное государство, взаимодействующее с гражданским обществом, не может пренебречь цивилизованными формами как прямого воздействия — через законы, указы, нормативные акты, так и через косвенные механизмы регулирования цен, заработной платы, обработку общественного мнения, установления размеров процентных ставок на кредиты и налогообложение.

¹Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана // Народное слово. — 1995. — 24 февраля.

Таким образом, одновременное использование и регулирующих возможностей составляет специфическую особенность политической системы Узбекистана.

Технологический уровень современного производства, потребности научно-технической модернизации предъявляют качественно новые требования к воспроизводству субъектов производства. Возрастает значение различного рода целевых социальных программ, эффективного патронажа социального государства над сферами образования, науки, культуры, здравоохранения для устойчивого развития узбекского общества и дееспособности его политической системы. В этом плане государство должно усилить свою роль в перераспределении национального богатства, иначе рано или поздно одна из корпораций гражданского общества — та или иная социальная группа, бюрократическая прослойка, в руки которой попадают рычаги присвоения и распределения национального продукта, начнет распределять его согласно собственным, иллюзорным представлениям о потребностях населения, а то и прямо паразитировать на обществе. Только сильное демократическое государство во взаимодействии с развитым гражданским обществом способны оптимально использовать дистрибутивную возможность, и чем больше потребность в перераспределении, тем более демократической должна быть осуществляющая его политическая система Узбекистана.

Эффективность взаимодействия государства и гражданского общества определяется степенью общественного доверия к власти, той поддержкой, которой пользуются мероприятия власти среди населения. Этим определяется значение символизирующей возможности политической системы. Государство всегда должно держать руку на пульсе общественного мнения, заботиться о создании собственного благоприятного политического имиджа как среди населения Узбекистана, так и за рубежом. Это потребует разработки стратегических систем регулирования и обработки общественного мнения, активизации политологических, философских, социологических исследований в области "public relations". В целом же всем, разрабатывающим данные проблемы, необходимо помнить, что популизм способен приносить лишь краткосрочные успехи, в конечном счете все зависит от того, насколько способна политическая система реализовать декларируемые цели на практике. Система предлагаемых обществу намечаемых целей должна соответствовать реальным условиям

развития общества, действительным целям как самих политиков, так и целям хотя бы основного большинства субъектов политической системы. Только это и может обеспечить реальную устойчивость политической системы.

Таким образом, очевидно значение и регулирующей возможности политической системы. Иными словами, политическую систему делает действительно устойчивой, способной к саморазвитию лишь ее способность адекватно реагировать на изменение внешних условий и внутреннего состояния.

В этом плане радикальным способом повышения адаптивной способности политической системы Узбекистана на современном этапе должно выступить поэтапное, эволюционное увеличение числа степеней свобод за счет расширения самостоятельности подсистем — местных структур власти, органов самоуправления, политических партий, общественных организаций, обществ, творческих союзов и т.д. в пределах сохранения политической системы как целого. Это означает демократизацию управления, усиление обратной связи на всех уровнях, преодоление автономного, независимого положения государства по отношению к гражданскому обществу. Лишь тогда и возможен переход от реализации власти как принуждения и насилия к реализации власти как взаимодействия, творения, созидания.

Только максимальное приближение государства к потребностям гражданского общества, только максимум демократии в сочетании с широкой социальной основой политического рекрутирования, добровольностью и профессионализмом способно в долгосрочном отношении стабилизировать современную политическую систему Узбекистана.

В конечном счете все зависит от человека как субъекта и объекта политической системы, системы реализации власти, от уровня его политического сознания и политической культуры. Перспективы политической системы Узбекистана, ориентированной на каждого узбекистанца и служащей ему, в этом плане соответствуют требованиям государства и общества с действительно великим будущим!

О Г Л А В Л Е Н И Е

В В Е Д Е Н И Е	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН	7
I.1. Категориальный анализ понятия "политическая система"	7
I.2. Политическая деятельность как фактор образования политической системы	23
I.3. Власть как основной атрибут политической системы . . .	37
ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ УЗБЕКИСТАНА	57
2.1. Формирование и развитие новой структуры власти	57
2.2. Политические партии и общественные движения как составные компоненты политической системы	85
2.3. Роль институтов политического опосредования в укреплении гражданского согласия и стабильности в Республике Узбекистан	101
ГЛАВА III. УКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ФАКТОРОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН	124
3.1. Демократизация и ее значение в укреплении гражданского общества в Узбекистане	124
3.2. Роль идеологии национальной независимости в укреп- лении политической системы Республики Узбекистан. . .	147
3.3. Социальная ориентированность рыночной экономики как основа легитимности политической системы Республики Узбекистан.	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	196